

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение  
высшего образования  
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

*На правах рукописи*

Левашов Владимир Константинович

ЕДИНОЛИЧНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ  
ОРГАН  
В КОРПОРАТИВНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЛИЦЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ  
на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Сиземова Ольга Борисовна,  
доктор юридических наук, доцент

Москва – 2026

## Оглавление

|                                                                                                                                   |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Введение.....                                                                                                                     | 3   |
| Глава 1 Общая характеристика отношений с участием единоличного исполнительного органа .....                                       | 20  |
| 1.1 Понятие и правовая природа отношений между корпоративным юридическим лицом и единоличным исполнительным органом .....         | 20  |
| 1.2 Мнимый и действительный единоличный исполнительный орган: отграничение в отношениях с третьими лицами .....                   | 47  |
| Глава 2 Осуществление полномочий единоличного исполнительного органа.....                                                         | 70  |
| 2.1 Возникновение и прекращение полномочий единоличного исполнительного органа .....                                              | 70  |
| 2.2 Подконтрольность последствий деятельности единоличного исполнительного органа вышестоящим органам юридического лица.....      | 95  |
| 2.3 Последствия отсутствия единоличного исполнительного органа .....                                                              | 113 |
| Глава 3 Ответственность единоличного исполнительного органа за неразумное и недобросовестное осуществление своих полномочий ..... | 134 |
| 3.1 Имущественная ответственность единоличного исполнительного органа перед корпоративным юридическим лицом и третьими лицами ..  | 134 |
| 3.2 Правовая природа ответственности единоличного исполнительного органа.....                                                     | 146 |
| Заключение .....                                                                                                                  | 164 |
| Список сокращений и условных обозначений .....                                                                                    | 167 |
| Список литературы .....                                                                                                           | 169 |

## Введение

**Актуальность темы исследования.** В Конституции Российской Федерации закреплено, что российское государство стремится к созданию условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (ст. 75.1). Реализация этого стремления требует четкого и предсказуемого регулирования отношений, связанных с участием юридических лиц в гражданском обороте.

Неспособные по природе к физическим действиям в реальном мире юридические лица выступают в правоотношениях через свои органы. Статистические данные свидетельствуют, что в последние годы наблюдается рост числа дел, связанных с назначением (избранием), прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих в состав органов управления юридического лица: в первом полугодии 2025 года их общее число составило 272 дела против 243 в первом полугодии 2024 года и 161 в первом полугодии 2023 года, при том что за весь 2024 год поступило 652 дела против 403 в 2023 году и 286 в 2022 году [97].

Единоличный исполнительный орган — ключевое звено, от деятельности которого зависит эффективность управления юридическим лицом, защита прав кредиторов и участников, а потому, в конечном счете, и стабильность гражданского оборота в целом. В России наибольшую долю среди всех юридических лиц (99,6% среди коммерческих организаций и 47,8% среди некоммерческих (не считая некоммерческих организаций, регистрируемых в специальном порядке) [98]) занимают корпорации, поэтому наиболее ярко любые проблемы, связанные с правовым статусом единоличного исполнительного органа, проявляются именно в них.

Одной из таковых проблем является продолжающаяся дискуссия о природе единоличного исполнительного органа. Отсутствие четкого ответа на вопрос, является единоличный исполнительный орган частью юридического лица или представителем последнего, а если представителем,

то признание его представительства законным или добровольным порождает методологическую путаницу. Доктринальные разногласия по этому вопросу отражаются и на правоприменительной деятельности, в которой все устойчивее укрепляется проблемная практика предъявления прямых исков к руководителям юридических лиц со стороны кредиторов.

В то же время механизмы защиты добросовестных контрагентов юридического лица в случае вступления последних в отношения с «проблемными» руководителями не выработаны. Нередки случаи, когда суды, ссылаясь на наличие пороков в решении о назначении единоличного исполнительного органа на должность, удовлетворяют требования об истребовании имущества у таких лиц.

Остается нерешенным и вопрос об определении момента, с которого полномочия единоличного исполнительного органа следует признать возникшими. Высказанная несколько десятилетий назад позиция, что за таковой не следует принимать момент внесения сведений в ЕГРЮЛ, понимается в доктрине преимущественно однобоко, то есть как указание на возникновение полномочий исключительно с момента принятия решения компетентным органом управления. Порождаемые вследствие такой позиции трудности в правоприменительной деятельности, связанные, в частности, с тем, что полномочия ранее назначенного единоличного исполнительного органа истекли, а назначения нового так и не произошло, в должной мере так и не были осмыслены юридической наукой.

Не являлась предметом самостоятельного научного исследования до настоящего времени и проблема разрешения так называемых корпоративных тупиков, когда участники не могут достичь необходимого единства по вопросу о кандидатуре нового единоличного исполнительного органа, а равно когда кто-либо из участников блокирует назначения единоличного исполнительного органа, парализуя деятельность организации. Имеющиеся в законодательстве механизмы преодоления такой ситуации могут привести

лишь к полной или частичной ликвидации юридического лица, без возможности его сохранения как целостной экономической единицы.

Не проведена систематизация последствий деятельности единоличного исполнительного органа, что препятствует не только теоретическому изучению проблемы, но и приводит к хаотическому набору возможных исков, которые суды считают возможным принять в случае нарушения прав участников корпоративного юридического лица.

Наконец, неопределенность правовой природы ответственности единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица приводит к разнородности судебной практики. Между тем, сохраняющаяся на протяжении длительного времени значительная доля случаев административного прекращения деятельности юридических лиц (в процентном соотношении к 1 февраля 2020 года доля таковых составила 85%, к той же дате 2021 года – 85,4%, 2022 года – 81,1%, 2023 года – 77,2%, 2024 года – 76,4%, 2025 года – 77,7% [98]) с неизбежностью означает необходимость четкого понимания такой природы.

Решение обозначенных проблем будет иметь не только прикладное, но и фундаментальное значение, соответствующее важным научным задачам юридической науки, к которым согласно Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы) [16] относятся создание комфортной правовой среды для глобального технологического лидерства и дальнейшее развитие предпринимательского права с опорой на идеи корпоративного права. Следовательно, преодоление выявленных в работе доктринальных противоречий и правоприменительных пробелов отвечает не только на запросы текущей практики, но и на долгосрочные цели модернизации российской правовой системы.

Таким образом, наличие целого комплекса нерешенных теоретических проблем, вкупе с противоречивой, а то и прямо негативно

складывающейся в таких условиях судебной и иной правоприменительной практикой, свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

**Степень разработанности темы исследования.** На диссертационном уровне общие проблемы правового положения единоличного исполнительного органа в юридическом лице в составе более общей проблемы правового положения органов юридических лиц и соответственно проблемы внутрикорпоративного управления были на современном этапе впервые рассмотрены в докторской диссертации С.Д. Могилевского «Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект» (Москва, 2001 г.), в которой подробно был разработан статус органов (в том числе единоличного исполнительного) с точки зрения их внутрикорпоративного положения как частей юридического лица-организации. В дальнейшем исследованию правового статуса органов юридического лица в целом были посвящены исследования Г.Л. Рубеко «Правовой статус органов управления акционерных обществ» (Ростов-на-Дону, 2004 г.), М.Д. Тихомирова «Правовое положение органов управления акционерного общества» (Санкт-Петербург, 2005 г.), Д.А. Сумского «Концепция органа юридического лица в теории гражданского права» (Москва, 2007 г.) и некоторых других. В сравнительно-правовом аспекте проблеме корпоративного управления была посвящена работа Яна Тяньфана «Правовое регулирование корпоративного управления в РФ и КНР: сравнительное исследование» (Москва, 2022 г.).

Исследованию отдельных аспектов правового положения единоличного исполнительного органа были посвящены кандидатские исследования А.А. Серебряковой «Правовой статус исполнительных органов хозяйственных обществ» (Казань, 2005 г.), А.В. Богданова «Гражданско-правовой статус управляющей организации как единоличного исполнительного органа акционерного общества» (Москва, 2012 г.), И.А. Косякина «Правовое положение единоличного исполнительного органа акционерного общества» (Москва, 2022 г.). Отдельного упоминания в этом

ряду заслуживает работа Е.В. Тычинской «Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества» (Москва, 2010 г.), поскольку в ней обоснованно было обращено внимание на то, что единоличный исполнительный орган должен рассматриваться не просто как составная часть юридического лица-организации, но и как то, через что юридическое лицо (как субъект права) вступает во внешние по отношению к компании правоотношения.

Значительное внимание исследователей привлекла относящаяся к вопросу о статусе единоличного исполнительного органа проблема корпоративной ответственности. Этой проблеме были посвящены диссертационные исследования В.И. Хныкина «Гражданско-правовая ответственность органов управления акционерных обществ по законодательству Российской Федерации» (Москва, 2005 г.), И.А. Смирновой «Ответственность органов управления хозяйственных обществ. Предпринимательско-правовые аспекты» (Москва, 2013 г.), Е.Н. Назаровой «Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ» (Екатеринбург, 2015 г.). В сравнительно-правовом аспекте эта проблема была рассмотрена в работах И.Л. Иванова «Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом, в праве России и Германии» (Москва, 1999 г.), М.А. Карташова «Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии» (Санкт-Петербург, 2015 г.), И.А. Турбиной «Гражданско-правовая ответственность исполнительных органов хозяйственных обществ в РФ, ЕС и США» (Волгоград, 2016 г.), С.А. Шикина «Основания гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества в России и государствах англо-американского права» (Москва, 2019 г.), Сунь Ци «Ответственность участников корпоративных отношений: сравнительный анализ по праву Китая и России» (Москва, 2021 г.), Е.М. Ключаревой «Обязанности и ответственность членов органов

управления юридических лиц в праве России, Германии, Великобритании и штата Делавэр (США)» (Москва, 2023 г.). Отдельного упоминания заслуживает докторская работа О.В. Гутникова «Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами» (Москва, 2018 г.), которая представляет собой в настоящее время наиболее полное и фундаментальное исследование проблемы корпоративной ответственности из всех существующих.

Тесно связанной с вопросом ответственности является проблема злоупотребления правом в корпоративных отношениях. Рассмотрению этой проблемы были посвящены работы Д.М. Токарева «Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты» (Волгоград, 2010 г.), А.А. Кузнецова «Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом» (Волгоград, 2012 г.), К.А. Михалева «Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением» (Екатеринбург, 2015 г.), Е.М. Лянгузовой «Злоупотребление корпоративными правами хозяйственным обществом и его участниками» (Москва, 2024 г.). Отдельного упоминания может быть удостоено исследование О.И. Гентовт «Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ» (Москва, 2021 г.), специально посвященное одному из наиболее спорных способов защиты от злоупотребления правом.

**Цель исследования** состоит в разрешении научной проблемы по разработке и обоснованию теоретических положений, направленных на развитие представлений о единоличном исполнительном органе в корпоративном юридическом лице, и формулированию рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений, участником которых он является, а также правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи исследования:**

1) выявить содержание понятия «единоличный исполнительный орган юридического лица» и установить правовую природу его деятельности;

2) установить критерии, по которым действия тех или иных субъектов могут быть вменены юридическому лицу в качестве действий его единоличного исполнительного органа;

3) установить основания возникновения и прекращения полномочий единоличного исполнительного органа, определив момент, в который таковые полномочия должно считать возникшими или прекратившимися;

4) определить границы юридической подвластности вышестоящим органам юридического лица последствий деятельности единоличного исполнительного органа;

5) установить последствия наступления невозможности завершить формирование единоличного исполнительного органа корпоративного юридического лица;

6) определить границы применения особого «внебанкротного» порядка привлечения единоличного исполнительного органа к прямой имущественной ответственности перед контрагентами юридического лица;

7) установить правовую природу ответственности единоличного исполнительного органа перед контрагентами юридического лица.

**Объектом исследования** выступают общественные отношения, возникающие в связи с деятельностью единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице.

**Предметом исследования** являются нормы действующего гражданского, в том числе корпоративного, законодательства, регламентирующие деятельность единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице, складывающаяся в отношении этих норм судебная практика, а также научные труды и материалы правоприменительной практики.

**Область исследования** диссертации соответствует п. 6. «Теория субъектов. Особенности правового положения субъектов в отдельных сферах

экономики и социально-культурной деятельности. Отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; отношения по управлению юридическим лицом. Отношения экономической зависимости. Несостоятельность (банкротство). Субъекты процессуальных отношений» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

**Методология и методы исследования.** Поставленные задачи предопределили использованные в ходе выполнения исследования методы. Так, для разрешения вопроса о понятии и действительной правовой природе единоличного исполнительного органа и вопроса о природе его ответственности перед контрагентами юридического лица использован индуктивный метод научного познания, поскольку только он позволял из разрозненных предписаний закона выделить существо складывающихся отношений, а также историко-правовой метод как основа для точного определения понятий в их постоянном развитии.

Для разрешения вопроса об основаниях вменения действий субъектов, выступающих от имени юридического лица, самому юридическому лицу использовано сочетание системно-структурного и сравнительно-правового методов познания, поскольку именно такое соединение было необходимо для проработки этого одновременно сложного и малоисследованного вопроса.

При разрешении вопроса о возникновении и прекращении полномочий единоличного исполнительного органа преимущественно использован юридико-догматический метод, для которого характерно сочетание анализа и синтеза в познании юридических институтов, что позволило четко обособить соответствующие основания и время их наступления, не допустив смешения со смежными явлениями.

При разрешении вопроса о границах юридической подвластности наибольшее применение получили методы телеологического толкования и синтеза, дающие возможность исключить субъективный фактор при определении границ применения тех или иных институтов.

Ввиду отсутствия в отечественном праве инструментов для разрешения вопроса о последствиях невозможности формирования единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице широкое применение нашел сравнительно-правовой метод, а порождающие множество противоположных мнений вопросы ответственности единоличного исполнительного органа предопределили выбор в пользу преимущественного использования формально-логического метода.

Наряду с изложенными, в работе использованы иные общенаучные методы (дедукция, метод диалектического познания), а при анализе текстов нормативных актов и разъяснений (решений) судебных инстанций использовались также методы грамматического, логического, систематического и исторического толкования. При формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства преимущество было отдано методу экономического анализа права, для которого свойственно противопоставление выгод/издержек, что позволяло наглядно объяснить преимущество выдвигаемых предложений.

**Теоретическую основу исследования** наряду с упомянутыми ранее работами составили труды отечественных дореволюционных, советских и современных ученых-правоведов, а также работы их зарубежных коллег, которые были посвящены вопросам, затрагиваемым в настоящем исследовании. Так, в ходе исследования были использованы, в частности, сохраняющие актуальность труды таких отечественных дореволюционных исследователей как А.О. Гордон, А. Евецкий, П. Писемский. Из советских исследователей наряду с затрагивавшими в той или иной степени различные аспекты темы настоящего исследования работами А.Г. Гойхбарга, О.С. Иоффе, П.И. Стучки, Е.А. Флейшиц были использованы и специально посвященные теме настоящей работы труды Б.Б. Черпахина, И.В. Шерешевского. Из значительного круга использованных трудов современных исследований можно упомянуть работы В.К. Андреева, Д.И. Дедова, К.И. Забоева, О.Р. Зайцева, М.Н. Илюшиной,

В.З. Мамагеишвили, Ю.Э. Монастырского, А.Л. Назыкова, Е.Л. Невзгодиной, Е.А. Папченковой, Д.И. Степанова, Е.А. Суханова, Г.В. Цепова, И.С. Чупрунова, И.С. Шиткиной.

**Нормативную основу исследования** составили прежде всего нормативно-правовые акты Российского государства, действующие в настоящее время (в том числе: Конституция 1993 года, Гражданский кодекс 1994 года, Федеральный закон «Об акционерных обществах» 1995 года, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» 1998 года), а также действовавшие в прошлые исторические периоды (в том числе: Свод законов гражданских Российской Империи, Гражданские кодексы 1922 и 1964 годов). Исследованию подверглись также нормативные акты зарубежных стран (Австралии, Германии, Индии, США, Франции, Чехии).

**Эмпирическая база работы** состоит из материалов судебной правоприменительной практики, касающихся исследуемой области, в том числе актов Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, сохраняющих значение актов Высшего Арбитражного суда Российской Федерации, разъяснений Пленумов обозначенных высших судебных инстанций, практики нижестоящих судебных органов. Также эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики Правительствующего сената Российской империи и зарубежных высших судебных инстанций.

**Научная новизна** исследования заключается в том, что разработана и обоснована концепция правового положения единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице как части корпорации, выполняющей функции представителя и занимающей при этом промежуточное положение между законными и добровольными представителями.

Доказано, что открытый (гласный) характер представительства единоличного исполнительного органа требует повышения доверия к

размещаемым в публичных реестрах сведениям о текущем руководителе организации посредством ограничения числа случаев, когда по отношению к нему могут применяться правила о полномочиях из обстановки.

Выявлено и обосновано, что характер представительства единоличного исполнительного органа не позволяет свести проблемы возникновения (прекращения) его полномочий к проблеме внесения (исключения) сведений из ЕГРЮЛ, что соответствующие проблемы требуют разрешения с учетом лежащих в основе такого представительства договорных отношений.

Выявлена неспособность текущего правового регулирования разрешить проблему сохранения управляемости юридического лица в условиях устойчивого отсутствия в конкретный момент времени единоличного исполнительного органа в юридическом лице, в связи с чем аргументирована необходимость заполнения выявленного пробела в правовом регулировании.

Опровергнута теория, что преступные действия единоличного исполнительного органа не могут относиться к его трудовым (служебным) обязанностям: в таких случаях необходимо применять общие правила об ответственности юридических лиц за действия своих органов, а не о прямых исках к руководителям организаций.

Научная новизна конкретизируется в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1) Установлено, что единоличный исполнительный орган, являясь частью юридического лица, выступает в отношениях с третьими лицами в качестве, функционально сходном с представительством: переносит на юридическое лицо все последствия совершаемых им действий (бездействия) и может быть признан самостоятельным субъектом ответственности. При этом, правовое положение единоличного исполнительного органа не может быть сведено к законному или добровольному представительству, так как оно органично сочетает в себе функциональные черты обоих видов

представительства, вследствие чего следует обозначить двойственную правовую природу его статуса.

2) Поскольку действительность полномочий единоличного исполнительного органа для третьих лиц подтверждается размещенными в ЕГРЮЛ сведениями, обосновано, что применение общих правил о представительстве без полномочий (ст. 183 ГК РФ) возможно только в случае, когда сведения о единоличном исполнительном органе еще не были в установленном порядке опубликованы. Опубликованные сведения могут быть отвергнуты юридическим лицом только при наличии недобросовестности на стороне контрагента юридического лица: когда о недостоверности сведений было или должно было быть известно контрагенту на момент вступления в правоотношения.

3) Доказано, что моментом возникновения полномочий единоличного исполнительного органа может быть только момент заключения между ним и корпоративным юридическим лицом договора, в том числе и через фактический допуск к работе, и в случае, если по истечении срока действия предыдущего договора ни одна из сторон не выразила желания прекратить отношения. При этом факты внесения сведений о заключении договора в ЕГРЮЛ или принятия компетентным органом управления юридического лица решения о наделении полномочиями, несмотря на их легитимизирующее качество для третьих лиц, не могут подменить собой волю лица на принятие комплекса прав и обязанностей (полномочий) единоличного исполнительного органа, так как без такого волеизъявления исполнение функций данного органа невозможно.

4) С целью повышения предсказуемости последствий обжалования различных действий (бездействия) единоличного исполнительного органа разработана авторская классификация действий (бездействия) единоличного исполнительного органа в зависимости от возможности влияния вышестоящих органов на возникновение юридических последствий таких

действий (бездействия) для корпоративного юридического лица, которая включает в себя три группы:

Первая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять в случае нарушения закона, учредительного документа (издаваемые единоличным исполнительным органом правовые акты и принимаемые им решения).

Вторая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять при условии одновременного нарушения закона и (или) учредительного документа, осведомленности другой стороны о наличии таких нарушений (все виды сделок).

Третья группа: неподконтрольные и находящиеся вне юридической власти вышестоящего органа действия (бездействие) единоличного исполнительного органа (различные юридические поступки, в том числе деликты и акты голосования). В рамках последней группы выделяется особая подгруппа действий (бездействия), на последствия которых вышестоящие органы не могут повлиять, но имеют возможность обжалования производных от этих действий (бездействия) фактов (решения собраний в случае их ничтожности, а равно в случае известного другим участникам собрания выхода единоличного исполнительного органа за пределы предоставленных полномочий).

5) Выдвинут и обоснован способ выхода из ситуации невозможности формирования единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице ввиду блокирующего поведения участника коллегиального органа путем использования института временного приостановления корпоративных прав лица, чьи действия (бездействие) послужили причиной наступления невозможности сформировать исполнительные органы, что позволит корпоративному юридическому лицу сохранить управляемость и продолжить уставную деятельность.

6) Предложено решение проблемы невозможности прийти к единому мнению по кандидатуре на должность единоличного исполнительного органа корпоративного юридического лица (непреодолимая конкуренция претендентов) путем установления на уровне закона рекомендуемых квалификационных требований к предлагаемым участниками лицам и утверждения судом претендента с наилучшей деловой репутацией, определяемой в соответствии с указанными требованиями.

7) Доказано, что правонарушения при исполнении полномочий единоличного исполнительного органа (в том числе и когда его деяния квалифицируются как преступление) не могут рассматриваться в качестве фактора, дающего право на предъявление прямых «внебанкротных» исков к единоличному исполнительному органу, исключая ответственность юридических лиц за действия (бездействие) их руководителей.

8) Установлено, что прямая ответственность единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица наступает за действия (бездействие), находящиеся в косвенной причинно-следственной связи с возникновением убытков у кредиторов, в силу чего такая ответственность имеет сходство с ответственностью родителей за вред, причиненный их несовершеннолетним ребенком, и должна быть также по своей правовой природе определена в качестве деликтной и не может квалифицироваться ни как договорная, ни как особая (корпоративная) ответственность.

**Теоретическая значимость работы** заключается в приращении гражданско-правового научного знания в части понимания специфики деятельности единоличного исполнительного органа, которое благодаря выработанным в настоящем исследовании положениям позволит вновь взглянуть на сложности его деятельности как на разновидность единой комплексной проблемы, вытекающей из особого статуса единоличного исполнительного органа в качестве функционального представителя, что поспособствует дальнейшим исследованиям.

**Практическая значимость работы** состоит в возможности использовать сделанные в исследовании выводы при совершенствовании текущего законодательного регламентирования в Российской Федерации отношений по представительству юридических лиц их единоличными исполнительными органами, а также в возможности использовать сделанные выводы при подготовке (совершенствовании) разъяснений действующего законодательства и при разрешении конкретных дел судебными органами. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе и преподавательской деятельности.

**Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования.** Достоверность результатов исследования подтверждается произведенным анализом отечественных и зарубежных нормативно-правовых актов, судебной практики и доктринальных источников, постановкой цели и задач исследования, а также избранной методологией.

Основные результаты исследования, а также сделанные в ходе исследования выводы отражены в докладах и выступлениях на научных мероприятиях (конференциях, круглых столах, форумах), в том числе: на XXVI международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехнетика» (г. Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Саратовская государственная юридическая академия, 25-28 сентября 2024 г.); на всероссийском круглом столе «Проблемные аспекты цивилистической герменевтики в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве» (Санкт-Петербург, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 25 октября 2024 г.); на Пятой Всероссийской научной конференции курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей «Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей» (г. Рязань, Академия ФСИН России, 6 февраля 2025 г.); на IV Международной научно-практической конференции «Вопросы судебной деятельности и

правоприменения в современных условиях» (г. Симферополь, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 1-4 апреля 2025 г.); на XVII итоговой студенческой научной конференции Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, РПА Минюста России, 2 апреля 2025 г.); на Международной научно-практической конференции «VI Нижегородские юридические чтения» (г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 23 мая 2025 г.).

Актуальные и значимые положения исследования применяются в практической деятельности Арбитражного суда Республики Коми. В частности, разработанные в исследовании положения, касающиеся возникновения и прекращения полномочий единоличного исполнительного органа, ответственности единоличного исполнительного органа перед корпоративным юридическим лицом и третьими лицами, рекомендованы к использованию при разрешении дел, возникающих из гражданских правоотношений.

Ряд положений исследования использован при проведении семинарских занятий по курсам «Гражданское право», «Предпринимательское право» в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

**Публикации.** Основные положения и результаты исследования нашли свое отражение в 11 научных работах общим объемом 7,19 п.л. (весь объем авторский), в том числе 5 работ авторским объемом 4,85 п.л., опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

**Структура и объем диссертации** обусловлены ее целью и задачами, объектом и предметом исследования. Диссертация состоит из введения, трех

глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы из 227 наименований. Текст диссертации изложен на 200 страницах.

## **Глава 1**

### **Общая характеристика отношений с участием единоличного исполнительного органа**

#### **1.1 Понятие и правовая природа отношений между корпоративным юридическим лицом и единоличным исполнительным органом**

Одним из наиболее стабильных положений гражданского законодательства является правило о порядке приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя обязанностей. «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом», – гласит в настоящее время абз. 1 п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 года (далее – ГК РФ).

Не имея легального определения, категория «орган юридического лица» тем не менее активно используется юридическим сообществом на протяжении длительного времени. Так, еще Д.И. Мейер говорил об органе юридического лица как о том, через что юридическое лицо «должно проявлять свою деятельность» [121, с. 91-92], К.П. Победоносцев описывал орган юридического лица как то, через что имущественный фонд организации «получает юридическую личность и представительство» [125, с. 495], а В.И. Синайский говорил не просто об органе, но об «организации, представляющей юридическое лицо» [130, с. 62]. Аналогичное отношение к органу юридического лица как к инструменту, функционирующему за другого, сохранилось и в дальнейшем [131, с. 156] вплоть до наших дней [120, с. 279]. Лишь немногие исследователи, как, например, А.А. Булдакова,

порицали этот термин за «абстрактность» и призывали отказаться от него [146].

При этом категория «орган юридического лица» не является монолитной: в зависимости от способа формирования, состава, функций и так далее органы юридических лиц могут быть классифицированы по различным основаниям, среди которых для целей настоящего исследования наибольшее значение имеет деление в зависимости от их участия в процессе образования и изъявления воли юридического лица. В соответствии с этой классификацией принято различать органы: а) волеобразующие и изъявляющие волю, представляющие юридическое лицо во вне (также именуемые представительными органами) и б) органы волеобразующие, но не представляющие юридическое лицо во вне (также именуемые непредставительными органами) [212, с. 301; 120, с. 285-286, 289-290]. Хотя приобретать права и принимать обязанности юридические лица могут так или иначе посредством всех органов, непосредственным актором приобретения юридическим лицом гражданских прав и обязанностей в большинстве случаев выступает лишь один из представительных органов, который в законе именуется как единоличный исполнительный орган, а в теории (чаще) как руководитель или просто директор. Именно изучению правового статуса этого актора, для наименования которого в дальнейшем мы будем использовать как равнозначные все приведенные выше названия, посвящено настоящее диссертационное исследование.

Гражданский закон относит директора, наряду с общим собранием участников, к органам, образование которых является обязательным во всяком корпоративном юридическом лице (п. 3 ст. 65.3 ГК РФ). Кажущимся исключением из этого правила выступают только полное товарищество и товарищество на вере, ведение дел в которых осуществляют участники (полные товарищи), а не отдельно сформированные органы. Вместе с тем исключение это кажущееся: как верно отмечает Г.Е. Авилов, ГК РФ разграничивает отношения по управлению полным товариществом и по

ведению его дел, посвящая каждой из этих двух сфер отдельную статью (соответственно 71 и 72) и формулируя целых четыре типа того, как может быть организовано ведение дел в товариществе [137, с. 184-185], то есть формулирует четыре способа организации единоличного исполнительного органа. Требуется закон назначения руководителя и в юридических лицах, не отнесенных легально (абз. 1 п. 1 ст. 65.1 ГК РФ) к корпоративным (п. 5 ст. 113; п. 2 ст. 123.19; ст. 123.20-7; п. 4 ст. 123.21; п. 3 ст. 123.25 ГК РФ). В этом проявляется универсальность и незаменимость единоличного исполнительного органа для всех юридических лиц.

Вместе с тем сложнопереплетающиеся или, по точному высказыванию П.И. Стучки [131, с. 84], «двоякие» отношения, существующие применительно ко всякому (особенно корпоративному) юридическому лицу в виде отношений внутри самого юридического лица между участниками (друг с другом) и между участниками и органами (далее – внутренние отношения) и отношений юридического лица к внешнему миру, к прочим участникам гражданского оборота (далее – внешние отношения), предполагают такой же (двойной) статус директора юридического лица. Для целей внутренних отношений он (как и все органы) представляет собой не что иное, как структурное подразделение организации, с чем согласно подавляющее большинство исследователей. Для целей же внешних отношений вопрос о статусе единоличного исполнительного органа не столь определен.

Сложность этого вопроса во многом вызвана проблемой допустимости возложения ответственности за недозволенные действия одного лица на другое. Применительно к юридическим лицам трудность этой проблемы осознана в полной мере еще римскими юристами, которые, с одной стороны, признавали, что «долг в пользу совокупности... не является долгом отдельным лицам [составляющим корпорацию], ибо долг совокупности – это не долг отдельных лиц» (D. 3.4.7.1), но, с другой стороны, отрицали возможность возложения на юридическое лицо

ответственности за действия уполномоченных им граждан (D. 4.3.15.1). Исключение допускалось только в случае, когда в результате причинения вреда что-либо было обращено в пользу муниципии (D. 43.16.4). Впрочем, в римском праве за гражданами аналогично не признавалась и возможность напрямую приобретать права для юридического лица, в результате чего последнее могло быть обязано (к возврату долга) только в случае, если принятые уполномоченным деньги были обращены на пользу организации; иначе обязанным считался тот, кто заключил договор от имени юридического лица, а не оно само (D. 12.1.27). Прямое же приобретение прав в пользу юридического лица допускалось разве что по аналогии (D. 13.5.5.9).

Впрочем, как отмечает Ф.К. фон Савиньи, если приобретение прав через свободных граждан действительно было возможно только в порядке аналогии (*utilis actio*) или в силу передачи какого-либо прибытка (*obligatio ex re, ex eo quod ad aliquem pervenit*), то через рабов права могли быть приобретены и напрямую (*ipso jure*) [129, с. 163, 176]. Отмена, однако, в дальнейшем института рабства сделала эту оговорку во многом неприменимой, поставив юридическое сообщество перед вопросом, насколько справедливым является то, что ответственность за недозволенные действия руководителя может быть возложена на юридическое лицо только в случае передачи последнему какого-либо прибытка?

На этот вопрос исследователи отвечали по-разному. Так, одни считали, что директора, совершившие какое-либо правонарушение в качестве представителей юридического лица, «не имеют права слагать с себя ответственность за учиненное ими деяние и переносить ее на юридическое лицо» [103, с. 137], в силу чего высказывались в поддержку римского принципа, считая его «вытекающим из существа самого дела» [103, с. 137-138].

Другие также высказывались в пользу римского принципа, аргументируя свои воззрения тем, что «фиктивная способность к волеизъявлению» юридических лиц должна быть «действительная только в

тех узких границах, которые определяются их понятием, то есть лишь в той мере, в какой она необходима для допуска их к участию в обороте» [129, с. 174], а также тем, что при допущении ответственности юридического лица за деликты, совершенные его директорами, происходит «полное смешение юридического лица с его отдельными членами», что виделось непоследовательным, если одновременно с этим не призывали «наказывать опекаемого за преступление опекуна, если тот совершает его в своем качестве опекуна, например, воруя или обманывая во благо опекаемого» [129, с. 174-175].

Между тем еще в Средние века интересы справедливости подтолкнули некоторых ученых-правоведов отказаться от римского принципа возложения ответственности только в случае передачи юридическому лицу прибыли, в результате чего было признано, что за вред, причиненный единоличным исполнительным органом юридического лица, должно отвечать само юридическое лицо, а не действовавший от его имени директор [109, с. 98], то есть за юридическим лицом была признана «в известных пределах» способность совершать деликты [110, с. 179]. В XIX столетии для обоснования этой идеи была использована концепция социальной реальности юридического лица, в рамках которой было предложено провести четкое разграничение между понятиями «орган юридического лица» и «представитель юридического лица».

В отечественном праве указанное разграничение (далее – классическая теория органа юридического лица) получило законодательное воплощение в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, в ст. 16 которого на равных началах упоминались и органы, и представители юридических лиц. А.Г. Гойхбарг, усилиями которого во многом и создан Гражданский кодекс 1922 года, так описывал смысл заложенного разграничения: «действия... органов суть действия самих юридических лиц», поэтому юридическое лицо «отвечает не только по сделкам своих органов, но и за вред, причиненный их действиями» [106, с. 32], в чем и проявляется их отличие от представителей,

поскольку юридическое лицо не может отвечать «за недозволенные действия своих представителей» [106, с. 33]. В результате, сохранив основные идеи римского права, на уровне закона удалось сформировать конструкцию, более отвечающую потребностям развитого гражданского оборота, требующего более внимательного подхода к минимализации возможных издержек от причиненного действиями юридических лиц вреда.

Впрочем, полное отождествление на законодательном уровне проведено не было. Хотя из содержания ст. 16 Кодекса 1922 года с очевидностью для всех следовало, что органы более «за представителей не почитаются» и что теперь «юридические лица являются дееспособными» [163, с. 22] и несут ответственность за совершенные их органами деликты [108, с. 54], в ст. 407 была закреплена позиция, более соответствующая взгляду на представительные органы как на представителей. В соответствии с указанной нормой учреждение должно было отвечать за вред от «неправильных служебных действий» своих должностных лиц только в случаях, прямо предусмотренных в законе. Подобное отступление от классической теории органа юридического лица, определенное С.В. Завадским как «привилегия казны» [163, с. 57], А.Г. Гойхбарг объяснял тем, что соответствующая норма касается государственных учреждений, почему должностное лицо «не [с]может доказать, что оно было уполномочено на причинение вреда» [106, с. 128]. На практике же норма стала толковаться гораздо шире, вплоть до того, как описывает П.И. Стучка, что полученные сборщиком налогов от гражданина денежные средства, растраченные упомянутым сборщиком, вместо зачисления их в казну, считались не переданными государству, вследствие чего гражданин должен был повторно уплатить налог [131, с. 164-165].

Тем не менее противоречия в реализации не помешали классической теории органа юридического лица вскоре оказаться господствующей в отечественной литературе и судебной практике [112, с. 44; 216], чему несомненно способствовало распространение взгляда на юридическое лицо

как на социальную реальность [132, с. 20-22]. Правовым основанием для такого итога были не только стабильно сохраняющиеся с 1922 года в гражданском законодательстве слова о том, что юридическое лицо действует через свои органы, что вкупе с другими положениями гражданского закона, как пишет Е.А. Флейшиц, позволяло рассматривать вред, причиненный субъектом, исполняющим функции единоличного исполнительного органа, «всегда... как вред, причиненный [самим] юридическим лицом» [133, с. 110], но и получившее прямое закрепление в ст. 445 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года положение о том, что юридическое лицо отвечает за вред, причиненный его работниками при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей, которое однозначно толковалось как прямо закрепляющее ответственность юридического лица за действия всех работников, в том числе тех, которые выполняют функции его представительных органов [119, с. 670; 117, с. 138].

С принятием в 1996 году второй части ГК РФ данный аргумент был еще более усилен в связи с тем, что из закона пропали ранее содержавшиеся там слова про «вину работника», за которую отвечает юридическое лицо, что некоторыми авторами интерпретировалось как указание на различие оснований ответственности юридического лица за действия своих органов и работников [213, с. 474-475]. Действующая редакция статьи 1068 ГК РФ, а вслед за ней также и, как отмечает Ф.В. Галушкин, судебная практика однозначно исходят из того, что ответственность юридического лица является не «опосредованной, носящей производный от деликта работника характер», а «непосредственной, наступающей [как бы] за свои действия» [150, с. 80] (далее – теория идентификации). Такому положению дел способствовали и непреходящие социально-политические и экономические указания на то, что законодатель, возлагая на юридические лица ответственность за действия его органов и работников, тем самым повышает шансы пострадавшей стороны на компенсацию причиненного ей ущерба и стимулирует к более полному контролю за органами и работниками со

стороны лиц, способных предотвратить причинение вреда с наименьшими издержками [116, с. 801; 190, с. 69]. Естественным следствием всего этого стала исключительная подвластность и подотчетность субъектов, уполномоченных выступать от имени юридического лица, самому юридическому лицу, перед которым они отвечают за причиненные убытки (ст. ст. 53.1, 1081 ГК РФ, ст. ст. 232-250, 277 Трудового кодекса Российской Федерации [12] (далее – ТК РФ)), и в то же время их неподвластность и неподотчетность третьим лицам [184, с. 255]. Для сторонников классической теории органа юридического лица это положение столь несомненно, что в самом допущении противного они видят противоречие с лежащим в основе всякого юридического лица принципом организационного единства [200, с. 140].

Впрочем, в полной мере на законодательном уровне классическая теория органа юридического лица так и не была воплощена. Включенная первоначально только применительно к государственным учреждениям оговорка была генерализирована для всех субъектов права необходимостью учитывать, действовало ли соответствующее лицо «при исполнении своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей» (ст. 1068 ГК РФ), что следует понимать как допущение предъявления прямых исков к директорам и (иным) работникам только в том случае, если нет «связи вреда с рабочим местом или временем» [150, с. 73]. Конечно, само по себе данное ограничение не исключает действительности классической теории органа юридического лица. Тем не менее позиции классической теории органа юридического лица в настоящее время не столь прочны, как прежде.

В последние два десятилетия в правовой литературе стали отчетливо звучать голоса, утверждающие, что «устойчивое представление об органах юридического лица как о некоей его части, о структурном элементе препятствует познанию истинной сущности отношений, складывающихся с участием лиц, составляющих эти органы» [132, с. 12]. Эта критика в целом оказалась созвучна и с замечаниями, которые выдвигались к классической

теории органа юридического лица в зарубежных правовых порядках, в которых данная теория получила на некоторое время широкое распространение [122, с. 238], а впоследствии была отвергнута за «преувеличенный антропоморфизм» (*anthropomorphisme exagéré*), мешающий понять связи, соединяющие юридическое лицо с его руководителем [224].

Естественным следствием такого положения дел стал отчетливо наблюдаемый в правовом сообществе [112, с. 45; 132, с. 23-25] постепенный отход от классической теории органа юридического лица к возникшей хронологически раньше теории, в соответствии с которой понятия «орган юридического лица» и «представитель юридического лица» отождествлялись [124, с. 175; 125, с. 495; 131, с. 163] (далее – теория органа-представителя), причем не только на доктринальном уровне, где господство данной теории среди русских ученых-правоведов во второй половине XIX – начале XX веков являлось закономерным следствием распространенности взгляда на сущность юридического лица как на явление «фиктивное», «искусственное», а потому и недееспособное, нуждающееся в представителях для восполнения недостающей дееспособности [132, с. 20; 109, с. 97], но и на законодательном (ст. ст. 2178 и 2326 Свода гражданских законов Российской Империи).

При таком положении с практической точки зрения наибольший интерес представляли только два вопроса: а) не требуется ли членам правления для совершения (некоторых) сделок оформление (в дополнение к решению об избрании) также отдельной доверенности как документа, подтверждающего наделение полномочиями, перечисленными в уставе компании; и б) каковы пределы ответственности компании за действия членов своего правления.

Касательно первого вопроса Правительствующий сенат в 1873 году решил, что члены правления «как необходимые представители... в силу самого закона, не обязаны иметь особой доверенности для получения права действовать от имени общества... так как уполномочие их на это заключается в самом акте их избрания в члены, а пределы такого

уполномочия и представленной власти определяются уставом общества» [114, с. 1871].

На второй же вопрос ответ с учетом содержащихся в ст. 687 Свода законов гражданских правил об ответственности господ и верителей за своих слуг и поверенных был дан иной, чем предлагало римское право: юридическое лицо отвечает за действия своих уполномоченных в той мере, в которой их действия «совершены в пределах данного им поручения или полномочия, равно как за действия, одобренные обществом, хотя бы они составляли нарушение прав третьих лиц, ибо в порядке гражданском общество отвечает за всякое нарушение чужих прав» [126, с. 298; 114, с. 759, 763]. Таким образом, для объяснения природы ответственности юридических лиц перед третьими лицами за вред от действий их директоров в рамках теории органа-представителя была положена не теория идентификации, а идея самостоятельной вины и принцип *cuius commodum, eius periculum* (кто получает выгоды, тот и несет сопряженный с ними риск), которым, как писал Д.Д. Гримм, гражданская ответственность юридических лиц за их представителей вполне оправдывается [109, с. 99]. Этот подход позволил во многом снять первоначальные возражения против допустимости взгляда на единоличный исполнительный орган юридического лица как на его представителя, однако одновременно поставил его по отношению к иным представителям на особое место, уяснение которого стало предметом дальнейших исследований.

В настоящее время взгляд на руководителей юридических лиц как на их представителей закреплен в п. 121 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [34] (далее – Постановление № 25). Осознавая ответственность такого отождествления, Пленум подошел со всей серьезностью к этому вопросу, допустив прямое действие в отношении единоличного исполнительного органа только правил, предусмотренных п. п. 1 и 3 ст. 182, ст. 183 и п. 5 ст. 185 ГК РФ. Тем не менее, не все исследователи после этого стали согласны, что директора действительно

являются представителями. Многие не видят оснований для отказа от классической теории органа юридического лица, указывая, что к органам в принципе могут быть применены только некоторые положения из гл. 10 ГК РФ, в связи с чем нет достаточных оснований для пересмотра устоявшейся концепции [210]. В конце концов, на допустимость применения некоторых правил о представителях к органам в порядке аналогии и прежде указывалось в литературе [197, с. 53], что никоим образом не подрывало позиции классической теории органа юридического лица.

Стараясь купировать это возражение, сторонники теории органа-представителя причиной столь выборочного применения правил о представительстве называют законный характер представительства органов, в то время как правила главы 10 ГК РФ ориентированы, в большей части, на представителей добровольных [112, с. 45-46].

При более детальном рассмотрении этого аргумента легко обнаруживается, что он не выдерживает критики как с семантической точки зрения (ведь устав юридического лица не есть закон [126, с. 299]), так и с логической, поскольку одного факта регулирования законом отношений по представительству юридических лиц не может быть достаточно, чтобы сказать, будто представительство органов юридических лиц основано на законе [224]. Как верно пишут даже сторонники законного характера представительства лиц, выполняющих функции органов, полномочия таковых вытекают одновременно из устава (иного учредительного документа) и решения о назначении (избрании), в силу чего «занимают промежуточное положение между добровольным и законным представительством» [126, с. 44]. Промежуточный характер представительства проявляется также в том, что хотя решение о возложении функций органа принимается по своей воле, однако единожды назначенный на должность представитель (подобно законным представителям) уже «подчиняется не воле своих избирателей, а постановлениям закона» (устава)

и «в этих, установленных законом, пределах... и является ответственным пред обществом» [107, с. 103; 211, с. 92; 37].

Наблюдаемое явное смешение абсолютных (законных) и относительных (добровольных) начал естественно подталкивает к мысли, что более корректно будет рассматривать данный тип представительства не в качестве разновидности ранее названных, а как самостоятельный вид [211, с. 91, 93; 224], который вслед за А.О. Гордоном можно точно по месту, которое он занимает среди других видов представительства [107, с. 100], назвать смешанным представительством. Выдвигались также предложения именовать данный вид представительства «уставным» и «корпоративным» [198, с. 45-46], однако эти наименования, на наш взгляд, плохо отражают промежуточный характер данного вида представительства по сравнению с добровольным или законным представительством, почему мы в настоящем контексте предпочитаем использовать наименование, предложенное А. О. Гордоном.

Но само по себе существование альтернативной теории не может рассматриваться в качестве достаточного опровержения классической теории органа юридического лица, пока сохраняется концептуальное ядро последней. Все изложенное до настоящего времени сохраняет много общего с классической теорией, в силу чего может рассматриваться в том числе как ее развитие, а не опровержение [210]. Приводимые же многими сторонниками теории органа-представителя ссылки на то, что отказ от классической теории органа юридического лица позволит «оградить их [юридические лица] от возможных злоупотреблений со стороны директоров» [211, с. 93], выглядят и вовсе как отрицание догматического осмысления юридической действительности, вместо которого предлагается ограничиться рассмотрением только вопросов о «социальных и экономических функциях и целях существования юридических лиц» [190, с. 68; 106, с. 33] или о «справедливости» [112] тех или иных подходов, оставляя, как это делает, в частности, З.В. Мамагеишвили, за теориями только «историческое

значение... в формировании системы правового регулирования корпоративных отношений» [190, с. 70]. Однако даже если согласиться, что все теории суть «спекулятивный инструмент», который «лоббисты определенного политического решения могут... [использовать] для продвижения и обоснования своего решения», для его «имплементации... в правовое поле» [190, с. 70, 66], несомненным остается, что сущность теорий в науке не может быть сведена к тому, чтобы быть подспорьем при принятии политических решений, что в теориях заключается (куда более востребованный и потому значимый) познавательный элемент, служащий помощью как при уяснении сущности того или иного явления, так и при объяснения этой сущности, механизма ее регулирования другим.

Кроме того, не могут не возникать вопросы и к корректности приводимых в пользу теории органа-представителя ссылок на современную немецкую доктрину, ведь в условиях, когда в Германском гражданском уложении [17] (далее – ГГУ) прямо закреплено, что директор юридического лица является его законным представителем (параграф 26 ГГУ), позиция современных немецких ученых, готовых рассматривать классическую теорию органа юридического лица не в качестве оппозиции теории органа-представителя, а в качестве «необходимого дополнения» последней, «без которого невозможно построение единой концепции юридического лица» [112, с. 52], видится единственно возможной альтернативой, которая им доступна. При этом в главном немецкая доктрина остается единой: позиция юридического лица-ответчика по поданному в соответствии с параграфом 31 ГГУ иску о возмещении вреда является позицией «дополнительного должника», совершенно не исключающей при этом предъявление аналогичного иска к конкретному органу (работнику), от чьих действий произошел вред [150, с. 67-72; 221, с. 48-49].

Не кажется методологически оправданным также подход, в соответствии с которым ответ на вопрос о правовом статусе единоличного исполнительного органа должен разрешаться исходя из используемых в

законе слов для выражения общих предписаний [140, с. 32-33; 142, с. 57; 120, с. 280], то есть путем грамматического толкования. Подобные аргументы опасны не только тем, что их «главная основа» может легко измениться вместе с законом, что можно было наблюдать в ходе реформирования гражданского законодательства в 2010-е годы [112, с. 44-45], или тем, что соответствующее значение слова другим исследователем может быть попросту проигнорировано в пользу иного (так, И.В. Шерешевский в делении на «органы» и «представителей» в ст. 16 ГК РСФСР 1922 года видел только указание на разные основания возникновения полномочий у двух типов представителей, считая их внутренне совершенно едиными [135, с. 6]), но и тем, что делаемые на основании таких аргументов выводы легко могут расходиться с действительным правовым регламентированием соответствующих отношений, поскольку таковое регламентирование подчиняется не столько букве, сколько порядку, установленному законом и практикой его применения.

В соответствии с изложенным, для ответа на вопрос, возможно ли в настоящее время рассматривать классическую теорию органа юридического лица в качестве адекватного отражения юридической действительности, необходимо в первую очередь исследовать вопрос о том, соответствуют ли действующие правила об ответственности юридического лица за вред, причиненный лицами, выполняющими функции его единоличного исполнительного органа, основному принципу классической теории органа юридического лица, заключающемуся в том, что действия директоров – суть действия самого юридического лица, в силу чего вменение вины за эти действия самим органам (лицам, выполняющим функции руководителей), а равно и предъявление к ним прямых деликтных исков со стороны кредиторов организации должно быть невозможно [184, с. 257].

Попытку опровергнуть данный тезис некоторое время назад предприняли Т.В. Дерюгина и согласившийся с ней В.З. Мамагеишвили. Их аргументы сводились к тому, что поскольку юридическое лицо может в

порядке регресса (ст. 1081 ГК РФ) взыскать с причинившего вред работника выплаченную сумму возмещения, постольку действительным «субъектом ответственности выступает сам причинитель вреда», то есть работник [159, с. 35; 190, с. 61]. Вывод же о том, что «ответственность за вред, причиненный одним лицом (работником, участником), возникает у другого лица (работодателя, юридического лица)» был объявлен «вытекающим лишь из названия» ст. 1068 ГК РФ, ведь в самой норме «законодатель не говорит об ответственности, а употребляет термин обязанность» [159, с. 35], то есть закон в этой статье указывает на юридическое лицо только как на «источник возмещения вреда потерпевшему», а не как на субъекта ответственности [159, с. 33-34], вследствие чего «сложно говорить о вменении действий работников юридическому лицу» [190, с. 61].

Хотя мы не можем не отметить правильность самой попытки с методологической точки зрения, но должны однозначно признать, что использованный указанными авторами аппарат (в первую очередь понятийный) оказался перегружен такими недостатками, которые свели на нет все возможные положительные для науки эффекты от данной попытки. В центре всей приведенной аргументации лежит постулированное противопоставление понятий «гражданско-правовая ответственность» и «обязанность». Между тем такое противопоставление не находит поддержки в доктрине. В частности, О.С. Иоффе писал, что гражданско-правовая ответственность «вызывает для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [116, с. 97], поясняя, что «одно только возложение обязанности возместить причиненный вред есть уже ответственность, хотя причинитель пока еще никаких прав не лишается» [116, с. 96]. Аналогично и С.С. Алексеев утверждал, что гражданско-правовая ответственность, «как и всякая юридическая ответственность, это претерпевание (несение известных тягот, дополнительного бремени)» [143, с. 416]. Таким образом, понятие

«обязанность» есть не противоположность понятия «ответственность», а необходимое следствие. Вне этих точных определений становится попросту непонятно, что имела в виду, скажем, Е.А. Флейшиц, когда призывала закрепить законодательно институт ответственности юридических лиц за причиненный их работниками вред как «более соответствующий... высоким требованиям, предъявляемым ко всем советским учреждениям и предприятиям в период построения коммунизма... и существу деятельности юридического лица», оставляя при этом за юридическими лицами право обратиться в порядке регресса к работникам, по вине которых причинен вред [133, с. 112].

Однако, возможно, апеллирование к доктрине в данном случае неуместно и нам следует проверить то, как фактически эти нормы воплощены в жизнь. Исходя из того, что действительным «субъектом ответственности» выступает работник, мы могли бы предположить, что он несет полную ответственность за причиненный вред, который и может с него быть взыскан как солидарно с юридическим лицом, так и независимо последним в порядке регресса. Между тем сам В.З. Мамагеишвили указывает, что «законодательство не допускает солидарного возмещения причиненного вреда работодателем и работником», но, напротив, «защищает... работников, совершивших правонарушение... от прямых гражданских исков от потерпевших» или (что то же) «от банкротства по искам третьих лиц», что достигается благодаря ограничению размера их ответственности перед юридическим лицом, и полному исключению таковой в случае отсутствия их вины [190, с. 61, 62, 69]. Вследствие этого остается только заключить вслед за О.С. Иоффе, что «имущественная ответственность юридических лиц вполне самостоятельна, а ее практическое значение ни в какой мере не снижается появляющимся при определенных условиях правом на регрессный иск к конкретному виновнику» [116, с. 801].

Между тем в российском правопорядке действительно существуют предписания о прямой ответственности лиц, выполняющих функции

единоличного исполнительного органа, перед кредиторами юридического лица. Действующее законодательство позволяет последним обращаться к упомянутым субъектам с требованиями о возмещении понесенных в результате их действий в качестве директоров юридического лица убытков в следующих случаях:

1) кредитор обратился в арбитражный суд с требованием о признании юридического лица банкротом, однако производство по делу о банкротстве было прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедуры (подп. 1 п. 12 ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [13] (далее – ЗоБ));

2) юридическое лицо было ликвидировано как недействующее (п. 3 ст. 64.2 ГК РФ), а равно исключено из единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) по иным основаниям, установленным законом (например, в связи с наличием в течение более чем шести месяцев сведений, в отношении которых внесена запись о недостоверности) (п. 6 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – закон о регистрации юридических лиц)). Применительно к обществам с ограниченной ответственностью законодатель дополнительно поясняет, что исключение общества из ЕГРЮЛ им рассматривается как «отказ основного должника от исполнения обязательства», вследствие которого кредитор общества имеет право обратиться с прямым иском к лицам, указанным в ст. 53.1 ГК РФ, с требованием о возложении на таких лиц субсидиарной ответственности в случае, если последние действовали «недобросовестно и неразумно» (п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7] (далее – ФЗ об ООО)).

Уже беглый анализ перечисленных норм показывает, что положение членов органов юридических лиц не совсем обычно с точки зрения классической теории органа юридического лица: мало того, что их действия в

качестве органов юридического лица могут быть отделены от последнего и рассмотрены третьими лицами на предмет соответствия критериям добросовестности и разумности (на предмет наличия или отсутствия вины), так еще у таких субъектов могут наряду с юридическим лицом возникнуть самостоятельные обязанности перед третьими лицами по возмещению причиненного им вреда.

Впрочем, и с точки зрения теории органа-представителя (в описанном ранее понимании) названные правила характеризуются некоторой спецификой, проистекающей из невозможности получения полного удовлетворения от юридического лица в качестве неременного условия привлечения лица, исполняющего функции органа юридического лица, к ответственности. В правовых порядках, в которых теория органа-представителя по сей день является господствующей [150, с. 67-71], равно как и в отечественном праве до середины XX века включительно [114, с. 760; 133, с. 110-112], ответственность юридических лиц (господ) строилась на принципе наличия их собственной вины, выражавшейся в ненадлежащем выборе слуги (работника) или в отсутствии всякого надзора за осуществлением последними деятельности, в то время как вина самих работников строилась на общих основаниях, что делало возможным одновременное (солидарное) привлечение к ответственности за вред как юридического лица, так и работника последнего.

В современном отечественном праве, даже с учетом ранее упомянутой теории идентификации, подобный вывод вроде как также мог быть сделан, и некоторые осторожные намеки на возможность подобного встречались и в судебной практике высших инстанций, что можно видеть на примере дела А40-180646/2017. В этом споре кредитор, не получивший полного удовлетворения своих требований в рамках дела о банкротстве, попытался после завершения процедуры несостоятельности должника обратиться с требованием о компенсации своих потерь к единственному участнику общества и двум бывшим генеральным директорам, занимавшим эти

должности последовательно друг за другом, однако суды трех инстанций отказали в предъявленном иске со ссылкой на то, что «с завершением конкурсного производства требования кредиторов, которые не были удовлетворены в процедуре банкротства, являются погашенными». С таким исходом не согласился ВС РФ, который своим определением [60] отменил акты нижестоящих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение. Это решение было мотивировано тем, что право на возмещение убытков может возникать как из договора (ст. 393 ГК РФ), так и из причинения вреда (ст. 1064 ГК РФ), причем невозможность стороны договора (лизинга) получить удовлетворение своих требований от другой стороны договора не является препятствием для обращения с иском к третьему лицу, «действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права покупателя и возникновению у него убытков» (п. 40 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2018) [41]), а значит требования из причинения вреда могут быть рассмотрены и после завершения процедуры банкротства должника-контрагента по договору. Впрочем, выводов о том, что данная позиция может быть применена также к случаям, когда к ответственности пытаются привлечь субъектов, осуществляющих (осуществлявших) функции руководителей действующих на момент рассмотрения спора юридических лиц, в самом судебном акте не содержалось, а некоторые исследователи его и вовсе прочитали в том смысле, что ВС РФ «поддержал позицию истца о возможности предъявления отдельного деликтного иска после исчерпания возможности привлечения ответчиков к субсидиарной ответственности» в рамках дела о банкротстве [154, с. 55]. Мы же со своей стороны вновь отметим, что в силу приведенных выше положений законодательства (подп. 1 п. 12 ст. 61.11 ЗоБ, п. 3 ст. 64.2 ГК РФ, п. 6 ст. 21.1 Закона о регистрации юридических лиц и п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО) возможность одновременного (солидарного) привлечения организаций и лиц, осуществляющих функции директоров таковых, полностью исключена; последние могут быть привлечены к ответственности

только после исчерпания всех возможностей получить удовлетворение от самих юридических лиц или, говоря другими словами, на началах «строгой» субсидиарности.

Как и другими исследователями [150, с. 75; 156, с. 51-53] нами различается «мягкая» субсидиарная ответственность, предусмотренная в п. 1 ст. 399 ГК РФ, для наступления (созревания) которой считается достаточным предварительное предъявление требования к основному должнику и получение от него отказа в удовлетворении требований либо неполучение ответа в разумный срок, и «строгая» субсидиарная ответственность, предполагающая не просто получение отказа от основного должника в удовлетворении предъявленных к нему требований, но имущественную невозможность для последнего в удовлетворении таковых.

Другая специфическая черта рассматриваемой ответственности заключается в том, что она может наступать не только за внедоговорное причинение вреда, но и за потери, проистекающие из невыполнения юридическим лицом своих договорных обязательств.

Ранее подобная конструкция отечественному праву была неизвестна; нечто близкое можно обнаружить разве что в ст. 793 книги 5 Проекта Гражданского уложения Российской империи, в соответствии с которой директора товариществ, действовавшие при исполнении своих обязанностей с недостаточной осмотрительностью, могли быть привлечены кредиторами несостоятельного товарищества к ответственности в случае недостаточности имущества последнего для удовлетворения всех их требований [127, с. 229]. Впрочем, авторы проекта не были до конца уверены в корректности предложенной ими формулы, что можно видеть по их сомнениям относительно того, какой должна быть форма вины у совершившего деяние лица для появления у кредиторов товарищества материальных оснований для удовлетворения своих требований [127, с. 235].

Как следует из изложенного, в чистом виде положение единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице не

укладывается ни в рамки классической теории органа юридического лица (поскольку он является субъектом ответственности), ни в рамки теории органа-представителя (поскольку привлечение к ответственности поставлено в зависимость от невозможности получить удовлетворение от самого юридического лица). Это показывает, что в настоящее время статус руководителя организации не сводим к одной из названных теорий: с точки зрения внутренних отношений он остается, как отмечалось выше, элементом (частью) юридического лица, а с точки зрения внешних отношений – приобретает функциональные черты представителя организации.

Этот несколько парадоксальный и в чем-то противоречивый вывод позволяет увидеть, что на уровне закона мы имеем дело не просто с преобладанием одной из теорий (как это было в прошлом), но замечаем наметившиеся черты перехода, который должен снять прежде острое различие. В действительности ведь всегда основной функцией директора было «эффективное управление имуществом данной организации» [148, с. 165], для чего он с необходимостью должен вступать в отношения с третьими лицами. Во внешних отношениях при этом руководитель выполняет функции обычного представителя (реализует правоспособность, представляет интересы в судах, заключает от имени представляемого сделки и подписывает иные документы, в том числе выдает доверенности для предоставления полномочий другим лицам), поэтому как для внешнего наблюдателя, так и для самой организации может отсутствовать различие между тем, действует от ее имени единоличный исполнительный орган или представитель по доверенности (добровольный представитель). Такая функциональная близость в настоящее время еще более усилилась, так как директор превратился в субъект ответственности перед третьими лицами.

Необходимо, впрочем, положительно установить, действительно ли мы говорим именно об ответственности директоров перед кредиторами юридического лица, а не, заблуждаясь о ее правовой природе, воспринимаем в качестве прямой ответственности перед третьими лицами то, что ей не

является. Следует выяснить, не возникает ли у кредиторов юридического лица права требовать возмещения причиненных им потерь с руководителей должника вследствие состоявшейся (фиктивной) уступки им соответствующих прав требования от юридического лица (ст. 387 ГК РФ), ведь если таковая уступка имела место, то никакой прямой ответственности не возникает.

Именно так к разрешению этой проблемы и подошел применительно к акционерным обществам испытавший в свое время сильное влияние классической теории органа юридического лица немецкий законодатель: в соответствии с параграфом 93 (ч. 5) Закона об акционерных обществах от 06.09.1965 кредиторы акционерной компании, «если они не могут добиться у нее удовлетворения», вправе заявить «требование общества о возмещении убытков» непосредственно к членам правления акционерного общества [17, с. 90-91]. Что примечательно, так это отсутствие в тексте немецкого закона указаний на собственно уступку: норма начинается так, будто соответствующие требования кредиторы предъявляют от имени юридического лица, однако вскоре (без дополнительных указаний) члены правления оказываются «обязаны перед кредиторами возместить убытки», что порождает в немецкой литературе споры о том, каково же действительное правовое положение кредиторов в такого рода делах [134, с. 74].

Отечественный закон, впрочем, оснований для подобных споров не предоставляет: хотя смысл п. 3 ст. 64.2 ГК РФ и может быть (потенциально) интерпретирован подобным образом через его совместное толкование с п. 5.2 ст. 64 ГК РФ о распределении имущества ликвидированного лица, анализ содержания п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО и подп. 1 п. 12 ст. 61.11 ЗоБ однозначно свидетельствует о том, что ответственность руководителей перед кредиторами юридического лица мыслится отечественным законодателем в качестве самостоятельной ответственности, что проявляется в таких словах как «отказ основного должника от исполнения обязательств» и самом

понятии «субсидиарная ответственность». Понимая данную ответственность как уступленную юридическим лицом, российский законодатель должен был бы, подобно немецкому законодателю [17, с. 90-92], решить, как быть с известным правилом о том, что никто не может передать больше прав, чем имеет сам (D. 50.17.54). Актуальные для единоличного исполнительного органа в случае предъявления к нему иска со стороны юридического лица оговорки (например, о договорном ограничении или устранении его ответственности за неразумные действия (п. 5 ст. 53.1 ГК РФ), об исключении его ответственности в случае совершения определенных действий с согласия общего собрания участников юридического лица (п. 4 ст. 28 федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [7] (далее – ФЗ о С.Х.К.), или о ранее имевшем место отказе юридического лица от предъявленных требований или заключенном мировом соглашении, которым соответствующий размер ответственности снижен) должны были получить свою реакцию со стороны законодателя, если последний действительно желал защитить интересы кредиторов.

Заключая рассмотрение точки зрения о том, что кредиторы приобретают прямой иск к директорам юридического лица вследствие фингированной уступки им соответствующих прав со стороны юридического лица, обобщим, что такая точка зрения применительно к российскому праву представляется несостоятельной, поскольку нигде в законе не содержится прямых или косвенных указаний на то, что таковая уступка могла иметь место. С учетом же существующих в немецком правопорядке проблем, связанных с возникающей вследствие теории уступки возможности со стороны членов правления затягивать возмещение кредиторам убытков через выплату таковых не в пользу последних, а в пользу самого юридического лица [134, с. 74], мы не можем не согласиться с И.С. Чупруновым в том, что есть серьезные сомнения в необходимости для российского правопорядка воспринимать данный подход [134, с. 75].

Следующая точка зрения, которую мы должны рассмотреть, заключается в том, что ответственность единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица есть экстраполяция ответственности полных товарищей перед третьими лицами по долгам юридического лица (ст. 75 ГК РФ). Дело в том, что этот случай, наряду с ответственностью членов крестьянского (фермерского) хозяйства-юридического лица (п. 4 ст. 86.1 ГК РФ), членов производственного кооператива (п. 2 ст. 106.1 ГК РФ) и прочих лиц в случае указания ими в уставе на принятие на себя субсидиарной ответственности по долгам юридического лица, как верно отмечает О.В. Гутников, «ответственностью, строго говоря, не является» [152, с. 46]. В действительности «речь... идет об обеспечительном обязательстве» [152, с. 45], по своей правовой природе близком к поручительству в силу закона (п. 2 ст. 361 ГК РФ) [156, с. 54], что особенно ярко проявляется в таком случае как неполная оплата участником хозяйственного общества своей доли в уставном капитале (п. 4 ст. 66.2 ГК РФ), при котором сам размер обязанности оказывается определен всецело участниками при принятии решения об учреждении хозяйственного общества (п. 1 ст. 89, п. 1 ст. 98 ГК РФ).

Для целей нашего исследования представляется несущественным ответ на вопрос, образуют ли все названные случаи самостоятельный способ обеспечения исполнения обязательств, в связи с чем обязанное лицо в нем необходимо именовать «корпоративным поручителем», как это делает О.В. Гутников [153, с. 77], подчеркивая тем самым свою идею о том, что такое лицо – в отличие от ординарного поручителя – по исполнении субсидиарного обязательства не приобретает в порядке суброгации права обратиться с требованием к юридическому лицу, поскольку само такое требование «абсолютно бессмысленно и лишено экономического содержания» [153, с. 76; 155, с. 64-68], или же, как считаем мы, подобное разграничение является совершенно произвольным и не имеющим под собой никаких оснований, кроме стремления О.В. Гутникова выделить

специфические черты «корпоративной» ответственности. Главное заключается в том, что речь идет именно об обеспечительном обязательстве, то есть таком, которое носит зависимый (акцессорный) характер от обязательств самого юридического лица, вследствие чего в случае прекращения обязательств последнего в связи с ликвидацией (ст. 419 ГК РФ) также подлежат прекращению (п. 4 ст. 329 ГК РФ), если только ранее кредитор не успеет предъявить соответствующее требование к субсидиарному должнику (п. 1 ст. 367 ГК РФ).

В наших же случаях субсидиарная ответственность не просто «переживает» юридическое лицо, но сама ликвидация такового (в том числе фактическая, наступающая при наличии у юридического лица признаков недействующего [50]) выступает в качестве основания для появления у кредитора права на предъявление соответствующего требования. Кроме того, рассматриваемая ответственность носит не свойственный поручительству рисковый характер [153, с. 74, 77], а наступает именно за виновные действия (бездействие) руководителей юридического лица. Следовательно, оснований считать ответственность единоличного исполнительного органа разновидностью ответственности полных товарищей также не имеется.

Таким образом, нами было положительно установлено, что рассматриваемая ответственность является в прямом смысле этого слова ответственностью директора юридического лица перед кредиторами последнего. Позднее (параграф 3.2 главы 3) мы еще обратимся к вопросу о том, какова же действительная природа данной ответственности, для целей же настоящего параграфа нам было важно только установить, что речь идет именно об ответственности перед кредиторами юридического лица, так как факт наличия таковой опровергает постулат классической теории органа юридического лица о том, что действия директоров – суть всегда действия самого юридического лица.

Поскольку эта ответственность наступает за действия, которые совершаются при исполнении функций единоличного исполнительного

органа юридического лица (а точнее при ненадлежащем исполнении таковых функций), необходимо признать, что классическая теория органа юридического лица в настоящее время более не отражает правовую действительность в надлежащей мере, создавая искаженное представление о ней. Хотя действия директоров и продолжают в соответствии с теорией идентификации приравниваться к действиям юридического лица, сами директора все же могут быть привлечены к ответственности перед третьими лицами в случае исчерпания возможностей последних по получению удовлетворения от самих юридических лиц [184, с. 258]. В этом плане их положение подобно положению родителей несовершеннолетних детей в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, на которых также может быть возложена субсидиарная ответственность за причиненный несовершеннолетним вред в случае недостаточности у него своего имущества, если они не докажут отсутствие своей вины (п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Впрочем, эту аналогию нельзя рассматривать как доказательство того, что юридические лица по действующему праву также пользуются некоторой частичной дееспособностью, как это в свое время неосторожно предложил А. О. Гордон [107, с. 123-125]. Как верно заметил В.К. Андреев: «Несмотря на то что в результате действий органа юридического лица возникают обязанности последнего перед третьими лицами, компетенция не может быть определена как свойство, качество юридического лица. Именно поэтому нельзя говорить о дееспособности юридического лица» [138, с. 53].

Есть у этой аналогии и другой недостаток: хотя положение единоличного исполнительного органа подобно положению родителей несовершеннолетних детей, само по себе это сравнение еще не делает его однозначно просто законным или добровольным представителем [132, с. 27], поскольку его характер как части юридического лица сохраняется, а значит, сохраняются и специфические правила, касающиеся наделения его полномочиями и определения их границ. Представительство руководителя, в первую очередь, это функциональное положение, через которое и

реализуется правоспособность организации, и обеспечивается субъект ответственности, к которому могут обратиться третьи лица в случае наличия злоупотреблений. Поэтому отказ от такой (функциональной) характеристики просто невозможен: если мы начнем отрицать, что единоличный исполнительный орган реализует функции представителя во внешних отношениях, мы никогда не сможем объяснить природу (сущность) его ответственности перед третьими лицами.

Отметим также, что сделанные выводы ни в коем случае не позволяют утверждать, что директор является, по известному утверждению Ю. К. Толстого, «носителем гражданской правоспособности» юридического лица [207, с. 292]. Они лишь указывают, что единоличный исполнительный орган, действуя от имени юридического лица, продолжает действовать также и в личном качестве, в чем и проявляется его двойственный статус. В этом смысле можно согласиться с другим высказыванием Ю.К. Толстого: «Выступая в гражданском обороте от имени юридического лица, как его орган, ответственный руководитель выступает тем самым и от своего имени» [207, с. 293].

Все изложенное позволяет прийти к выводу, что единоличный исполнительный орган занимает двойственное положение, описание которого нельзя свести ни к одной из классических теорий: внутри корпорации он остается ее органом, через который она приобретает права и исполняет обязанности, а во внешних правоотношениях имеет черты самостоятельного субъекта ответственности, так как функционально выполняет роль представителя организации. При этом даже в последнем случае правовое положение единоличного исполнительного органа не может быть сведено к законному или добровольному представительству, так как оно органично сочетает в себе функциональные черты как первого, так и второго, вследствие чего следует обозначить двойственную правовую природу его статуса.

В связи со сделанными выводами представляется необходимым на уровне закона зафиксировать произошедшие в отечественном праве перемены в части понимания правового статуса единоличного исполнительного органа. Во-первых, необходимо дополнить ст. 53.1 ГК РФ новым пунктом о том, что «убытки, причиненные кредиторам юридического лица вследствие невозможности исполнения последним своих обязательств (в том числе обязательств вследствие причинения вреда), вызванной административным прекращением деятельности (ст. 64.2 ГК РФ), подлежат возмещению лицами, указанными в п. 1-3 настоящей статьи, в порядке субсидиарной ответственности. Требования, указанные в настоящем пункте, могут быть предъявлены кредиторами юридического лица также в случае недостаточности имущества юридического лица для осуществления его ликвидации, в том числе для финансирования процедуры банкротства (ст. 65 ГК РФ)». Во-вторых, необходимо дополнить новым пунктом ст. 1068 ГК РФ, зафиксировав, что «до ликвидации в установленном порядке юридического лица требования, вытекающие из причинения вреда лицами, указанными в п. п. 1 и 2 настоящей статьи, могут быть предъявлены непосредственно к этим лицам только в случаях, указанных в законе».

## **1.2 Мнимый и действительный единоличный исполнительный орган: отграничение в отношениях с третьими лицами**

К особенностям представительства единоличного исполнительного органа следует отнести открытый (гласный) характер такого представительства. Если полномочия добровольных представителей удостоверяются частной доверенностью в письменной форме (п. 1 ст. 185 ГК РФ), а полномочия законных представителей следуют либо из прямого указания закона, либо акта органа публичной власти (п. 1 ст. 182 ГК РФ), то сведения о лице, имеющем право без доверенности выступать от имени юридического лица, размещаются в ЕГРЮЛ (подп. «л» п. 1 ст. 5 Закона о

регистрации юридических лиц), данные в котором носят «открытый для всеобщего ознакомления» характер (п. 2 ст. 51 ГК РФ).

Такое внимание законодателя к правилам об информировании третьих лиц о действующих руководителях компаний объясняется специфическим способом определения границ их полномочий. Как отмечает Н.В. Филипенко, если на первый взгляд ЕГРЮЛ выполняет «аналогичную доверенности задачу», то при более детальном изучении становится понятно, что «ЕГРЮЛ представляет собой принципиально иной способ фиксации полномочий, нежели доверенность», поскольку в нем не содержится сведений об объеме, содержании и ограничениях полномочий директора [210]. С учетом того факта, что полномочия единоличного исполнительного органа определяются в законе по остаточному принципу как все, что не входит в (ограниченную) компетенцию иных органов (абз. 3 п. 3 ст. 65.2 ГК РФ), в результате чего их компетенция, по словам Е.А. Суханова, «фактически становится основной и определяющей всю... деятельность» корпорации [203, с. 127], становится совершенно понятно, почему контрагентам юридического лица, как это разъяснено в абз. 4 п. 22 Постановления № 25, предлагается «исходить из неограниченности этих полномочий». По сути, внесение сведений о лице как о директоре в ЕГРЮЛ равнозначно выдаче ему «неограниченного в отношении третьих лиц полномочия на управление и распоряжение торговыми делами от имени и за счет хозяина оных», именуемого в германском торговом законодательстве прокурой [107, с. 127]. Важно, что хотя прокура и «принадлежит к смешанному представительству», по своему содержанию она не есть полномочие органа юридического лица, а только лишь очень близкий смежный институт [107, с. 128], на родство которого с представительными полномочиями органа юридического лица обращают внимание и в немецкой литературе [118, с. 198].

В таких условиях проблема определения субъекта, наделенного полномочиями выступать от имени юридического лица, а значит, и проблема

защиты интересов участников юридических лиц от действий неуполномоченных субъектов (мнимых представителей), выглядит совершенно решенной и не требующей дальнейшего изучения. Заинтересованному лицу достаточно только обратиться к сведениям, которые были размещены в ЕГРЮЛ, чтобы получить достаточную для себя информацию, вследствие чего обсуждать, возможно, стоит только вопросы регламентирования порядка обновления информации, содержащейся в реестре. Между тем практика применения законодательства о юридических лицах показывает, что эта проблема не исчерпывается внесением или извлечением сведений из ЕГРЮЛ. Происходит это ввиду следующих обстоятельств.

Во-первых, правопорождающего (конститутивного) значения факт внесения сведений в ЕГРЮЛ по российскому праву не имеет, а соответствующие полномочия по представлению юридического лица возникают у конкретных субъектов в силу заключенного договора на основании согласия последних и принятого уполномоченным органом решения (параграф 2.1 главы 2). Однако та относительная легкость, с которой всякое решение о назначении конкретного лица директором может быть подделано, но при этом все равно выступить основанием для внесения сведений в ЕГРЮЛ, не позволяет быть уверенным в действительности размещенной информации. Более того, даже если речь идет о хозяйственных обществах, решения в которых по умолчанию должны в силу закона удостоверяться нотариусом или регистратором (п. 3 ст. 67.1 ГК РФ), а применительно к назначению руководителя в обществах с ограниченной ответственностью – исключительно нотариусом (абз. 2 п. 1 ст. 40 ФЗ об ООО), то и в таком случае нельзя быть уверенным в действительности наличного решения, поскольку публичная достоверность актов нотариуса (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ) – не признаваемая, впрочем, судебной практикой, допускающей преодоление нотариального акта без проведения самостоятельного процесса об обжаловании такового [44], – по смыслу

закона, не может распространяться на акты регистратора, а также на прочие способы удостоверения решений, которые участники обществ с ограниченной ответственностью могли до 1 сентября 2024 года определить в качестве достаточных для себя (подп. 3 п. 3 ст. 67.1 ГК РФ). Кроме того, если применительно к обществам с ограниченной ответственностью Верховным Судом РФ еще до 1 сентября 2024 года было разъяснено, что правила о нотариальном удостоверении решений распространяются также на решения единственного участника общества [45], применительно к акционерным обществам (как публичным, так и непубличным) широкой практической поддержкой пользовалась позиция Банка России, в соответствии с которой решения единственного акционера могут не удостоверяться ни нотариально, ни регистратором [92; 93]. В 2025 году позицию Банка России, несмотря на существовавшие в доктрине [171, с. 24-25] и судебной практике [77; 80] возражения против нее, поддержал также законодатель, закрепив, что принятие решений единственным акционером «не требует подтверждения путем удостоверения факта их принятия, если иное не предусмотрено уставом общества» (п. 6 ст. 47 ФЗ об АО) [14].

Во-вторых, в силу п. 1 ст. 182 ГК РФ представлять юридическое лицо могут быть не только его органы, но и иные лица, чьи полномочия могут основываться как на выданной им доверенности (ст. 185 ГК РФ), так и возникать из иных обстоятельств.

В-третьих, сведения в ЕГРЮЛ, несмотря на декларативный характер, должны, по буквальному смыслу текста закона, обладать свойством публичной достоверности, ведь закон прямо закрепляет, что третьи лица вправе исходить из соответствия действительности данных ЕГРЮЛ, запрещая юридическому лицу (его участникам) ссылаться на данные, не включенные в реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ), за исключением случаев недобросовестности такого лица. Между тем судебная практика иначе толкует данную норму, выделяя в качестве исключения из правила о публичной достоверности

реестра не только случай недобросовестности, но и случай включения в ЕГРЮЛ сведений в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица (абз. 2 п. 22 и абз. 2 п. 122 Постановления № 25). Таким образом судебная практика помещает всех, в том числе добросовестных, контрагентов юридического лица в неравное положение по сравнению с участниками последнего, так как если действие первого исключения предсказуемо, поскольку недобросовестность всегда устанавливается на момент вступления в правоотношения исходя из поведения самого контрагента, то второе исключение практически не поддается внешнему учету. Именно в силу данного фактора проблема определения лица, уполномоченного выступать от имени организации, представляется нам наиболее сложной [185].

Основополагающим для закрепления последнего в судебной практике высших судебных инстанций было постановление Президиума ВАС РФ от 18 декабря 2007 года № 10665/07 [52], вынесенное по спору между обществом с ограниченной ответственностью «Торговая фирма «Флора 21 век» и обществом с ограниченной ответственностью «Альком-Строй» об истребовании из чужого незаконного владения приобретенных возмездно нежилых помещений. В этой споре нижестоящие суды усмотрели в действиях «Альком-Строя» признаки добросовестного приобретателя, в силу чего истребование имущества от последнего стало возможным только в случае выбытия последнего помимо воли юридического лица (п. 1 ст. 302 ГК РФ). Именно ответ на этот вопрос и занял центральное место в рассуждениях высшей судебной инстанции, хотя параллельно было также отмечено, что суды несколько поспешили с констатацией добросовестности «Альком-Строй» как приобретателя ввиду покупки им имущества по цене, которая была значительно ниже рыночной. По интересующему же на вопросу ВАС РФ решил, что поскольку «выбытие имущества из владения юридического лица является следствием не одного только юридического акта (решения собрания, договора и тому подобное), но

и конкретных фактических действий того или иного лица», постольку судам необходимо учитывать «наличие в обществе корпоративного конфликта» и постольку «установление порока воли на выбытие имущества возможно лишь при определении надлежаще управомоченного лица, которое согласно учредительным документам и действующему законодательству вправе от имени юридического лица совершать действия, направленные на выбытие имущества из его владения».

В дальнейшем изложенный подход нашел отражение в Постановлении от 2 июня 2009 года № 2417/09 [53], которым было подтверждено, что отчуждение имущества считается совершенным помимо воли юридического лица, если отчуждение производится лицом, избранным единоличным исполнительным органом без участия в общем собрании иных участников общества с ограниченной ответственностью, которым в совокупности принадлежало 54,5% долей в уставном капитале. Эти обстоятельства, как сказано в постановлении, свидетельствуют о том, что «корпоративные решения участниками общества в действительности не принимались, свою волю на выбытие имущества из владения общества ни участники, ни органы юридического лица не выражали», то есть «выбытие имущества произошло помимо воли общества».

В определении от 25 октября 2022 года № 305-ЭС22-12747 по делу № А40-14621/2021, вошедшем в п. 13 Обзора судебной практики № 1 (2023) [47], ВС РФ данную позицию поддержал, не найдя необходимым вносить в нее какие-либо коррективы.

Между тем в научной литературе этот подход так и не был в полной мере понят и принят. Многие, как, например, А.Л. Назыков, комментируя приведенные выше постановления, считали, что «еще рано говорить о формировании определенной судебной доктрины» и что вопрос о том, «в каких случаях действия директора общества, направленные на отчуждение его имущества, можно рассматривать как совершенные помимо воли этого общества», еще нуждается в надлежащем ответе [196]. Аналогично

В. Гербутов и Е. Масленников полагали, что так и не были «предложены четкие критерии решения вопроса о действительности/недействительности сделок», совершенных лжедиректором [151].

В свою очередь Д.И. Дедов на основании приведенных постановлений пришел к прямо противоположным выводам. Так, невзирая на подход Высшего Арбитражного суда, указанный автор считал, что хотя «действия исполнительного органа не могут опосредовать волю юридического лица, если они приводят к нарушению фундаментальных прав юридического лица и его участников», однако такие нарушения возможно противопоставить третьим лицам только в том случае, если они «должны стать известными третьим лицам при условии должной осмотрительности и осторожности с их стороны», в связи с чем настаивал на повышенной осмотрительности при совершении сделок с особо ценным (недвижимым) имуществом [157].

Однако встречались также и исследователи, которые приняли действительный смысл приведенных постановлений. Например, О.Р. Зайцев писал: «Это означает, что при определенных обстоятельствах иск об оспаривании сделки лжедиректора может быть удовлетворен, несмотря на добросовестность контрагента, доверившегося ЕГРЮЛ, и таким обстоятельством является то, как было принято решение об избрании лжедиректора и как появилась в ЕГРЮЛ запись о нем, – если это произошло помимо воли основных (мажоритарных, доминирующих) участников юридического лица (вследствие проведения собрания без их участия миноритарным участником или подделки третьим лицом решения об избрании директора)» [164].

Согласился с таким выводом и К.И. Забоев [162, с. 97-98], несмотря на возможные разночтения с новой (после 2015 года) редакцией абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ, говорящего ныне о «неправомерных действиях третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица». Указание на «третьих лиц» могло бы быть, – рассуждает К.И. Забоев, – истолковано будто действия участников юридического лица (пусть и меньшинства) не могут относиться к

рассматриваемой категории, однако «отсутствие кворума равносильно отсутствию коллегиального органа как субъекта изъявления воли юридического лица, поэтому решение, принятое с нарушением положений о кворуме, не может отображать волю юридического лица» [162, с. 114]. Аналогичное верно и в ситуации, когда решение принимается без «достижения необходимого минимума» голосов [162, с. 114], вследствие чего общий вывод следующий: «В [указанных] ситуациях... компетенция директора не возникает, и последующее внесение его в ЕГРЮЛ через принцип публичной достоверности не может санировать неизлечимые пороки решения коллегиального органа, являющегося каузой для полномочий единоличного исполнительного органа» [162, с. 116].

С последним солидарен и И.А. Косякин, который относит включение сведений в ЕГРЮЛ (административный факт) к «триаде юридических фактов», которыми оформляется приобретение правового статуса руководителя организации, считая при этом, что одного этого акта недостаточно для возникновения полномочий без наличия соответствующего решения уполномоченного органа (корпоративного факта), почему третьи лица не могут полагаться на действительность совершенных включенным на основании недействительного решения в ЕГРЮЛ директором сделок, кроме случаев, когда соответствующие сведения «не были включены в ЕГРЮЛ в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица» [178, с. 31-32].

Прежде чем высказывать собственную развернутую оценку, отметим некоторые теоретические основы, которые можно усмотреть в приведенном подходе высших судебных инстанций. В целом сам подход можно охарактеризовать как отражение упоминавшегося ранее исторически присущего отечественному праву строгого разделения органов управления всякого юридического лица на волеобразующие, но не представляющие юридическое лицо во вне (например, общее собрание участников) и волеобразующие и изъявляющие волю, представляющие юридическое лицо

во внешних отношениях (один из которых – единоличный исполнительный орган). Участники корпорации как носители интересов последней образуют в силу закона именно высший волеобразующий, но не представляющий юридическое лицо во вне орган (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ), в силу чего могут, по общему правилу, действовать от имени корпорации только если были включены в состав исполнительных органов или были уполномочены последними. Исключение составляют специально установленные законом случаи: например, участникам в силу закона принадлежит право требовать возмещения причиненных корпорации убытков (абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ) и право оспаривать совершенные корпорацией сделки (абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

Отмеченное верно на протяжении всего существования корпорации как участника гражданско-правовых отношений. В любой период времени к ней могут быть применены слова Верховного Суда РФ о том, что «преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими» [66]. Важно подчеркнуть ключевое слово в приведенном высказывании – «всех участников».

Наблюдаемое тождество интересов юридического лица (а фактически и его самого) с интересами его учредителей (участников) не единожды было отмечено исследователями, особенно теми из них, кто вступал в полемику против классической теории органа юридического лица, что можно видеть, например, по трудам В.К. Андреева, П.И. Стучки и А.О. Гордона [138, с. 56; 107, с. 157; 131, с. 123-125]. Но даже и сторонники классической теории органа юридического лица, как, например, Б.Б. Черепахин, признавали, что «волевым актам руководящего органа юридического лица, представляющего последнее во внешних отношениях, в том числе при совершении сделок, предшествуют и сопутствуют волевые акты внутреннего характера» [213, с. 470]. Можно вспомнить, что и основоположник теории директора – Ю.К. Толстой – утверждал, что «при установлении гражданских правоотношений... воля... [учредителя юридического лица] преобразуется в

волю самого должностного лица [директора]», чем и объясняется вывод, что содержание таковой воли «определяется волей... [учредителя] и направлено на ее выполнение» [207, с. 292].

С учетом этих замечаний подход высших судебных инстанций к разрешению проблемы появления мнимого директора компании, кажется, только подтверждает, что «волю корпорации формируют конкретные участники», вследствие чего без учета этого обстоятельства нельзя «разобраться в правоотношениях и взаимодействиях, складывающихся в действительности» [209]. Вместе с тем одно дело, когда интересы предлагается защитить посредством привлечения мнимого руководителя к ответственности в соответствии с нормами гражданского, трудового или уголовного законодательства, а также посредством аннулирования соответствующих сделок при наличии (должного) знания контрагента о недобросовестности действий представителя организации (абз. 2 п. 2 ст. 51, абз. 4 п. 1 ст. 72, ст. 173.1 или ст. 174 ГК РФ). Совсем иначе, однако, следует смотреть на ситуацию, когда интересы участников (учредителей) предлагается поставить выше интересов добросовестных третьих лиц. Если последние могли узнать о недостоверности соответствующей записи посредством проявления достаточной осмотрительности (например, обратить внимание на отметку о недостоверности в отношении записи о директоре в ЕГРЮЛ), то действительно представляется справедливым, как о том пишет А.В. Демкина, что доверившееся в такой ситуации размещенным в ЕГРЮЛ сведениям о руководителе лицо «несет риск возложения на него бремени доказывания своей добросовестности в случае возникновения спора» [158]. В ситуации же, когда добросовестное лицо не могло узнать о недостоверности записи, обратившись к сведениям в ЕГРЮЛ, следование аналогичному подходу представляется недопустимым.

Используемая как оправдание ссылка на «ограниченную принципом достоверности реестра» ст. 183 ГК РФ [112, с. 275] только усиливает сомнения в обоснованности данного подхода, ведь тогда он явно приводит к

ситуации, о которой справедливо высказывается В.А. Болдырев [145]: «оговорка об исключении из правила о публичной достоверности... сводит на нет значение самой нормы». Кроме того, применимость этой нормы к представительству единоличного исполнительного органа требует, на наш взгляд, отдельного обоснования с учетом специфики его назначения.

Как отмечал еще Фридрих Карл фон Савиньи, в основе всякой акционерной компании «первоначально, конечно, существовало чистое товарищество (т. е. общая собственность отдельных лиц) и что приобретение ими корпоративных прав, разумеется, не имело целью существенно изменить внутренние юридические отношения» [128, с. 440]. Именно сохранению этих «внутренних юридических отношений» следует приписать то сопротивление признанию за акционерными компаниями статуса юридических лиц, которое они встретили со стороны некоторых ученых на заре своего развития. В частности, такой отечественный исследователь как А. Евецкий, хотя и признавал, что трудно «уловить отличия акционерной компании от юридического лица» [111, с. 45], но тем не менее ясно констатировал, что определение юридического лица «никак не может быть перенесено на акционерную компанию, представляющую только вид товарищества» [111, с. 49], в котором правление есть «только собрание поверенных» [111, с. 52], что виделось автору несовместимым с сущностью органов юридических лиц, дело которых «выражать собою волю самостоятельного лица» [111, с. 55].

Между тем развитие теории юридических лиц позволило примирить сохраняющиеся товарищеские элементы с сущностью юридического лица посредством относительно четкого разграничения сторон «юридического лица» и «товарищества» в акционерной компании. В соответствии с этим взглядом, как о том точно писал П. Писемкий, акционерное общество «рассматривается как юридическое лицо для целей... гражданского оборота... в действительности... остается товариществом... союзом, предназначенным для достижения общей цели товарищей» и что в этом «не

заключается никакого логического противоречия» [124, с. 24] (далее – доктрина юридического лица-товарищества).

Именно этот взгляд, позволяющий полностью учесть сохраняющиеся во всякой корпорации сильные интересы участников, был подкреплён на уровне ВС РФ позицией о необходимости отождествления устава юридического лица с договором простого товарищества [43]. Вопреки встречающимся в литературе возражениям против такого подхода как якобы «прямо противоречащего закону» [174, с. 9], а равно вопреки позиции тех исследователей, которые стремятся ограничить сферу корпоративных отношений только вопросами, возникающими «в связи с созданием и деятельностью юридического лица как отдельного субъекта права, отличающегося от своих учредителей, участников, членов органов управления, выгодоприобретателей (бенефициаров) или кредиторов» [152, с. 40], Верховный Суд продолжает настаивать на доктрине юридического лица-товарищества, применяя ее во все новых и новых спорах, что в условиях сущностного единства корпоративных и товарищеских отношений [139, с. 74; 191] представляется совершенно правильным шагом. Встречающиеся же попытки искусственно разделить эти составляющие, в том числе придать срочность товарищескому элементу в корпорации [141, с. 21-22], следует полностью отвергнуть, как противоречащие фактическим общественным отношениям.

Вместе с тем в настоящее время достаточно странным в свете поддерживаемой Верховным Судом доктрины юридического лица-товарищества выглядит продолжающееся игнорирование ВС РФ правил п. 4 ст. 1044 ГК РФ, устанавливающего не только действительность совершенных вышедшим за пределы своих полномочий товарищем (в нашем случае – участником юридического лица) сделок, но и возможность требовать возмещения произведенных им за свой счет расходов. Единственное исключение из этого правила установлено в п. 3 той же статьи, допускающей ссылки товарищей на ограничение прав товарища, совершившего сделку, в

случае если доказано, что «в момент заключения сделки третье лицо знало или должно было знать о наличии таких ограничений».

Иных эксцепций, помимо недобросовестности контрагента, закон не упоминает и, на наш взгляд, в качестве таковых не могут рассматриваться требования «необходимости» совершения товарищем соответствующей сделки в интересах товарищества. Угрозы причинения товариществу «положительного ущерба» или иной «законной ответственности», традиционно выделяемые доктриной в качестве таковых требований [102, с. 42], относятся к условиям получения вышедшим за пределы своих полномочий товарищем возмещения и не могут в силу этого факта рассматриваться в качестве дополнительных возражений товарищей, не упомянутых в п. 3 ст. 1044 ГК РФ.

В результате следует отметить, что введением самобытных правил п. 4 ст. 1044 ГК РФ [191, с. 85], закрепленных впервые в ст. 283 ГК РСФСР 1922 года, законодатель установил иные, чем предусмотренные ст. 183 ГК РФ, последствия выхода товарища за пределы предоставленных ему полномочий, однако этот факт был проигнорирован Верховным Судом и в целом упускается из виду многими исследователями, в том числе при рассмотрении вопросов о соотношении в целом правил ст. 1044 ГК РФ с предписаниями ст. 183 того же кодекса [101, с. 658], хотя отдельно на неприменимость последней в контексте деятельности органов юридического лица некоторые исследователи ранее внимание и обращали [197, с. 54].

Это тем более странно, что применительно к вопросу о допустимости отказа в признании решения общего собрания, не получившего необходимого большинства голосов, недействительным по мотиву злоупотребления правом одним из участников существо данного правила Верховным Судом учитывается (п. 14 Обзора практики по хозяйственным обществам [45]) и он не находит, что отсутствие необходимого кворума (большинства голосов) «равносильно отсутствию коллегиального органа как субъекта изъясления воли юридического лица», делая прямо

противоположный вывод. В таких условиях настаивать на том, что директор, избранный недостаточным большинством, в действительности не есть «надлежаще уполномоченное лицо» для целей определения того, было ли имущество по воле или против воли юридического лица, – явная непоследовательность.

Кроме того, в случае следования позиции ВАС РФ неясным остается и вопрос о разграничении между директором, сведения о котором внесены в ЕГРЮЛ, и директором, сведения о котором внесены не были. Недостаточно сказать, что «до включения сведений о... [директоре] в ЕГРЮЛ доверие третьих лиц к его полномочиям не будет защищено правом» и что «риск ошибки... лежит на контрагенте» [164], если при этом не объяснить, как защититься в случае включения сведений о директоре в ЕГРЮЛ «помимо воли» юридического лица.

Возможно, попыткой разрешить этот вопрос следует считать встречающиеся в доктрине осторожные рассуждения о том, что «при оценке добросовестности [контрагента юридического лица] следует иметь в виду все конкретные обстоятельства, в том числе личность контрагента и характер сделки», и о том, что существуют ситуации, когда «с учетом личности контрагента и характера сделки... защита контрагента возможна с опорой на абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ (полномочие из обстановки)» [164].

Действительно, согласно давней позиции ВАС РФ полномочия работников представляемого юридического лица на совершение юридически значимых действий могут явствовать из обстановки, в которой они действовали [40], а в последующей правоприменительной практике можно достаточно уверенно выделить обстоятельства, очевидно свидетельствующие для третьих лиц об обладании определенным лицом полномочиями действовать от имени другого: а) наличие у совершающего юридически значимые действия доступа к печати юридического лица (кроме случаев, когда представлены доказательства, что печать была из обладания организации помимо ее воли [56]) и б) совершение юридически значимых

действий в месте, недоступном для случайных третьих лиц (собственный склад юридического лица, офис, принадлежащий компании, и так далее). Как отмечают исследователи, наличие данных характеристик «свидетельствует о наличии у работника полномочий, очевидных из обстановки», в силу чего совершенные в таких условиях простым работником действия могут вменяться юридическому лицу [112, с. 65-70; 210]. Появление же данных характеристик у лица, сведения о котором были еще и неправомерно внесены в ЕГРЮЛ, едва ли может быть признано случайным (по отношению к юридическому лицу) обстоятельством, поскольку само по себе говорит, как минимум, о пассивном (упречном) поведении участников корпорации и назначенного ими надлежащим образом руководителя.

Последние, конечно, могут сослаться на то, что в организации возник корпоративный конфликт, в силу которого «надлежащим образом» назначенного руководитель стал отсутствовать (например, после смерти одного из участников, выполнявшего также функции директора организации, двое оставшихся других участников не смогли прийти к единому мнению ни по кандидатуре нового единоличного исполнительного органа, ни по дальнейшим планам деятельности компании), однако подобная ссылка едва ли может быть признана вполне обоснованной: то, что участники не могут договориться между собой, не свидетельствует о том, что они также не могут и осуществлять надлежащий контроль за сведениями об «их компании». Напротив, в условиях корпоративного конфликта следовало бы ожидать более пристального внимания с их стороны за публикуемыми сведениями, поэтому игнорирование данного обстоятельства высшими судебными инстанциями, а также отсутствие на него значительных откликов в литературе не могут быть признаны нормальным состоянием.

Неопределенность, недосказанность и очевидная неполнота регулирования этих отношений в Российской Федерации говорит о необходимости обратиться к регулированию этого вопроса в зарубежных правовых порядках, чтобы можно было установить, является ли такая

недосказанность общим пороком или иные правопорядки нашли способ ее решения. Предваряя последующий сравнительный обзор, сразу заметим, что нельзя не заметить иногда значительного расхождения в способах разрешения этого вопроса по сравнению с отечественной практикой.

Начнем с Германии, чей законодатель различно подошел к решению этой проблемы в зависимости от того, идет речь про торговые или чисто гражданские правоотношения. Если в случае последних немецкий законодатель в параграфе 68 ГГУ всецело защищает третьих лиц, не требуя от них даже в порядке исключения сверяться со сведениями в реестре [221, с. 84], то в торговом праве (параграф 15 (абз. II) Германского торгового уложения [26] (ГТУ)) закреплена прямо противоположная фикция знания об опубликованных фактах. В параграфе 15 (абз. III) ГТУ немецкий законодатель пошел еще дальше, постаравшись закрепить принцип, в соответствии с которым все мнимые представители, если сведения о них были в установленном порядке опубликованы, должны быть приравнены к представителям действительным. Данной цели, однако, немецкому законодателю достичь не удалось, поскольку немецкие правоведы в большинстве своем отвергли его стремление, посчитав, что такая защита третьих лиц «повлекла бы необратимые последствия» [118, с. 44].

Что же касается полномочий из обстановки, то соответствующие правила параграфов 177, 179 ГГУ, единые как для лиц гражданского права, так и для лиц торгового права [221, с. 216], толкуются в соответствии с приведенной выше логикой: действия «*falsus procurator*» создают обязательства для общества только в случае их последующего одобрения без каких-либо исключений, связанных с наличием публичного реестра [221, с. 234-235; 112, с. 273].

Во Франции регулированию интересующего нас вопроса посвящены ч. 2 ст. 1846-2 Французского гражданского кодекса 1804 года (ФГК) и ч. 1 ст. L.210-9 Торгового кодекса 2000 года, которые гласят: «Ни товарищество, ни третьи лица не имеют права с целью уклонения от своих обязательств

ссылаться на несоблюдение порядка назначения лиц, на которых возлагаются обязанности управления или руководства товариществом, когда сведения об этом назначении были опубликованы в установленном порядке» [18, с. 146].

Как было разъяснено в решении гражданской палаты Кассационного суда Франции от 26 октября 2023 года, действие приведенного правила не исключается также в случае, когда сами полномочия были основаны на сфальсифицированном протоколе, поскольку целью правил ст. ст. 1846-2 и L.210-9 является защита третьих лиц, у которых «отсутствуют иные средства, кроме правил о гласности (*publicité légale*) для проверки правильности назначения лица, представляющегося как управляющий» и что это положение не зависит от характера нарушения, лежащего в основании решения о назначении, иначе «смысл текста [ст. ст. 1846-2 и L.210-9] будет лишен всякого полезного эффекта» (*priverait d'effet utile la finalité de ce texte*). Исключение составляет только случай сговора (*manoeuvres concertées*) между недобросовестным управляющим и третьим лицом [87].

Интересным представляется также подход французского правопорядка к соотношению понятий «публичная достоверность» и «полномочия из обстановки». Про последние после издания ордонанса от 10.02.2016 № 2016-131 говорит ст. 1156 ФГК: «Действие, совершенное представителем (*un représentant*) при отсутствии полномочий или при выходе за предоставленные полномочия, не связывает (*est inopposable*) представляемого (*au représenté*), кроме случаев, когда третья сторона на законных основаниях поверила (*a légitimement cru*) в действительность полномочий представителя (*en la réalité des pouvoirs du représentant*), в частности из-за поведения или заверений представляемого».

Не трудно заметить, что эта норма, являющаяся результатом кодификации доктрины, развиваемой французскими судами на протяжении длительного времени [84; 86], содержит в себе упоминавшийся выше применительно к немецкой доктрине «принцип причинения», однако он оказывается применим только к случаям представительства из обстановки

или, как это называется во французском праве, – доктрине очевидного мандата (*mandat apparent*). Как и в немецком праве [118, с. 49], связанность действиями такого представителя возникает не в силу наличия вины в действиях представляемого (например, двусмысленно сформулированной доверенности), а в силу появления у третьей стороны законной веры, то есть сами обстоятельства должны позволять третьей стороне не проверять пределы предоставленных представителю полномочий.

Однако нас больше интересует вопрос о соотношении «очевидного мандата» и полномочий директора применительно к вопросу о том, может ли такое лицо связать компанию обязательствами. Кассационный суд отвечает на этот вопрос положительно, так как само по себе подчинение правилам публичности является недостаточным для вывода о невозможности применения теории очевидного мандата [89], однако этот вывод был подвергнут серьезной критике. Так, Ж-Б. Барбьери обращает внимание на то, что «функция правовой гласности» (*la fonction de la publicité légale*) как раз призвана к тому, чтобы «полезно (*utilement*) информировать третьи стороны» [219]. Конечно, г-н Барбьери понимает, что против этого можно возразить, что публичная достоверность это одно, а делегирование полномочий (*délégation de pouvoir*) – совсем другое; что «юридическая информация о том, что руководитель – это не то лицо, с которым вступает в отношения третья сторона, ничего не меняет» (*change quoi que ce soit à cela*). Но и в таком случае указанный автор не понимает, почему «даже если поведение работника не вызывает вопросов», контрагент «не мог обратиться непосредственно к руководителю общества»? Полностью доверять сотруднику, чтобы потом сослаться на очевидный мандат, кажется господину Барбьери слишком по-оппортунистски [219].

В Австралии правилам о публичной достоверности посвящена ст. 129 закона 2001 года «О корпорациях» [23], в которой одним из предположений (*assumptions*) об органах управления корпорацией является следующее: «всякий кто выступает – согласно информации, предоставленной компанией,

что доступна общественности от Австралийской комиссии по ценным бумагам и инвестициям (ASIS) – в качестве директора или секретаря компании: а) был назначен надлежащим образом; и б) имеет полномочия осуществлять права и выполнять обязанности, обычно осуществляемые или выполняемые директором или секретарем аналогичной компании» (ч. 2 ст. 129). При этом в силу ч. 3 ст. 128 того же закона данное правило действует (*may be made*) даже в тех случаях, когда должностное лицо или представитель компании действуют обманным путем (*fraudulently*) или подделывают документ в связи со сделками.

Как видно, австралийский законодатель решительно закрепил то, что хотел закрепить немецкий и что благодаря правоприменительной практике устоялось во Франции. Вместе с тем видимая строгость сделала непосредственно сразу после опубликования этого закона актуальным вопрос, допускает ли это установление хоть какие исключения, в частности сделанную в ч. 4 ст. 128 оговорку о невозможности лица ссылаться на предположения, если во время совершения сделки таковое лицо знало или подозревало (*suspected*) о недостоверности соответствующих предположений. Рассуждения против применимости данной оговорки аргументировались тем, что поскольку в третьей части не упомянуты специальные исключения, постольку не предполагается существование каких-либо оговорок, препятствующих третьему лицу делать предположения в случае подделки или мошенничества. В итоге, впрочем, возобладала противоположная точка зрения [220, с. 108].

Другое зафиксированное в ч. ч. 5 и 6 ст. 129 закона Австралии о корпорациях предположение касается уже полномочий из обстановки и гласит, что лицо может полагать, что документ (в том числе скрепленный печатью) был надлежаще оформлен компанией, если он внешне подписан (*appears to have been signed*) в соответствии с ч. 1 ст. 127 данного закона, то есть подписан двумя директорами компании, директором и секретарем компании или (для частных компаний, в которых единоличный директор

является также единоличным секретарем компании) только директором. Важна также содержащаяся в этих частях оговорка о том, что достаточно вслед за подписью указать на то, что подписывающее лицо является единоличным директором и секретарем компании, чтобы у другой стороны возникли основания сделать предположение, что лицо занимает обе эти должности, то есть обращаться в этом случае к данным, содержащимся в ASIS не требуется: достаточно, чтобы документ внешне был подписан уполномоченным лицом [226, с. 262-263].

Это может показаться крайним снижением требуемой от контрагентов хозяйственных субъектов осмотрительности, то есть являться, как пишут Н. Саади и Т. МакКлинток, «ударом по компаниям» (a blow to companies), допускающим появление ситуаций, когда «действительно постороннее компании лицо (a true stranger to a company) создает правдоподобно выглядящий документ и дает его подписать третьему лицу, тем самым связывая (binding) компанию» [226, с. 269]. Несомненно, что такая, как это называют указанные авторы, «крайняя ситуация» (an extreme example) выглядит вполне возможной, равно как верно и то, что едва ли «всякий такой [недобросовестный] представитель будет "глубоким карманом" (deep pocket), способным удовлетворить любой долг по судебному решению» [226, с. 270], однако этот путь дает возможность свободнее вступать в правоотношения с юридическим лицом, не опасаясь неожиданных последствий.

Проанализированный зарубежный опыт позволяет прийти к выводу, что различные правопорядки во всем мире стремятся повысить доверие к сведениям, содержащимся в публичных реестрах о юридических лицах. В отличие от отечественного правопорядка, в котором правила о достоверности размещенных в ЕГРЮЛ данных толкуются через призму ст. 302 ГК РФ, вышеупомянутые и иные аналогичные зарубежные правопорядки не переносят вещные правила в сферу корпоративных отношений, уделяя вместо этого большее внимание вопросу оценки поведения контрагента. Подход, выработанный отечественными правоприменителями, привел в

итоге лишь к формированию противоречий, между тем как зарубежные правопорядки, рассматривая вопрос о наличии или отсутствии законной видимости полномочий для третьего лица, заранее исключают возможность вынесения противоречивых решений, делая тем самым правопорядок более предсказуемым и благоприятным для всех, в том числе для участников юридического лица, за счет создания равных условий. Встречающееся иногда противодействие этому порядку (например, в Германии) вызвано отнюдь не неизвестными другим правопорядкам аргументами, а скорее присущему некоторым правоведам консерватизму, на который, разумеется, не следует слепо ориентироваться.

Учитывая изложенное, представляется разумным заключить, что подтверждение действительности, а не мнимости полномочий единоличного исполнительного органа должно осуществляться по специальным правилам, вследствие чего наличие серьезных пороков в решении об его избрании не должно являться безусловным основанием для вывода о «юридической ничтожности» совершаемых им актов [179], а контрагенты юридического лица не должны нести риск недостоверности сведений, размещенных в ЕГРЮЛ, кроме случаев, когда о недостоверности таковых им было или должно было быть известно, исходя из обстановки, в которой осуществлялось взаимодействие с единоличным исполнительным органом [181, с. 66-67]. Применение же общих правил о мнимом представителе (ст. 183 ГК РФ) должно ограничить случаями, когда сведения о единоличном исполнительном органе еще не были в установленном порядке опубликованы.

С учетом сделанных рекомендаций и зарубежного опыта необходимо внести некоторые коррективы в отечественное регулирование для достижения надлежащего баланса между «внутренними» и «внешними» интересами в юридическом лице. Осуществление обозначенной коррективы требует в обязательном порядке пересмотр данного в абз. 2 п. 22 Постановления № 25 толкования абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ. Мы можем

предложить следующий вариант, учитывающий основные выводы настоящего исследования:

«Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные ЕГРЮЛ, ссылаться на данные, не включенные в указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев, когда такому лицу известно или должно быть известно о неполноте или недостоверности указанных данных, в том числе о включении последних в указанный реестр в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица».

Коррективы в абз. 2 п. 122 Постановления № 25 могут быть внесены по аналогии с правками, предложенными выше.

С учетом наличия публичного реестра, в котором размещаются сведения о текущих руководителях организации, в п. 121 Постановления № 25 должно быть отдельно зафиксировано, что правила ст. 183 ГК РФ могут применяться к представительным органам юридического лица только тогда, когда сведения об их назначении не были преданы гласности в установленном порядке; в иных же случаях должно применяться специальное правовое регулирование, указанное нами выше.

Кроме того, для устранения возможных противоречий полагаем, что соответствующие изменения могут быть внесены не только в текст Постановления № 25, но и непосредственно в закон в виде соответствующих уточнений формулировок второго предложения абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ.

Таким образом, по итогам проведенного в первой главе анализа установлено, что в отношениях с участием единоличного исполнительного органа последний выступает в качестве функционального представителя корпоративного юридического лица, а само его представительство имеет двойственную правовую природу. При этом действительность полномочий единоличного исполнительного органа для третьих лиц должна подтверждаться размещением соответствующих сведений в ЕГРЮЛ, вследствие чего необходимо исключить возможность для юридического лица

отвергать по отношению к добросовестным третьим лицам опубликованные сведения.

## **Глава 2**

### **Осуществление полномочий единоличного исполнительного органа**

#### **2.1 Возникновение и прекращение полномочий единоличного исполнительного органа**

При рассмотрении вопроса о статусе единоличного исполнительного органа невозможно не обратить внимание на порождающий до настоящего времени споры в научной литературе и правоприменительной практике вопрос о моменте возникновения его полномочий. Если применительно к внешним отношениям определяющее значение для третьих лиц имеет не сам факт возникновения полномочий, а добросовестное формирование у них обоснованной видимости таковых (параграф 1.2 главы 1), применительно к внутренним отношениям этот вопрос оказывается более сложным, так как момент возникновения полномочий единоличного исполнительного органа обременен множеством практических последствий: именно с этого момента конкретное лицо приобретает (теряет) статус директора юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и становится субъектом ответственности в случае ненадлежащего исполнения своих прав и обязанностей (ст. 53.1 ГК РФ).

В свете этих обстоятельств представляется удивительным, что вплоть до настоящего времени на уровне закона не определен момент, с которого возникают полномочия у единоличного исполнительного органа. Хотя в соответствии с подп. «л» п. 1 ст. 5 Закона о регистрации юридических лиц сведения о лице, имеющем право без доверенности выступать от имени юридического лица, размещаются в ЕГРЮЛ, по российскому праву правопорождающего (конститутивного) значения факт внесения сведений в ЕГРЮЛ не имеет [33; 95]. Законодатель, устанавливая обязанность сообщить

о смене руководителя (п. 5 ст. 5 Закона о регистрации юридических лиц) и предусматривая ответственность за несообщение или несвоевременное сообщение о данном событии (ч. ч. 3, 4 и 5 статьи 14.25 КоАП РФ), стремится лишь минимизировать число и продолжительность случаев, когда информация в ЕГРЮЛ не будет соответствовать действительности. Действительность же характеризуется тем, что право избирать директора относится к компетенции высшего органа корпорации (абз. 5 п. 2 ст. 65.3 ГК РФ) или иного лица, определенного в соответствии с законом или учредительным документом (например, к компетенции учредителя, не составляющего высший орган юридического лица (п. 4 ст. 123.21 ГК РФ) или к компетенции уполномоченного собственником органа (п. 5 ст. 113 ГК РФ)), а значит, правопорождающим фактом, свидетельствующим для третьих лиц о наличии у определенного лица полномочий выступать от имени юридического лица, не может выступать момент внесения записи в ЕГРЮЛ.

В таких условиях и с учетом того, что деятельность директора-физического лица охватывается также трудовым законодательством (ст. 273 ТК РФ), то есть того, что его права и обязанности определяются в том числе трудовым договором (ст. 274 ТК РФ), подписание которого отдельно упоминается и в законодательстве применительно к юридическим лицам отдельных организационно-правовых форм (абз. 3 п. 1 ст. 40 ФЗ об ООО, п. 8 ст. 26 ФЗ о С.Х.К., абз. 2 п. 3 ст. 69 федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [8] (далее – ФЗ об АО)), логично предположить, что правовой статус (полномочия) у руководителя возникнет именно с момента заключения такого договора [182, с. 35]. Вместе с тем многие исследователи не согласны с подобным подходом.

Так, И.С. Шиткина считает, что заключение или незаключение договора с будущим директором «не влияет на признание его правового положения», поскольку трудовые отношения в любом случае могут возникнуть на основании фактического допуска работника к работе (ч. 3

ст. 16 ТК РФ). Юридическое значение поэтому будет иметь только момент принятия решения соответствующим компетентным органом управления юридическим лицом, с которым и следует связывать возникновение полномочий у единоличного исполнительного органа [215, с. 8].

С последним тезисом согласен и другой исследователь – И.А. Косякин, который выделяет «триаду юридических фактов» приобретения директором юридического лица правового статуса: корпоративного (принятие соответствующего решения органом управления); трудового (заключение договора) и административного (внесение сведений в ЕГРЮЛ) [178, с. 31]. Вместе с тем, по мнению указанного автора, юридического состава перечисленные факты не образуют, и «решающее значение» среди них имеет лишь корпоративный факт, в то время как иные факты «не являются необходимыми для приобретения... полномочий», и само по себе наличие любого из них не позволяет признать за конкретным лицом статус единоличного исполнительного органа [178, с. 32-33].

Присоединяется к этой позиции и О.Р. Зайцев, прибавляя только, что до включения сведений о новом руководителе в ЕГРЮЛ «доверие третьих лиц к его полномочиям не будет защищено правом» [164].

На наш взгляд, подобные рассуждения являются методологически неверными, не учитывающими, что сама по себе возможность прекратить односторонним решением компетентного органа управления юридическим лицом полномочий директора (на это указывается в приведенных выше определениях ВАС РФ, на которые в том числе ссылаются упомянутые авторы в подтверждение своих выводов) еще не означает возможность также (односторонне) наделить соответствующими полномочиями другое лицо. Как верно пишет В. В. Тихонов, приобретение конкретным лицом статуса органа управления, означает принятие на себя «целого комплекса прав, обязанностей и... возможных мер ответственности» [206]. Одностороннее же возложение на другое лицо несения бремени обязанностей вступает в очевидное противоречие с таким конституционным принципом, как свобода

использования своих способностей, в том числе к труду (ч. 1 ст. 34, ч. ч. 1 и 2 ст. 37 Конституции РФ [1]), а также развивающими его частноправовыми принципами равенства участников гражданских правоотношений, свободы договора и права осуществлять права своей волей и в своем интересе (п. п. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ), поскольку допускает возложение на лицо обязанностей без четко выраженного с его стороны согласия. Такое ограничение чьих-либо прав в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ должно быть возможно только на основании федерального закона [182, с. 35-36], что характерно для представителей, чьи полномочия основаны непосредственно на законе: так, в силу прямого указания закона представителями малолетних являются их родители, усыновители или опекуны (п. 1 ст. 28 ГК РФ), а в случае, если указанные лица отсутствуют и не может быть найдено лицо, согласное принять на себя соответствующие функции, то представителем в силу закона становится орган опеки и попечительства (п. 1 ст. 34 ГК РФ). Как было отмечено в параграфе 1.1 главы 1, двойственный характер представительства единоличного исполнительного органа как раз и проявляется в том, что возложение на себя соответствующих функций производится лицом свободно, закон только определяет (в первую очередь – для третьих лиц) пределы предоставленных полномочий.

Однако могут возразить, что в настоящее время в законе сказано: единоличный исполнительный орган избирается решением общего собрания участников или иного органа управления корпоративного юридического лица (абз. 1 п. 1 ст. 40 ФЗ об ООО, подп. 2 п. 2 ст. 20 ФЗ о С.Х.К., абз. 1 п. 3 ст. 69 ФЗ об АО); это показывает, что законодателем уже сделан выбор в пользу возникновения полномочий именно с момента принятия решения.

Такой ответ, на наш взгляд, был бы преждевременным. Закон нигде не возлагает на лицо, избранное руководителем организации, но не выразившее на такое избрание согласия, каких-либо обязанностей. Особенно ярко это проявляется в сфере государственной регистрации юридических лиц: физическому лицу достаточно направить заявление о том, что содержащиеся

в ЕГРЮЛ сведения о нем недостоверны, чтобы регистрирующий орган был обязан внести в них отметку о недостоверности (п. 5 ст. 11 Закона о регистрации юридических лиц), а если размещение сведений изначально произошло без воли такого физического лица, то подобные действия и вовсе квалифицируются законодателем как преступление (ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УК РФ)).

Следовательно, хотя решение об избрании и выступает необходимой предпосылкой возникновения отношений между юридическим лицом и его директором, само по себе принятие такого решения не порождает каких-либо обязательств для избранного лица и не служит (без наличия соответствующей воли избранного лица) основанием для внесения в ЕГРЮЛ сведений о нём как о руководителе организации. Решение об избрании выступает только лишь как один из элементов сложного юридического состава, необходимого для возникновения полномочий единоличного исполнительного органа, который наряду с самим решением включает в себя выражение взаимной воли сторон на принятие (наделение) соответствующим комплексом прав и обязанностей.

Поскольку речь идет о необходимости выражения согласованной воли двух сторон, постольку речь при определении момента возникновения полномочий директоров юридических лиц может идти только о моменте заключения соответствующего договора (п. 3 ст. 154 ГК РФ). В отступление от общих положений гражданского законодательства, устанавливающих в качестве такого момента время получения лицом, направившим предложение о заключении договора (оферту), полного и безоговорочного согласия с предложенными условиями (акцепта) (п. 1 ст. 433 ГК РФ), то есть момент достижения сторонами договора в требуемой в таких случаях форме соглашения по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ), трудовое законодательство переносит этот момент до времени подписания будущим руководителем (работником) и работодателем договора как единого документа, если иной срок не следует из закона, не указан в самом

договоре или если ранее не имело место фактическое допущение работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя (ч. 1 ст. 61 ТК РФ).

Именно на последнюю оговорку и ссылаются сторонники точки зрения, согласно которой заключение договора для возникновения полномочий не требуется [178, с. 33; 215, с. 8]. Однако при подобной ссылке упускается из виду многократно отмеченная исследователями многозначность понятия «договор», под которым может пониматься то соглашение сторон, то само обязательство, возникающее из соглашения, а то и документ, фиксирующий факт возникновения обязательства по воле его участников [100, с. 14-19; 116, с. 26-27].

Когда законодатель говорит о том, что трудовые отношения могут возникнуть на основании «фактического допущения работника к работе» (ч. 3 ст. 16 ТК РФ), речь идет о возникновении трудовых отношений в отсутствие именно трудового договора как документа, особые требования к форме которого установлены законом (ст. 67 ТК РФ). При этом трудовой договор как факт или правоотношение не отрицается законодателем, что можно видеть на примере норм, в которых фактический допуск работника рассматривается как момент вступления трудового договора в силу (ч. 1 ст. 61 ТК РФ). Иное прочтение содержания закона возможно только в случае, если сохранить, как точно подметила Е.В. Тычинская, «стойкое предубеждение» отождествлять договор с его формой [132, с. 119].

Автору настоящего исследования доводилось также слышать довод, что поскольку трудовой договор предполагается всегда возмездным, а «функции директора могут выполняться лицом, являющимся участником общества, безвозмездно», то трудового договора может в принципе не быть, что исключает необходимость наличия договорных связей между сторонами.

В основе этого довода лежит, на первый взгляд, та очевидная идея, что цена договора устанавливается соглашением сторон (п. 1 ст. 424 ГК РФ), вследствие чего стороны свободны установить в договоре любую цену, в том

числе сделать договор без цены (безвозмездным) (п. 2 ст. 423 ГК РФ). Вместе с тем этот довод не опровергает договорный характер отношений между единоличным исполнительным органом и юридическим лицом, поскольку он, как минимум, предполагает, что упомянутые лица выразили совместную волю (заключили договор) об осуществлении функций руководителя организации на безвозмездной основе. Кроме того, едва ли можно согласиться, что таковой договор (особенно применительно к коммерческим организациям) может носить безвозмездный характер, ведь из буквального содержания п. 1 ст. 422 ГК РФ следует, что всякий договор должен соответствовать императивным нормам, действовавшим в момент его заключения. Как верно отмечает М.Н. Илюшина, ТК РФ «императивно оценивает отношения с руководителями организаций [независимо от их организационно-правовой формы] как трудовые, регулируемые трудовым законодательством» [169] (ч. 1 ст. 273 ТК РФ), которое предусматривает в качестве общего правила необходимость оплаты труда (ч. 2 ст. 7, ч. 3 ст. 37, ч. 5 ст. 75 Конституции РФ, абз. 7 ст. 2, ст. 15 и ст. 133 ТК РФ). Следовательно, условие об исполнении единоличным исполнительным органом своих функций безвозмездно вступит в непреодолимые противоречия с вышеуказанными положениями законодательства, вследствие чего окажется ничтожным в силу закона (п. 2 ст. 168 ГК РФ, ч. 5 ст. 135 ТК РФ).

По тем же причинам следует отвергнуть выдвигаемые некоторыми исследователями предложения распространить на деятельность единоличного исполнительного органа правила, которые применяются к договору поручительства или иным посредническим договорам. Хотя в основе предписаний современного корпоративного законодательства и лежат часто правила, выработанные в зарубежных правовых порядках для «агентских правоотношений», отечественное законодательство для подобного отождествления никаких оснований не содержит, в силу чего все подобные рассуждения могут носить только сравнительный характер.

В свете изложенного неверным представляется также встречающееся в литературе противопоставление понятий «трудовой договор с директором» и «соглашение о возложении на директора обязательства по ведению дела юридического лица» в зависимости от того, была ли соблюдена письменная форма, что допускается, в частности, И.С. Чупруновым, который хотя и поддерживает тезис, что без встречного волеизъявления будущего руководителя организации невозможно возникновение отношений по представительству (не «происходит достижение соглашения»), но противопоставляет достижение этого соглашения заключению трудового договора [134, с. 75]. Как следует из изложенного выше, трудовой договор между директором и юридическим лицом вовсе не подразумевает обязательное соблюдение письменной формы и считается заключенным уже с момента фактического допуска конкретного лица к работе. Иные же действия, которые могут предшествовать подписанию трудового договора как документа или фактическому допущению к работе, являются ничем иным, как переговорами о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ), не порождающими сами по себе обязательств, непосредственно вытекающих из договора (применительно к руководителю в качестве последних следует, в первую очередь, назвать обязательства действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53 ГК РФ)), и не порождают в свете этого права на судебную защиту по правилам соответствующего договора (п. 8 ст. 434.1 ГК РФ), что исключает противопоставление понятий «трудовой договор с директором» и «соглашение о возложении на директора обязательства по ведению дела юридического лица» ввиду полного отсутствия для этого каких-либо предпосылок.

Вместе с тем определение, по общему правилу, момента вступления договора в силу как момент подписания единого документа порождает проблему разрыва между моментом принятия соответствующего решения и заключением договора. В худшем случае подобный разрыв может означать,

что соответствующий договор так никогда и не будет подписан, что, как считает Е.В. Тычинская, «демонстрирует необходимость устранить» обозначенный разрыв [132, с. 122]. Хотя сделать последнее едва ли представляется возможным в свете того, что таковой разрыв присутствует и в общих положениях ГК РФ о заключении договора (время между дачей согласия на заключение договора (акцепта) и получением последнего стороной, направившей предложение заключить договор (оферту), что и порождает проблемы отзыва акцепта (ст. 439 ГК РФ) и получения акцепта с опозданием (ст. 442 ГК РФ)), предложение обозначенного автора представляет несомненный интерес, в первую очередь благодаря выделяемым этапам. Таковых предполагается пять [132, с. 119-121]:

- 1) Подготовка собрания компетентного органа, в повестку которого должен быть включен вопрос о назначении нового лица руководителем организации.
- 2) Направление будущему кандидату «предложения быть выдвинутым» с приложением предлагаемых условий договора (предложение делать оферты).
- 3) Получение от кандидата квалифицируемого как оферта «письменного документа, содержащего согласие ... [будущего директора] и обязательство стать единоличным исполнительным органом в случае его избрания» [132, с. 120].
- 4) Проведение собрания соответствующего компетентного органа управления юридическим лицом.
- 5) Ознакомление кандидата с протоколом, в котором зафиксировано решение о его избрании. Именно это ознакомление и предлагается считать «конечным юридическим фактом, завершающим процесс заключения договора» [132, с. 121].

Если даже опустить отмечаемую самой Е.В. Тычинской [132, с. 124-125] сложность в реализации описанного подхода, связанную с тем, что он требовал и вплоть до настоящего времени требует внесения корректив в законодательство, чтобы исключить подписание договора с будущим директором из числа самостоятельных этапов, следование ему едва ли представляется оправданным с точки зрения политики права. Поскольку договор с руководителем юридического лица носит лично-доверительный

характер, что проявляется (с известными оговорками) в возможности в любой момент немотивированно прекратить соответствующие отношения (п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ), нехарактерной в целом (ст. 81 ТК РФ) для трудовых отношений [178, с. 34], поскольку создание для юридических лиц конструкций, обязывающих их ко вступлению в правоотношения с конкретными лицами в качестве их руководителей представляется некорректным [215, с. 11].

К данному выводу можно подойти и путем исследования основной функции общего собрания участников любого корпоративного юридического лица – образования воли коллективного субъекта. Смещение этой роли с функциями волеобразующих и волеизъявляющих органов (под которыми следует понимать, разумеется, не только единоличный исполнительный орган, но и, например, председателя совета директоров, которого закон прямо уполномочивает на заключение договора с будущим директором (абз. 2 п. 3 ст. 69 ФЗ об АО) приводит только к путанице и ничем не обоснованным ограничениям свободы возникновения договорных отношений между юридическим лицом и директором.

Из всего сказанного следует, что если решение наделить конкретное лицо полномочиями директора организации принято бесповоротно и окончательно, то члены компетентного органа будут сами заинтересованы в сокращении возможного разрыва между принятием решения и подписанием договора, путем, например, приглашения будущего директора на заседание органа управления, на котором будет приниматься соответствующее решение. Если же остается место для сомнений – у права нет оснований вмешиваться во внутренние дела юридических лиц, тем более, что и само такое вмешательство не гарантирует возникновения той ясности и определенности, на которую надеются авторы соответствующих предложений.

Приведенные выше рассуждения представляются совершенно корректными, поскольку они касаются единоличного исполнительного

органа, в качестве которого выступает физическое лицо. Вместе с тем необходимо проверить, применимы ли они к выступающей от имени юридического лица управляющей организации. Для ответа на данный вопрос прежде всего определим, можно ли последнюю в принципе признать органом юридического лица.

В научном сообществе относительно этого вопроса высказаны две противоположные точки зрения. Первая из них исходит из того, что орган юридического лица в определенный момент времени может составлять только конкретный гражданин, наделенный полномочиями выступать от имени организации. Корнем упомянутой предпосылки – носящей, как признают сами сторонники данного подхода, во многом традиционный характер [197, с. 45] – является «ни у кого не вызывающее сомнений» убеждение, что «без людей, без людского субстрата не может быть юридического лица и его деятельности» [212, с. 296; 121, с. 92; 206], проводя относительно возможности признания за юридическими лицами статуса органа следующую наглядную аналогию: «как доверительный управляющий не приобретает статус собственника в отношении переданного в доверительное управление имущества», так и управляющая организация «не становится... органом общества» [120, с. 299]. При этом, разумеется, орган юридического лица не может быть «отождествлен с конкретными физическими лицами, из которых он состоит, поскольку факт изменения персонального состава органа сам по себе не влияет на действительность или недействительность юридических действий, совершенных ранее юридическим лицом посредством своего органа» [120, с. 281-282].

Вторая точка зрения основана на том, что хотя закон действительно разграничивает органы юридических лиц и субъекты права, которые эти органы в конкретный момент составляют – что можно увидеть, если сравнить содержание п. 1 и п. 2 ст. 53 ГК РФ – сам закон не содержит запрещения на занятие положения единоличного исполнительного органа каким-либо иным лицом, помимо физического, ограничиваясь общими упоминаниями «лиц,

уполномоченных выступать от имени юридического лица» (абз. 3 п. 1, п. 3 ст. 53 ГК РФ) или лиц, «входящих в состав органов юридического лица» (п. 4 ст. 53 ГК РФ). Единственный нормативный акт, в котором четко указывалось, что руководителем организации может выступать только физическое лицо – Трудовой кодекс (ч. 1 и абз. 3 ч. 2 ст. 273). Между тем специфический предмет регулирования данного нормативно-правового акта не позволяет считать, что его предписания должны выходить за рамки трудовых отношений, что в полной мере понимали в том числе и сторонники первого подхода, когда предлагали, например, уточнить законодательно, что в п. 1 ст. 53 ГК РФ «речь идет о лицах (т.е. субъектах права), составляющих органы юридического лица», чтобы можно было их «отличать от лиц, осуществляющих эти функции в силу договора с юридическим лицом (представителей, управляющих компаний и т.п.)» [176]. В дальнейшем же в законодательстве и вовсе было прямо закреплено применительно к корпоративным юридическим лицам, что «в качестве единоличного исполнительного органа... может выступать как физическое лицо, так и юридическое лицо» (третье предложение абз. 1 п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

Разумеется, в конечном счете от имени юридического лица, избранного в качестве управляющей организации, действовать будет конкретное физическое лицо и таким образом до тех пор, пока и если на законодательном уровне не будет признана возможность возложения функций некоторых органов юридических лиц на программы для электронных вычислительных машин (искусственный интеллект), проблема поиска «людского субстрата» решается. Именно по этому пути пошел, в частности, французский законодатель, когда закрепил, что в случае передачи управления делами товарищества юридическому лицу, управляющие последнего подчиняются тем же требованиям, несут те же обязанности и ту же гражданско-правовую и уголовную ответственность, как если бы эти лица осуществляли управление, действуя от своего имени, однако с солидарной ответственностью возглавляемого ими юридического лица (ст. 1847 ФГК).

Однако имело ли бы подобное усложнение какой-либо практический смысл в условиях отечественного правопорядка – вопрос открытый, так как стимулирование к добросовестному поведению, являющееся с очевидностью целью введения данного правила, может осуществляться и косвенным путем, когда ответственность перед юридическим лицом несет управляющая организация, а уже перед последней – член исполнительного органа. В условиях, когда сам «людской субстрат» объявлен фикцией, поиск которого попросту бессмысленен [204, с. 194-195], пересмотр такого положения дел потребовал бы кардинальной смены подходов, однако необходимость такой смены нуждается в самостоятельном исследовании, выходящем за рамки настоящей работы.

На наш взгляд, в отсутствие легальных предписаний, аналогичных французскому закону, рассматриваемый вопрос можно сформулировать следующим образом: должны ли к управляющим организациям применяться какие-либо иные правила об обязанностях действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53 ГК РФ) и об ответственности за нарушение этих обязанностей (ст. 53.1 ГК РФ)? Никаких причин для положительного ответа на этот вопрос ранее сформулировано не было, поэтому на уровне разъяснений высшей судебной инстанции оказался закреплён подход, в соответствии с которым органы юридического лица могут составлять не только физические, но и юридические лица (п. 1 Постановления № 62), что, как отмечалось ранее, было впоследствии подтверждено и законодателем. Можно подкрепить такой вывод и некоторыми положительными доктринальными рассуждениями. Например, Е.Л. Невзгодина верно замечает: отказ признавать возможность осуществления управляющей организацией именно функций органа юридического лица предполагает, что в основе осуществления последней полномочий от имени юридического лица лежат иные правовые основания, однако ни правила о законном, ни особенно о добровольном представительстве в данном случае применены быть не могут, так как

применение последних, в частности, означало бы признание необходимой возможности действовать от имени юридического лица параллельно с управляющей организацией также иных исполнительных органов, что просто немыслимо [197, с. 49], кроме случаев одновременного возложения функций руководителя организации на нескольких лиц. Мы также не видим возражений, которые бы могли оспорить положение управляющей организации в качестве органа.

Теперь вернемся к вопросу о моменте возникновения полномочий в случае заключения договора с управляющей организацией. Поскольку закон применительно к управляющим организациям содержит те же указания на обязательность подписания договора как единого документа (п. 3 ст. 42 ФЗ об ООО; абз. 2 п. 3 ст. 69 ФЗ об АО) и с учетом подмечаемого исследователями сущностного единства договора с директором – физическим лицом и с управляющими, в числе с управляющей организацией [178, с. 35; 132, с. 69], можно утверждать, что моментом заключения соответствующего договора также следует, по общему правилу, признать момент его подписания обеими сторонами как единого документа [182, с. 36].

Обратимся теперь к другому моменту, с которым закон связывает начало действия соответствующего договора, – к моменту фактического допуска руководителя-физического лица к работе (ч. 1 ст. 61 ТК РФ). Согласно прямому указанию закона, под таковым следует понимать момент, когда руководитель приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя (ч. 2 ст. 67 ТК РФ), что – с учетом специфики труда директора, который в действительности не подчинен «хозяйственной власти работодателя», а скорее «работает любым подходящим ему образом» [178, с. 33] – следует понимать не как момент, когда, например, директор физически прибыл в офис компании, а как момент совершения им действительно любого действия от имени юридического лица и в качестве его единоличного исполнительного органа, будь то совершение

сделки, выдача доверенности, издание организационно-распорядительного документа (приказа) или нечто подобное. Ключевое во всех этих действиях – ясное выражение лицом своего намерения исполнять полномочия директора, почему какие-то случайные поступки (в том числе упоминавшееся выше простое физическое прибытие в офис компании) не могут выступать в качестве однозначных признаков произошедшего фактического доступа к работе.

Важно при этом учитывать, что фактический допуск к работе может повлечь заключение договора между конкретным субъектом и юридическим лицом только в том случае, если была надлежащим образом сформирована воля последнего. Если же имел место только фактический допуск к осуществлению соответствующих функций в отсутствие надлежащим образом сформированной воли (например, в результате подделки решения компетентного органа о назначении лица директором), то соответствующий договор между юридическим лицом и будущим директором, поскольку таковое соглашение не получило в дальнейшем надлежащего одобрения со стороны компетентного органа, следует в силу ст. 183 ГК РФ и ст. 67.1 ТК РФ, расширительное толкование которой в данном случае видится полностью оправданным [178, с. 32], квалифицировать как незаключенный и потому не порождающим правовых последствий для юридического лица, кроме предусмотренной в ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ обязанности выплатить вознаграждение за фактически отработанное время. При этом несостоявшийся директор не лишен также права требовать от лица, допустившего его к работе (или даже подписавшего с ним физически договор) без надлежащих к тому полномочий, компенсации причиненных этим убытков в соответствии с п. 3 ст. 183 ГК РФ, кроме ситуации, когда он знал об отсутствии полномочий на заключение с ним договора; в последнем случае следует признать, что предусмотренное ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ вознаграждение уплате таковому субъекту также не подлежит.

Сделанный вывод о возможности заключения договора посредством фактического допуска к работе представляется полностью корректным и применительно к управляющим организациям в силу правил п. 3 ст. 432 ГК РФ о том, что принятие исполнения по договору (в данном случае – принятие любого действия в качестве исполнительного органа) исключает возможность впоследствии сослаться на незаключенность договора. Важно только оговориться, что поскольку ст. 67.1 ТК РФ рассчитана на применение исключительно к физическим лицам, ее распространение по аналогии к отношениям с управляющей организацией представляется невозможным, вследствие чего последняя в силу п. 3 ст. 183 ГК РФ вправе требовать причитающееся ей неполученное вознаграждение за период, когда она фактически исполняла функции единоличного исполнительного органа, только от неуполномоченного лица, которое заключило соответствующий договор [182, с. 37].

Рассмотрим также вопрос о том, кто именно имеет право заключать от имени юридического лица договор с конкретным лицом в качестве директора в контексте известной отечественному правопорядку практики назначения приказом действующего руководителя организации на период своего отсутствия другого лица «временно исполняющим обязанности» директора организации, сопровождаемой выдачей так называемой «генеральной доверенности». В целом эту проблему можно обозначить как «Проблема кооптации директоров». Ряд исследователей не видят препятствий в совершении подобного рода действий, однако широкое распространение, в том числе в судебной практике, получил подход, в соответствии с которым такие действия рассматриваются как недопустимая «подмена» актом директора решения вышестоящего органа. Противники этой практики традиционно указывают, что она ведет к исчезновению доверительных отношений между фактическим руководителем и участниками юридического лица [215, с. 14], а также что она нарушает баланс интересов в корпорации [170, с. 20-21]. Однако, прежде чем дать собственную оценку этой практике,

рассмотрим предварительно то, как к решению этого вопроса подходят в зарубежных правопорядках.

Если обратиться, например, к закону Австралии 2001 года «О корпорациях», то базовое установление о назначении руководителей организаций не отличается от российского: директор корпорации избирается общим собранием участников (ст. 201G). В то же время, хотя, по общему правилу, для частной компании (*proprietary company*) считается достаточным иметь хотя бы одного директора (ч. 1 ст. 201A), австралийский закон, в отличие от ныне действующего отечественного, оставляющего этот вопрос полностью на усмотрение учредителей организации (абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ; ст. 2178 Свода законов гражданских), в ряде случаев предписывает иметь более чем одного директора. Так, если частная компания высказывает намерение привлекать инвестиции от мелких частных инвесторов (*crowd-sourced funding*), то минимальное число директоров в компании увеличивается до двух (ч. 1A ст. 201A), а если компания изначально является публичной – до трех (ч. 2 ст. 201A).

При этом если в отечественном правопорядке в качестве общего правила действует презумпция о неограниченности полномочий каждого из директоров по отдельности, поскольку отсутствуют указания на то, что они могут осуществлять свои полномочия только совместно (абз. 4 п. 22, п. 121 Постановления № 25), то согласно ч. 1 ст. 198B австралийского закона при наличии в компании двух и более директоров последние вправе совершать сделки от имени компании только при условии, что под такой сделкой поставят свои подписи, по меньшей мере, двое директоров. При этом директора в целом не лишены права наделить кого-либо из своего состава полномочиями генерального директора (*managing director*), доверив ему право единолично подписывать документы (ст. ст. 198C и 201J).

При наличии всех этих предписаний не может не возникнуть естественный вопрос: что делать в ситуации, если число директоров стало менее необходимого кворума для ведения корпорацией своей деятельности?

Поскольку созыв общего собрания участников всегда сопряжен с известными издержками, австралийский законодатель избрал следующее решение: дозволить в случае невозможности сформировать кворум на собрании директоров (directors' meeting) назначить на таком собрании какое-либо иное лицо в качестве директора, даже если оставшегося числа директоров компании недостаточно, чтобы сформировать кворум (ч. 1 ст. 201H). Впрочем, у назначенного таким образом директора есть одна особенность: в то время как назначенные в общем порядке директора не имеют каких-либо законодательных ограничений по сроку полномочий, назначенные в соответствии с этой процедурой лица сохраняют свои полномочия только в течение 2-х месяцев (для частных компаний) или до очередного общего собрания (для публичных компаний), если только в этот период они не будут назначены на должность в общем порядке (ч. ч. 2 и 3 ст. 201H).

Аналогичным, различающимся только в деталях, образом разрешается этот вопрос и в индийском законе «О компаниях» 2013 года [28]. Общее правило – директор организации избирается на общем собрании (ч. 2 ст. 152), однако при наличии нескольких директоров в случае открытия досрочной вакансии совет директоров может избрать на освободившееся место иное лицо, назначение которого должно быть одобрено следующим общим собранием (ч. 4 ст. 161).

Как следует из изложенного, базовый подход к проблеме кооптации в странах общего права существенно отличается от отечественного: такая кооптация не просто признается действительной, но и прямо допускается законом. Вместе с тем прямое перенесение подобной практики на отечественную почву встречает ряд известных препятствий, связанных, в первую очередь, с тем, что в силу сложившегося обыкновения в подавляющем большинстве компаний продолжит действовать негласное правило, в соответствии с которым директором может назначаться одно и только одно лицо, а также с тем, что отсутствуют какие-либо правовые основания для допущения кооптации директоров. Напротив, в свете

существования в абз. 4 пп. 1 п. 3 ст. 66.3 ГК РФ запрета на включение в устав всякого непубличного общества положений, позволяющих коллегиальному (коллегиальному исполнительному) органу избирать собственных членов, очень сомнительно, с точки зрения соответствия закону, будет выглядеть практика наделения лиц, выполняющих функции единоличного исполнительного органа, правом назначать себе коллег, пусть только и на период до следующего общего собрания участников. Аналогично сомнительной, а потому подлежащей прекращению должна быть признана и практика по фактической передаче полномочий посредством выдачи генеральной доверенности.

Обратимся теперь к моменту, с которого полномочия руководителя должны считаться прекратившимися. Как следует из положений гражданского законодательства, компания в лице уполномоченного органа вправе в любой момент времени прекратить отношения с субъектом, включенным в состав ее органов (абз. 5 п. 2 ст. 65.3 ГК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ). В связи с тем, что таковой акт представлен законодателем в качестве одностороннего действия, в качестве момента, после которого должен считаться расторгнутым договор с соответствующим представителем, следует признать момент получения последним поступления к нему данного уведомления (п. 1 ст. 450.1 ГК РФ).

Аналогичное право на односторонний отказ принадлежит и лицу, включенному в состав исполнительного органа (п. 2 ст. 782 ГК РФ), с той только оговоркой, что для руководителя-физического лица является при этом обязательным сделать соответствующее заявление не ранее чем за месяц до предполагаемого события (ст. 280 ТК РФ). Какие-либо дополнительные ограничения этого права для директора-физического лица в законе отсутствуют и нам представляется сомнительным, чтобы оно могло быть (подразумеваемо или путем прямого включения соответствующего условия в трудовой договор) ограничено в случае его «неожиданности или несвоевременности» путем возложения на бывшего директора

ответственности в виде возникших у юридического лица вследствие этого убытков [134, с. 77], постольку такое условие является ограничением (пусть и чисто фактическим) фундаментального для отечественного правопорядка права на свободу труда (ст. 37 Конституции РФ).

Как видно, прекращение полномочий одного директора не связано с возникновением полномочий у другого. В перспективе это может привести к дисфункциональности единоличного исполнительного органа ввиду отсутствия соответствующего наполнения, о чем мы еще будем говорить далее (параграф 2.3 текущей главы). В настоящем же разделе нашей целью является только показать, что момент прекращения полномочий руководителя юридического лица ни в коей мере не является абсолютно подвластным стороне заказчика в договоре на управление юридическим лицом.

Один случай такого неподвластного прекращения мы уже назвали – добровольное сложение полномочий. Его отличительной чертой является волевой характер. Вместе с тем в законодательстве поименованы многие случаи, в которых воля участвующих лиц не учитывается.

Первым таким случаем является истечение полномочий у лица, назначенного исполнять соответствующую должность. В отечественной корпоративной практике сложилась традиция ограничивать полномочия директоров и иных лиц, избираемых в состав органов юридического лица, сроком в 5 лет или даже менее. Частично причиной возникновения такой практики следует признать патерналистский подход законодателя, который предусмотрел в ст. 279 ТК РФ особую гарантию (а, по сути, санкцию для юридического лица) в виде необходимости выплаты в пользу бывшего директора компенсации в размере не ниже трехкратного среднего месячного заработка при условии, что договор с ним прекращается не в связи с совершением им какого-либо деяния, которое можно было бы квалифицировать как дисциплинарный проступок, то есть в связи с произвольным расторжением договора по инициативе юридического лица.

Частично в пользу избранного практикой решения говорит и сложный порядок увольнения руководителя организации по специально предусмотренным для того трудовым законодательством основаниям (п. п. 9, 10, 13 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), равно как и в целом существующие сложности с привлечением руководителей организаций к дисциплинарной ответственности, в результате чего некоторые исследователи рассматривают соответствующие институты скорее как «рудименты права», нуждающиеся, как минимум, в существенной переработке для восстановления своей эффективности [177].

В какой-то степени купировать проблемы сложившейся практики могло бы установление (в том числе в учредительных документах юридического лица) правила, в соответствии с которым избранный директор осуществляет свои полномочия вплоть до назначения нового лица, на которое было бы возложено исполнение тех же полномочий, как это в настоящее время закреплено в абзаце 6 п. 3 ст. 69 ФЗ об АО. К сожалению, аналогичного правила применительно к иным юридическим лицам законодатель по сей день не сформулировал, а в судебной практике единого подхода по настоящее время не сложилось.

Так, одни суды считают, что поскольку срочный трудовой договор с руководителем хозяйственного общества не был расторгнут в связи с истечением срока его действия и директор продолжает работу, трудовой договор считается теперь заключенным на неопределенный срок, в силу чего директор может продолжать осуществлять свои полномочия [80]. Другие суды фактически применяют правила п. 3 ст. 69 ФЗ об АО по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ) [78] (эта позиция пользуется более-менее устойчивой поддержкой в юридической литературе [215, с. 10-11] и предлагается некоторыми исследователями для закрепления в качестве общего правила [193]), в то время как третьи суды, видя специальные правила п. 3 ст. 69 ФЗ об АО, считают оправданным применять эти правила *a contrario* (от обратного), усматривая в отсутствии аналогичного правила в ФЗ об ООО

указание на «различие воли законодателя в регулировании отношений», в силу чего отказывают в признании сохранения полномочий за директором после истечения срока его избрания [82].

Если рассматривать перечисленные подходы с точки зрения политики права (*de lege ferenda*), то нельзя не отметить присущую им всем в той или иной степени ущербность, препятствующую принятию какого-либо из них в качестве генерального правила. При этом проблемы первого (бессрочное навязывание юридическому лицу определенного лица в качестве его руководителя) и третьего (умножение ситуаций, когда организация оказывается без представительства) подходов достаточно очевидны и не нуждаются в отдельном рассмотрении в свете уже хотя бы того, что применительно к акционерным обществам законодатель осторожно избрал именно второй путь; вместе с тем для вскрытия проблемы этого подхода необходимо взглянуть на вопрос несколько шире.

Как было установлено в рамках настоящего параграфа, в основе возникновения полномочий единоличного исполнительного органа лежит определенный договор. Как и всякое вообще соглашение, этот договор предполагает известное распределение прав и обязанностей (гарантий) между сторонами, то есть предполагает координацию, установление определенного баланса в отношениях между ними. Высказанная законодателем в ст. 279 ТК РФ мысль достаточно очевидна: директор должен быть защищен на случай немотивированного прекращения с ним договорных отношений; аналогичная мысль проведена законодателем и для близкого к рассматриваемым отношениям случая отказа учредителя управления от договора доверительного управления по мотивам, не связанным с невозможностью для доверительного управляющего осуществлять доверительное управление имуществом (абз. 6 п. 1 ст. 1024 ГК РФ). Установление же п. 3 ст. 69 ФЗ об АО этот баланс нарушает, поскольку переводит отношения в статус фактически бессрочных, но при этом

исключает принадлежность руководителю тех гарантий, которые ему были бы положены в случае заключения им такого договора в обычном порядке.

Разрешение обозначенного противоречия можно обнаружить в некоторых зарубежных правопорядках. Так, индийский закон «О компаниях» применительно к публичным компаниям содержит правило о подверженности как минимум 2/3 директоров компании обязательной ротации (п. «а» ч. 6 ст. 152), в рамках которой не менее 1/3 от общего числа директоров должны складывать свои полномочия на каждом очередном общем собрании (п. «с» ч. 6 ст. 152). Стремясь избежать ситуации, когда на очередном собрании полномочия некоторых директоров в порядке ротации будут прекращены, однако новых лиц на их место не назначат, индийский законодатель в п. «а» ч. 7 ст. 152 закрепил, что если на собрании не было принято решение о назначении нового лица на должность директора или если «собрание не приняло прямого решения не заполнять вакансию» (*has not expressly resolved not to fill the vacancy*), то вначале собрание считается отложенным на неделю, чтобы повторно рассмотреть этот вопрос, а если же и через неделю собранием не будет принято одно из вышеназванных решений, то прежний директор считается переизбранным на новый срок, кроме ряда случаев, в частности когда на этом или предыдущем собрании решение о назначении такого лица директором было вынесено на голосование и отклонено (*has been put to the meeting and lost*) или когда сам такой директор не желает продолжать осуществлять свои полномочия (п. «b» ч. 7 ст. 152).

Данный подход куда точнее соответствует «двойственному» статусу директора организации, чем закрепленный в настоящее время в законе об акционерных обществах, так как позволяет учитывать не только интересы участников, но и самого единоличного исполнительного органа, который во всяком случае сможет уверенно работать, сохраняя гарантии на случай произвольного немотивированного прекращения с ним отношений. В пользу именно такого решения можно привести также отмеченное еще Д.И. Мейром

сходство между договорами аренды и личного найма, вся разница между которыми в том, что «предметом найма имущества является право пользования какою-либо вещью, а предметом личного найма – услуга одного лица другому» [121, с. 515]; в свете отмеченного сходства нельзя не обратить внимание также на случайное совпадение срока, за который необходимо уведомить об одностороннем расторжении договора бессрочного найма недвижимости (три месяца) (абз. 2 п. 2 ст. 610 ГК РФ), применяемом также в случае, когда ранее срочный договор найма приобрел характер бессрочного (п. 2 ст. 621 ГК РФ), со сроком, за который рассчитывается сумма минимального возмещения, причитающаяся директору в случае произвольного расторжения с ним трудового договора (ст. 279 ТК РФ).

Вторым случаем является лишение судом права занимать руководящие должности в организациях, назначаемое в силу прямого указания закона всем гражданам, объявленным банкротом (п. 3 ст. 213.30 ЗоБ), а также в качестве меры наказания за совершение тех или иных правонарушений (дисквалификация) (ст. 3.11 КоАП РФ). Должно оговориться, что, исходя из буквального содержания ч. 2 ст. 32.11 КоАП РФ, сама по себе дисквалификация не означает прекращения полномочий руководителя, ведь «исполнение постановления о дисквалификации производится путем прекращения договора с дисквалифицированным лицом». Именно на такой (неавтоматический) порядок вроде как намекает также существование отдельной административной ответственности за осуществление дисквалифицированным лицом в течение срока дисквалификации деятельности по управлению юридическим лицом (ч. 1 ст. 14.23 КоАП РФ), равно как и установление зеркальной ответственности для юридического лица за заключение с дисквалифицированным лицом договора на управление юридическим лицом, а равно неприменение последствий прекращения его действия (ч. 2 ст. 14.23 КоАП РФ).

В то же время против такого вывода говорит содержание ст. 83 ТК РФ и п. 20.4 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10, в котором

установлено, что «решение о назначении административного наказания в виде дисквалификации считается приведенным в исполнение с момента его вступления в законную силу. Именно с этого момента договор [с директором] считается прекращенным и дисквалифицированное лицо не вправе в том числе осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом» [35]. В соответствии с этой позицией приведенные выше нормы закона касаются только совершения фактических действий по приведению сущего к должному и их смысл сводится к тому, что «обязанности по применению правовых последствий прекращения трудового договора являются двусторонними: дисквалифицированное лицо обязано немедленно прекратить управление юридическим лицом, а работодатель – трудовой договор с лицом, привлеченным к административной ответственности» [51]. Кроме того, не стоит забывать, что даже только фактическое сохранение полномочий за лицом, которое в силу судебного акта не вправе их более осуществлять, может быть истолковано в качестве злостного уклонения от исполнения решения суда и влечь уголовную ответственность по ч. 2 ст. 315 УК РФ [96].

Достаточно упомянуть также такие события, как скоропостижная смерть или выявление заболевания, приводящего к невыездности, чтобы в общих чертах завершить обобщение случаев, когда прекращение полномочий директоров юридического лица находится вне какой-либо власти с его стороны.

Таким образом, моментом возникновения полномочий единоличного исполнительного органа является момент заключения между ним и юридическим лицом (в лице уполномоченного представителя, под которым ни в коем случае не может пониматься сам единоличный исполнительный орган) договора. Заключение такого договора признается в том числе в форме фактического допуска к работе (без оформления в виде отдельного документа), в силу чего должна быть принята в качестве общего правила автоматическая пролонгация такого договора (заключение его на новый

срок) в случае, если по истечении срока его действия ни одна из сторон не выразила определенным образом желания прекратить отношения. При этом факты внесения сведений о заключении договора в ЕГРЮЛ или принятия компетентным органом управления (учредителем) юридического лица решения о наделении полномочиями могут по времени не совпадать с моментом возникновения соответствующих полномочий и носят только сопутствующий характер и не могут подменить собой волю лица на принятие на себя комплекса прав и обязанностей (полномочий) единоличного исполнительного органа.

Для исключения каких-либо споров и противоречий в дальнейшей правоприменительной, в том числе судебной, практике считаем необходимым в п. 3 ст. 53 ГК РФ добавить отдельное указание на то, что лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, приобретают свои права с момента подписания соответствующего договора, кроме случаев, когда иной срок возникновения полномочий следует из закона, условий договора, а также случая, когда соответствующее лицо приступает к исполнению своих полномочий до подписания договора [182, с. 37], а также закрепить, что при истечении срока полномочий органов юридического лица таковой срок считается вначале автоматически продленным до следующего собрания компетентного органа, а если на таковом собрании не будет принято решение о формировании новых исполнительных органов – то действует фикция избрания на новый срок.

## **2.2 Подконтрольность последствий деятельности единоличного исполнительного органа вышестоящим органам юридического лица**

Важным для понимания особенностей осуществления деятельности единоличного исполнительного органа представляется также вопрос о том, насколько последствия этих действий (бездействия) могут быть юридически подвластны вышестоящим органам, участникам, членам, учредителям или

учредителю (далее в рамках настоящего параграфа обобщенно – участники) юридического лица. Выбор именно юридической подвластности определен тем, что в то время как экономическая подвластность деятельности руководителя, обусловленная явлением так называемого корпоративного контроля, дает участникам только косвенные рычаги влияния на поведение соответствующих лиц посредством таких механизмов, как выплата премий, выдача поощрений или взыскание понесенных убытков, привлечение к дисциплинарной ответственности или немотивированное (в той мере, в которой это допускается законом) досрочное прекращение полномочий, юридическая подвластность позволяет непосредственно изменять последствия совершенных актов, превращая те или иные действия (бездействие) в юридически ничтожные, чем позволяет прямо защитить интересы (участников) юридического лица от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов [187, с. 842-843]. Для лучшего уяснения различия между действиями (бездействием), чьи последствия юридически подвластны или неподвластны, рассмотрим их по группам.

В первую группу [187, с. 843-844] выделим действия, которые непосредственно направлены на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей у юридического лица, то есть сделки (ст. 153 ГК РФ). Последствия таких действий традиционно относятся к сфере контроля участников юридического лица, подобно тому как последствия действий управляющего товарища относятся к сфере юридического контроля прочих товарищей (п. 3 ст. 1044 ГК РФ). Выход в ходе осуществления деятельности за пределы установленных учредительными документами или иными внутренними правилами ограничений на их совершение (п. 1 ст. 174 ГК РФ), в том числе совершение сделки в противоречии с целями деятельности юридического лица (ст. 173 ГК РФ), а также совершение таковой очевидно в ущерб интересам юридического лица (п. 2 ст. 174 ГК РФ) определены законодателем в качестве общих оснований недействительности

сделок для всех юридических лиц в случае, если о соответствующих обстоятельствах в момент совершения сделки известно или должно быть известно другой стороне.

Законы об отдельных видах юридических лиц устанавливают также специальные основания недействительности сделок, такие как совершение без одобрения сделки, в результате которой изменяется основное направление деятельности организации (крупные сделки) (ст. 46 ФЗ об ООО; ст. ст. 78-79 ФЗ об АО; п. п. 3, 8 ст. 38 ФЗ о С.Х.К. и другие), а равно совершение без одобрения сделки с заинтересованностью, причиняющей ущерб интересам юридического лица (ст. 45 ФЗ об ООО; ст. 84 ФЗ об АО; п. п. 4-7, 8 ст. 38 ФЗ о С.Х.К.; ст. 27 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [9] и другие) при все том же условии об известности другой стороне сделки об отсутствии соответствующего согласия на совершение таковых сделок.

Во вторую группу мы выделим решения, не являющиеся в тесном (буквальном, прямом) смысле этого слова сделками, но находящиеся в силу прямого указания закона (абз. 4 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ; п. 3 ст. 43 ФЗ об ООО; п. 27 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [34] (далее – Постановление № 19)) под юридической властью участников юридических лиц [187, с. 844-845]. Для обозначения входящих в эту группу явлений законодатель использовал понятие «решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия»; очевидно, что в эту законодательную группу входят не только интересующие нас решения единоличного исполнительного органа компании, но и решения иных органов управления, таких как высший орган управления (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ), коллегиальный орган управления (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ) и коллегиальный исполнительный орган (абз. 2 п. 3 ст. 65.3 ГК РФ), являющиеся по своей сути решениями собраний (гл. 9.1 ГК РФ),

поэтому мы сосредоточимся не на всей этой совокупности, а только той ее части, которая относится к предмету настоящего исследования.

Законодатель не раскрывает, что именно понимается им под «решениями» в контексте упомянутых законодательных положений. В судебной практике это понятие принято толковать ограничительно, в частности, под ним ни в коем случае не может пониматься подписанный руководителем организации отзыв на исковое заявление [53]. Высшим Арбитражным судом высказана позиция, что под «решениями» в этом смысле можно понимать только такие акты, которые принимаются органами юридического лица «в рамках выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций», вследствие чего к таковым нельзя отнести «сделки, заключаемые в рамках обязательственных правоотношений» [55]. В научной литературе такое понимание также в целом разделяется исследователями [123, с. 194-211]. По сути, можно заключить, что под «решениями» в рассматриваемом контексте можно понимать принятые исполнительными органами локальные нормативные акты, в том числе те, о которых идет речь в ст. 8 ТК РФ [180, с. 115, 120; 187, с. 844-845]. Именно такие локальные нормативные акты мы и относим ко второй группе.

В третью группу мы отнесем действия (бездействие), юридический эффект которых наступает независимо от того, на что была направлена воля совершавшего такие действия/бездействие лица (юридические поступки), среди которых можно назвать принятие или отказ в принятии исполнения договорного или иного обязательства, перечисление оплаты по договору, причинение вреда третьим лицам и иные подобные действия (бездействие). Отступал юридический эффект в сознании совершавшего такие действия (бездействие) лица, как пишет Ф.К. фон Савиньи, на второй план «как подчиненное», либо даже если «его решительно не желали», что имеет место в случае совершения деликта [129, с. 213], правовые последствия таковых действий (бездействия) наступают в любом случае, из-за чего последствия

юридических поступков не могут находиться в юридической подвластности кого бы то ни было. Подобная подвластность для них немыслима как логически (ведь было бы попросту нелепо, если бы над последствиями действий (бездействия), эффект которых неподвластен совершавшему их, власть имели те, кто никакого отношения к этим актам не имеет), так и политически, поскольку ставила бы участников юридического лица в заведомо неоправданное с точки зрения конституционных принципов (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ; абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ) привилегированное положение, освобождая их от несения каких-либо рисков от ведения деятельности посредством юридического лица [187, с. 845].

Перечисленными тремя группами исчерпывается перечень актов, которые могут быть совершены единоличным исполнительным органом юридического лица. Благодаря данному перечню становятся наглядно понятны как последствия обжалования в судебном порядке различных действий (бездействия) руководителя организации (начиная от признания самих актов директора юридически ничтожными и заканчивая бесперспективностью такого обжалования ввиду невозможности повлиять на последствия совершенных актов), так и общие условия признания соответствующих действий (бездействия) недействительными, что, безусловно, должно способствовать повышению предсказуемости (в первую очередь, в правоприменительной практике) последствий обжалования различных действий (бездействия) единоличного исполнительного органа.

Вместе с тем проведение самой по себе классификации нельзя считать разрешением вопроса о юридических границах подвластности, поскольку таковые определяются не самой классификацией, а отнесением тех или иных действий (бездействия) в тот или иной ее раздел, что особенно относится к вопросу о возможности подконтрольности последствий действий (бездействия) в виде намеренного несовершения каких-либо актов (бездействия) и к вопросу о подконтрольности актов голосования единоличного исполнительного органа в гражданско-правовых собраниях.

Для лучшего уяснения обоих спорных вопросов рассмотрим их на примере дочерних (подвластных) юридических лиц.

Характерная для отечественного правопорядка многоуровневая (сложная, «матрешечная») система управления, когда непосредственные выгодоприобретатели от деятельности юридического лица ее формальными участниками не являются, а осуществляют свой корпоративный контроль через участие в другой (головной) организации, обладающей возможностью определять решения, принимаемые первым (дочерним) обществом (ст. 67.3 ГК РФ), ставит вопрос о том, могут ли участники головной организации контролировать последствия бездействия единоличного исполнительного органа посредством самостоятельного обращения за оспариванием сделок и решений, совершаемых (принимаемых) в дочерних (внучатых и так далее) юридических лицах. Иски о понуждении единоличного исполнительного органа к самостоятельному обращению с соответствующими требованиями нами как промежуточное звено сознательно опускаются, поскольку нет никаких сомнений в том, что в отсутствие соответствующего желания со стороны директора даже в случае его обязанности по суду никакого решения в исполнении такого судебного акта им проявлено не будет.

Хотя само по себе понятие «контроль над бездействием» видится комичным, основное препятствие к предъявлению такого рода исков усматривается нами все же в используемой повсеместно в тексте закона предваряющей формуле «участники... вправе» (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), которая не оставляет никаких сомнений в том, что право обжаловать решения органов управления (абз. 4) или оспаривать сделки (абз. 6) принадлежит именно и только непосредственным участникам юридического лица, а не участникам участников. Не дают места для иных толкований и формулировки правил об оспаривании решения собраний, поскольку такие понятия, как не принимавший участия в голосовании или голосовавший против оспариваемого решения «участник соответствующего гражданско-правового сообщества» (абз. 1 п. 3 ст. 181.4 ГК РФ), «участник общества»

(п. 1 ст. 43 ФЗ об ООО), «акционер» (абз. 1 п. 7 ст. 49 ФЗ об АО), «член кооператива» (п. 1 ст. 17.1 федерального закона от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» [7] (далее – ФЗ о ПрК)) и так далее свидетельствуют с очевидностью о стремлении законодателя наделить соответствующим правом только лиц, которые в силу закона могут непосредственно участвовать в управлении юридическим лицом, то есть это может быть либо сам участник, либо лицо, которому участник эти права временно передал (например, залогодержатель) [180, с. 113-114].

Высказываемые же в свете этого некоторыми исследователями сентенции о том, что якобы «законодатель, прямо указывая в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ на то, что участник корпорации имеет права на определенные действия от имени корпорации, вовсе не использует термин «непосредственный участник» — такое понимание является лишь результатом толкования нормы судебными инстанциями» [172, с. 141], то есть требующие от нас признать допустимость распространения соответствующих прав также на «косвенных» участников, едва ли могут быть признаны обоснованными, поскольку соответствующее толкование не просто вытекает из буквального смысла использованных слов, но и следует из тех мотивов и объяснений, которые приводят непосредственные разработчики текста закона. Так, в частности, в тех фрагментах Концепции развития законодательства о юридических лицах [176], которые посвящены предложениям по закреплению за участниками различных юридических образований тех прав, которые предлагалось охарактеризовать как корпоративные (п. 2.9, 2.11, 2.12 подразд. 2), нигде не содержалось ни единого указания на то, что такие же права предполагается дать неким «косвенным» участникам. Аналогично и Е.А. Суханов, комментируя только что принятый закон, находил важным уточнить, что закрепленные в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ права принадлежат «участникам всякой, в том числе некоммерческой корпорации», однако совершенно не упоминал о том, что эти же права принадлежат участникам головных организаций по отношению к дочерним, хотя такое упоминание было бы более чем

естественным, поскольку почти все перечисленные права были «новеллами» [203, с. 118]. Все это недвусмысленно свидетельствует о том, что наделение какими бы то ни было правами «косвенных» участников юридических лиц в намерение законодателя не входило.

Последнее, впрочем, не означает, что последствия соответствующих актов всецело находятся вне юридической подвластности участников головной организации. Применительно к решениям собраний дочерних организаций следует помнить, что правом на оспаривание решения по мотиву ничтожности обладают «любые лица, имеющие охраняемый законом интерес в... признании» решения недействительным (абз. 1 п. 106 Постановления № 25). Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет говорить, что действующее право дает правомочие на обжалование также лицам, которые права участия в юридическом лице не имеют, но являются его выгодоприобретателями как участники «родительских» организаций [180, с. 114].

Однако даже в таком случае мы можем только признать, что юридически подвластными участникам юридических лиц являются исключительно последствия бездействия единоличного исполнительного органа, когда они касаются решений дочерних организаций, считающихся ничтожными в силу закона, то есть подвластной является только строго ограниченная законом (ст. 181.5 ГК РФ; п. 1 ст. 32 ФЗ об ООО; абз. 3 п. 107 Постановления № 25) группа решений. По понятным причинам перечень ничтожных в силу закона решений не может быть расширен без вмешательства законодателя, что существенно ограничивает сферу подвластного «бездействия» руководителя, и никакие заявления о том, что соответствующее решение (например, об увеличении уставного капитала) должно быть признано недействительным в связи с тем, что оно противоречит интересам дочернего или родительского сообщества, не могут поколебать этот факт, поскольку соответствующее основание

недействительности не относится к случаям ничтожности принятых решений в силу закона (п. 12 Обзора практики по хозяйственным обществам).

В то же время нельзя не отметить, что запрос на соответствующее расширение границ юридической подвластности в отечественном праве все же присутствует. Так, Н.Е. Кантор, признавая, с одной стороны, что «риски выбора опосредованной системы осуществления корпоративных прав, серьезного отдаления активов от контроля над ними, несомненно, должны возлагаться на бенефициаров, принявших такой выбор», делает вслед за этим важную оговорку о том, что «там, где осознанный (курсив наш – В.Л.) бенефициаром уровень риска превышает за счет недобросовестных действий других лиц, законные интересы бенефициара должны принудительно осуществляться в судебном порядке» [172, с. 143]. Стремясь удовлетворить этот запрос, Н.М. Виленский предлагает передать разрешение этого вопроса на уровень Верховного Суда РФ, видя в возможном творческом использовании «юридической техники», примененной в ч. 8 ст. 11 федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ключ к разрешению этого вопроса [148, с. 112].

В каком-то смысле именно по данному пути пошел правоприменитель в вопросе «супружеских» исков участников юридических лиц. Если общее правило заключается в том, что участник собрания может обжаловать принятое оспоримое решение только в том случае, если он голосовал против такого решения или не принимал участия в голосовании (абз. 1 п. 3 ст. 181.4 ГК РФ), в то время как уже сам по себе факт воздержания при голосовании или тем более голосование за принятие соответствующего решения исключает удовлетворение какого-либо иска по мотиву оспоримости, кроме случаев, «если его волеизъявление при голосовании было нарушено» (абз. 2 п. 3 ст. 181.4 ГК РФ), то применительно к супругам участников подобные ограничения не действуют. Связано это с тем, что супруг участника, будучи даже юридически собственником доли участия, корпоративных прав по отношению к юридическому лицу не имеет, то есть не является участником

[55], а значит, как пишет Ю.Ю. Заказнов, «возможность супруга ссылаться на злоупотребление большинством для защиты своих прав выглядит как минимум сомнительно» [165, с. 10].

В то же время суды не желали оставлять интересы супругов совсем без защиты, для чего выработали подход, согласно которому признается допустимым квалифицировать соответствующее решение собрания как сделку, признавая впоследствии его недействительным по специальным семейным основаниям недействительности. Вместе с тем видится сомнительным будущее подобных исков «о переквалификации» с учетом наметившейся на уровне Верховного Суда практикой, согласно которой, с одной стороны, принятие решения об увеличении уставного капитала не может считаться нарушением имущественных прав супруга [70], а, с другой стороны, сами имущественные права супругов применительно к долям участия отрицаются до принятия решения о разделе совместно нажитого имущества [48 (п. 18); 72]. Уже сейчас можно видеть, что права потерпевших от принятых в ущерб интересам (бывших) супругов решений предлагается защищать посредством предъявления прямых исков о признании соответствующих решений недействительными, причем для обхода используемых в тексте закона ограничений по кругу лиц, которым принадлежит право на предъявление соответствующего иска, используются ссылки на п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, в котором содержится упоминание о «лице, права которого нарушены» [73]. Помимо уже высказанных в научной литературе замечаний о противоречии этого подхода как ранее сложившейся судебной практике, так и тексту закона [165, с. 11-17], отметим, что в случае закрепления подобного толкования исчезают какие-либо формальные препятствия для обжалования оспоримых решений и со стороны иных участников гражданских правоотношений, в частности участников «родительских» компаний. Разумеется, в какой-то степени подобный результат является следствием ограниченности отечественного семейного законодательства, которое содержит только два способа раздела совместного

имущества супругов: по соглашению и по суду (п. п. 2 и 3 ст. 38 СК РФ), не зная иных вариантов, наподобие установленного французским законодателем упрощенного порядка перехода корпоративных прав участников к их супругам посредством простого уведомления (ст. 1832-2 ФГК). Вместе с тем подобный результат видится крайне опасным применительно к вопросу о стабильности отечественного рынка корпоративных прав, поскольку возможность предъявления исков «через голову» юридического лица приведет к еще большему размытию его статуса как самостоятельного участника гражданских правоотношений.

Однако если все же возобладает позиция тех исследователей, которые уже сейчас заявляют, что «во главу угла нельзя ставить формальную правосубъектность искусственного лица вместо защиты нарушенных интересов конечного бенефициара активов» [172, с. 135], то необходимо хотя бы избежать некоторых эксцессов в правоприменении, которые с неизбежностью будут, если к ним не подготовиться. Во-первых, должно всецело при предъявлении двойных (множественных) косвенных исков следить за соблюдением правил п. 2 ст. 65.2 и п. 6 ст. 181.4 ГК РФ, чтобы исключить, используя выражение Е.А. Суханова, риск «породить практически бесконечную череду однородных исков» [203, с. 120] со стороны разных участников «родительских» юридических лиц, требуя под страхом оставления иска без движения предъявления доказательств уведомления всех участников не только «головного» юридического лица, но и дочернего, а если есть промежуточные – то и промежуточных, чтобы последние имели возможность своевременно представить в суд свои возражения относительно предъявленных требований.

Во-вторых, подобные требования должны рассматриваться как крайняя мера, почему должно требовать с заявляющего их лица предъявления дополнительных обоснований, в качестве которых можно использовать, например, установленные для соответствующих случаев законодательством Австралии требования о доказывании:

а) добросовестности заявителя, б) наличии заинтересованности самой компании в предъявлении подобного иска и об отсутствии у последней намерения самостоятельно его инициировать, а также в) о серьезности вопроса, который должен быть поставлен пред судом (ч. 2 ст. 237 закона 2001 года «О корпорациях»). Поскольку подобные требования являются в целом стандартными для правопорядков, в которых возможность предъявления двойных (множественных) производных исков прямо предусмотрена законом (в настоящее время к таковым, помимо Австралии, относятся, по свидетельству Н.М. Виленского [148, с. 97], Канада, Новая Зеландия, Южная Корея и Япония), имплементация их в отечественный правопорядок при сохранении текущего направления развития соответствующих институтов должна рассматриваться как чрезвычайно необходимая мера.

Со своей же стороны повторим, что какие-либо законодательные предпосылки для признания за участниками «головных» организаций прав на оспаривание сделок или решений дочерних юридических лиц отсутствуют, удовлетворение подобных требований приведет в конечном счете к еще большему размытию понятия юридического лица как самостоятельного хозяйственного образования и (в перспективе) к еще большей дестабилизации гражданского оборота, почему подобное движение мы приветствовать не можем. Вместе с тем в рамках настоящего исследования мы можем зафиксировать, что уже сейчас границы юридической подвластности участников юридических лиц не совпадают с границами соответствующего лица, выходят за его пределы и распространяются (применительно к мотивам ничтожности) на решения любых дочерних (внучатых и т.д.) организаций. Все это заставляет нас дополнить последний пункт нашей классификации подпунктом, касающимся подвластности последствий бездействия в форме самостоятельного осуществления соответствующих прав на обращение к суду, с той только оговоркой (не соблюдаемой в настоящее время судебной практикой), что подобное

обращение должно допускаться только в случаях, которые прямо дозволены законом.

Перейдем теперь к вопросу о подконтрольности последствий действий в виде актов голосования единоличного исполнительного органа. В доктрине и (особенно) в практике были высказаны различные точки зрения относительно того, к какой группе стоит относить таковые действия. Среди выдвинутых предложений можно отметить:

А) Уравнение их с решениями исполнительных органов (п. 3 ст. 43 ФЗ об ООО). Логика в этом следующая: поскольку в дочерних организациях от имени материнской компании при принятии любых решений высшими органами управления дочерней организации выступает именно единоличный исполнительный орган материнской организации, то принимаемые им в ходе подобного выполнения функций решения можно обжаловать точно так же, как и всякое иное решение исполнительного органа [77].

Что обращает на себя внимание в таком подходе, так это отождествление понятия «решение», использованного в п. 3 ст. 43 ФЗ об ООО, с понятием «решения», о котором идет речь в ст. 39 ФЗ об ООО. Такой подход, как можно судить из сказанного выше, не характерен для отечественных исследователей или судов, но даже если его принять, остается открытым вопрос об основаниях, по которым соответствующее решение может быть признано недействительным.

Б) Отождествление актов голосования со сделками. Это предложение было высказано Верховным Судом РФ при рассмотрении конкретного дела (№ А40-219032/2022), причем для его обоснования была выдвинута достаточно сложная аргументация [71]. Сначала было отмечено, что право на оспаривание решения принадлежит только участникам общества как лицам, которые «продолжают нести риск общего дела» (довод 1-й). Затем – что статус участника материнского общества не дает право оспаривать решения общего собрания участников дочернего, внучатого и т.д. обществ, поскольку «это нарушало бы частную автономию непосредственных участников

соответствующих обществ, и противоречило бы принципу невмешательства в частные дела» (довод 2-й). Этих доводов было бы достаточно, чтобы согласиться с решениями нижестоящих судов, отклонивших требования истца в этой части, однако Верховный Суд решил пойти дальше и найти основания для защиты его интересов.

Высшая судебная инстанция начала свою специальную аргументацию с постулирования решений собраний как «особого вида сделок» (довод 3-й). Следом был тут же выдвинут новый постулат: голосование на общем собрании участников (акционеров) подобно сделкам, поэтому к нему могут быть применены правила о недействительности сделок, предусмотренные гл. 9 ГК РФ (довод 4-й). Из этих двух доводов делается вывод, что «недействительность голосования может повлечь за собой недействительность и решения общего собрания участников в случае, когда такое голосование могло повлиять на результаты голосования или было поражено пороком воли» (довод 5-й).

Последний вывод позволяет Верховному Суду перейти к напоминанию, что в силу п. 1 ст. 174 ГК РФ сделка может быть признана недействительной, если ее совершение нарушало условия осуществления полномочий руководителя организации, как они определены в уставе общества (довод 6-й), а также о том, что с требованием о признании сделки недействительной по данному основанию вправе обратиться также участник общества в силу абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ (довод 7-й). При этом суд оговорился, что на подобные требования распространяются не сроки исковой давности, предусмотренные ст. 181 ГК РФ, а сроки, предусмотренные законодательством о хозяйственных обществах и ГК РФ для решений собраний (довод 8-й).

Однозначно можно сказать, что в правильности доводов 6 и 7 усомниться нельзя, поскольку они представляют собой повторение положений законодательства. Тожественный вывод хотелось бы сделать с учетом изложенного ранее и в отношении доводов 1 и 2, если бы не одно

«но» – в правильности этих доводов сомневается сам Верховный Суд. Это видно по тому, что сразу за этими доводами в тексте определения следует анализ ст. 46 Конституции РФ, суть которого сводится к тому, что а) право заявлять иски от имени обществ, где лицо имеет только опосредованный экономический интерес или б) заявлять иски об оспаривании решений органов управления в таких обществах, «допустимо только в исключительных случаях», когда будет доказана невозможность защитить права лица «посредством гарантированных лицу правопорядком местонахождения соответствующего общества способов защиты в рамках общества, в котором он имеет прямой экономический интерес». Можно согласиться И.С. Чупруновым, что этой оговоркой сделан «шаг в сторону того, чтобы допустить» подачу двойных (множественных) производных исков, однако это шаг «крайне осторожный», рассчитанный на «чрезвычайно узкое» применение [214, с. 24]. Не исключено, впрочем, что эта оговорка есть только попутно сказанное (*obiter dictum*) в решении суда, поэтому никакого практического значения она в принципе иметь не будет.

Самыми спорными в акте Верховного Суда выглядят доводы 3, 4 и 8. Вопрос об отличиях решений собраний от сделок достаточно широко рассмотрен в литературе, где высказаны существенные возражения против отождествления этих двух юридических фактов [160, с. 15-19; 205]. Ввиду этого интересным выглядит подход Верховного Суда, который на таком отождествлении настаивает, но вот в вопросе о правовой природе голосования на общем собрании участников такой категоричной позиции не занимает, допуская, как видится, применение в данном случае правил о сделках только по аналогии. Однако аналогия в этом случае получается, по сути, двойная: основания недействительности берутся из правил о сделках, а сроки обращения с соответствующими требованиями – из правил о недействительности решений собраний.

Здесь, собственно, мы и подошли к вопросу о том, возможно ли применять к актам голосования участников гражданско-правовых сообществ

прямо или по аналогии правила о сделках. Последнее уточнение мы делаем потому, что нашему праву известны многие случаи, когда законодатель, говоря о сделках, в действительности устанавливает правила, применимые к более широкому кругу юридических фактов. Так, в п. 1 ст. 181 ГК РФ говорится о «сделке, совершенной одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия», однако сложно усомниться, что ее правила применимы также и к другим юридическим действиям, совершаемым одним лицом от имени другого [112, с. 15-16], как то, например, участвовать в общем собрании участников на основании выданной доверенности (абз. 2 п. 2 ст. 37 ФЗ об ООО; абз. 3 п. 1 ст. 57 ФЗ об АО; п. 3 ст. 13, п. п. 6 и 7 ст. 24 ФЗ о С.Х.К.). Само по себе существование подобных правил и их применимость к актам голосования не превращает последние в сделки, если только нет иных доказательств сделочного характера их природы.

Основным расхождением между сделкой (ст. 153 ГК РФ) и актом голосования является то обстоятельство, что сам по себе последний никогда не влечет возникновения, изменения или прекращения гражданских прав или обязанностей. Более того, для голосования представляется совершенно безразличным то, на что оно было направлено (на установление, изменение или прекращение гражданских прав) и было ли оно направлено на что-либо вообще (например, в ситуации, когда участник по какому-то вопросу воздерживается), так как юридический факт (решение собрания) возникает не в силу самого голосования, но в силу корректного проведения подсчета поданных голосов, оформленного протоколом (п. 3 ст. 181.2 ГК РФ). Поэтому акт голосования есть ни что иное как юридический поступок, то есть такое действие, которое по своей сути не может находиться в юридической подвластности кого-либо, что свидетельствует об однозначной ошибочности сделанного Верховным Судом вывода о возможности применения к актам голосования правил о сделках [180, с. 117].

Сделанный вывод подтверждается также тем обстоятельством, что законодатель, устанавливая общие основания недействительности решений собраний (ст. ст. 181.4 и 181.4 ГК РФ), исходил из того, что порок голосования лица, принявшего участие в собрании, – это порок, влияющий не на само голосование, а на принятое (принимаемое) решение в виде его оспоримости (подп. 2 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ) или ничтожности (подп. 2 ст. 181.5 ГК РФ). В таких условиях применение правил ст. 174 ГК РФ по аналогии должно подчиняться той же логике: информированность других участников собрания об ограничении полномочий представителя юридического лица учредительными документами должна приниматься во внимание именно в контексте заявления требований о признании недействительности решения собрания, но никак не в виде самостоятельного оспаривания акта голосования [180, с. 117-118].

На основании изложенного можно заключить, что Верховным Судом верно выявлен пробел в правовом регулировании применительно к случаю участия в собрании директора, полномочия которого ограничены внутренним актом юридического лица, но предложено неверное средство для его устранения. Соответствующим смыслу закона был бы подход, в соответствии с которым участникам предлагалось бы требовать признания недействительным не акта голосования, а самого решения собрания по мотиву отсутствия (ограничения) полномочий у лица, выступавшего от имени организации (подп. 2 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ). При этом поскольку очевидно, что сам недобросовестный представитель не будет заинтересован в обжаловании решения, за которое он же и голосовал, допустимым представляется применение к соответствующим отношениям правил абз. 6 п. 1 ст. 65.2 и ст. 174 ГК РФ по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ). Причем подобная аналогия видится допустимой не только применительно к п. 1 ст. 174 ГК РФ, но также и применительно ко второму пункту той же статьи, которым устанавливается допустимость признания сделки недействительной ввиду ее направленности к ущербу интересам представляемого, с той только оговоркой, что как

первый, так и второй иск должны быть предоставлены участникам юридического лица только в случае, если другие участники собрания (или та их часть, голосов которой было достаточно для принятия соответствующего решения) знали или должны были знать об ограничении полномочий или о заведомой невыгодности [180, с. 118]. С учетом того, что речь идет о собраниях дочерних организаций, представляется, что подобное знание может предполагаться во всех случаях, когда соответствующие участники собрания являются аффилированными с недобросовестным представителем.

Таким образом, последствия деятельности единоличного исполнительного органа носят во многом подконтрольный (вышестоящим органам, участникам (членам), учредителю) характер. В зависимости от возможности влияния вышестоящих органов на возникновение юридических последствий таких действий (бездействия) для корпоративного юридического лица все действия (бездействие) единоличного исполнительного органа могут быть подразделены на:

Первая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять в случае нарушения закона, учредительного документа (издаваемые единоличным исполнительным органом правовые акты и принимаемые им решения).

Вторая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять при условии одновременного нарушения закона и (или) учредительного документа, осведомленности другой стороны о наличии таких нарушений (все виды сделок).

Третья группа: неподконтрольные и находящиеся вне юридической власти вышестоящего органа действия (бездействие) единоличного исполнительного органа (различные юридические поступки, в том числе деликты и акты голосования). В рамках последней группы выделяется особая подгруппа действий (бездействия), на последствия которых вышестоящие органы не могут повлиять, но имеют возможность обжалования производных

от них фактов (решения собраний в случае их ничтожности, а равно в случае известного другим участникам собрания выхода единоличного исполнительного органа за пределы предоставленных полномочий).

Сделанные выводы указывают на необходимость дополнения п. 3 ст. 181.4 ГК РФ новым абзацем, в котором целесообразно указать, что в случае выступления в собрании через представителя представляемое лицо, а равно участник соответствующего лица, которому в силу абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ принадлежит право требовать признания сделок юридического лица недействительными, вправе требовать по суду признания принятого решения недействительным в случае выхода представителя за пределы предоставленных ему полномочий или заведомого голосования в ущерб интересам представляемого в случае, если иные участники собрания, составляющие в совокупности с данным участником необходимое для принятия оспариваемого решения большинство, знали или должны знать о данных ограничениях. Поскольку не доказано иное, при наличии отношений связности (аффилированности) (ст. 53<sup>2</sup> ГК РФ) между представителем и иными участниками собрания, знание об указанных фактах предполагается.

### **2.3 Последствия отсутствия единоличного исполнительного органа**

Как уже было отмечено в параграфе 1.1 первой главы, субъекты права, известные под наименованием «юридические лица», не могут участвовать в обороте без посредства специальных органов (представителей), поскольку без них, как верно отмечает К.И. Забоев, они оказываются «вообще не способны к каким-либо действиям» [162, с. 103]. Для исправления такого положения дел законодатель в ряде случаев прямо определяет лиц, которые должны составлять органы управления юридического лица. Так, применительно к корпоративным организациям установлено, что их высший орган составляет совокупность участников (п. 1

ст. 65.1 ГК РФ), а высшим органом в унитарных организациях провозглашен учредитель в лице уполномоченного органа публичной власти или иного лица (п. 1 ст. 114, п. 8 ст. 123.20-4, п. 2 ст. 123.21, п. 1 ст. 123.25 ГК РФ). Еще подробнее законодатель определяет правила управления в полном товариществе, устанавливая, что каждый из полных товарищей наделяется одновременно и статусом исполнительного органа юридического лица, «если учредительным договором не установлено» иного (п. 1 ст. 72 ГК РФ).

Вместе с тем, в отличие от недееспособных граждан, в интересах которых выступают представители в силу закона, почему оказывается практически исключенной ситуация, при которой отсутствует в надлежащий момент уполномоченный представитель, будь то один из родителей, усыновитель или опекун (п. 1 ст. 28, п. 2 ст. 29 ГК РФ), причем в случае невозможности назначить опекуна исполнение соответствующих полномочий в силу закона возлагается на орган опеки и попечительства (третье предложение п. 1 ст. 35 ГК РФ), правила об определении представительства для недееспособных юридических лиц законодателем столь глубоко не урегулированы, то есть оставлены на усмотрение самого юридического лица в лице соответствующего органа. Применительно к единоличному исполнительному органу законодатель только в ряде случаев оговорил, что принимать решение о его назначении должно общее собрание участников (абз. 5 п. 2 ст. 65.3 ГК РФ), иной высший коллегиальный орган (абз. 3 п. 1 ст. 123.19 ГК РФ), учредитель унитарной организации (п. 5 ст. 113, абз. 1 п. 1 ст. 123.20-7, п. 4 ст. 123.21, п. 3 ст. 123.25 ГК РФ) или иной уполномоченный орган. Соответственно если в состав такого органа входит несколько лиц, то возникает естественная слабость и угроза для юридического лица в случае, когда составляющие его лица не могут между собой договориться и принять консолидированное решение о формировании иных органов.

Даже если рассматривать упомянутую слабость не как собственно «слабость» организации, а как возможность для поиска компромиссов,

особенно применительно к коммерческим организациям, в которых в принципе невозможно установление «необходимо бесконфликтных» взаимоотношений, так как в них всегда «потенциально существует конфликт интересов различных участников процесса освоения инвестиций» [147, с. 52], почему и целью корпоративного права и управления или, по меткому выражению А. Молотникова и И.С. Шиткиной, «квинтэссенцией успеха деятельности корпорации» [194, с. 39] является именно обеспечение баланса интересов всех участников корпоративных отношений, то остается вопрос о последствиях, которые должно будет претерпеть юридическое лицо в случае, если такое состояние дел затянется.

Очевидным и самым главным последствием отсутствия сформированных исполнительных органов юридического лица является постепенное прекращение им какой-либо деятельности, то есть, в конечном счете, ликвидация объединения либо в административном (п. 1 ст. 64.2 ГК РФ), либо в судебном порядке в связи с невозможностью осуществления деятельности (пп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ). Для недопущения такого исхода законодатель предусмотрел несколько способов, позволяющих относительно безболезненно для организации продолжить свою деятельность [183, с. 16-17].

Во-первых, следуя общему для разрешения противоречий в коллективных образованиях принципу, гласящему, что «пренебрежением в ряде случаев индивидуальным интересом в пользу коллективного... в конечном итоге удовлетворяется и индивидуальный частный интерес» [147, с. 53], правопорядки всего мира допускают, по общему правилу, неединогласное принятие некоторых корпоративных решений (в том числе о назначении единоличного исполнительного органа), благодаря чему юридическое лицо может до некоторых пор не замечать возникшие проблемы с принятием консолидированных решений. Минимально необходимое при этом число голосов для принятия соответствующего решения зависит от выбранной организационно-правовой формы: если,

скажем, в обществах с ограниченной ответственностью решение общего собрания будет считаться принятым, когда за него проголосовало 50% + 1 голос от общего числа голосов участников общества (абз. 3 п. 7 ст. 37 ФЗ об ООО), то в акционерных обществах для принятия решения общим собранием достаточно простого большинства от числа акционеров, непосредственно принявших участие в голосовании (абз. 1 п. 2 ст. 49 ФЗ об АО), при условии, что в голосовании приняли участие акционеры, обладающие более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества (п. 1 ст. 58 ФЗ об АО), а в случае проведения повторного собрания – не менее чем 30 процентами размещенных голосующих акций общества, причем уставом акционерного общества с числом акционеров более 500 тысяч может быть предусмотрен меньший кворум (абз. 2 п. 4 ст. 58 ФЗ об АО). Если же и со всеми сделанными оговорками голосов лиц, принявших участие в собрании по вопросу о принятии решения об избрании исполнительных органов компании, оказывается недостаточно, то механизм неединогласного голосования оказывается для организации бесполезен.

В какой-то степени преодолеть этот естественный недостаток возможно благодаря закреплённой в п. 14 Обзора практики по хозяйственным обществам позиции о допустимости конвалидации с момента принятия не получивших необходимого большинства голосов решений в случаях, когда «участник, без голосов которого решение не могло быть принято, без уважительных причин уклонялся от участия в собрании и препятствовал принятию общим собранием участников значимых хозяйственных решений, отсутствие которых существенно затруднило деятельность общества». Однако в связи с установлением обязательного нотариального удостоверения решений о назначении директоров обществ с ограниченной ответственностью [14] применение этой позиции к руководителям, назначенным после 1 сентября 2024 года, оказывается в данных компаниях невозможным ввиду ранее занятой самим Верховным Судом позиции о недопустимости восполнения отсутствия нотариального

удостоверения решения собрания посредством обращения к суду в порядке аналогии п. 1 ст. 165 ГК РФ (абз. 4 п. 107 Постановления № 25).

Во-вторых, закон позволяет урегулировать в уставе или (для хозяйственных обществ) корпоративном договоре последовательность действий в случае возникновения конфликта, в том числе предусмотреть удобные правила для «выхода» из компании. Данный механизм может быть очень эффективным в случае, если (будущие) участники им воспользовались, но также бесполезен, если о нем вспомнили только после возникновения конфликта.

В-третьих, можно вспомнить о механизме исключения из состава участников тех, кто своими действиями причинил вред объединению или существенным образом затруднил его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушил свои корпоративные обязанности (абз. 4 п. 1 ст. 67, п. 2 ст. 76, п. 2 ст. 106.2 ГК РФ). Очевидными недостатками этого механизма являются: 1) судебная процедура исключения (в случае исключения из состава участников хозяйственного товарищества или общества) и 2) необходимость выплаты стоимости доли участия покидающего компанию члена, что в ряде случаев (при значительности доли исключаемого участника) может быть во многом равнозначно ликвидации юридического лица.

Итогом такого положения дел (при отсутствии желания инициировать роспуск компании) является существование только одного универсального метода – «оставить как есть до лучших времен». Когда-нибудь конфликт сойдет на нет и будет найдено взаимоприемлемое решение либо компания прекратит свое существование. Вместе с тем в случае, когда ликвидация юридического лица не отвечает интересам его участников или кредиторов (например, в отсутствие признаков (скорого) банкротства организации), такое положение дел представляется чрезмерно суровым, в свете отмеченного в параграфе 2.1 настоящей главы отсутствия непреложной зависимости между фактом прекращения полномочий одного директора и

назначением нового, то есть существованием опасности для всякой компании остаться в какой-то момент без действующего представителя.

В такой ситуации естественно начать поиски инструмента, который бы позволил сохранить деятельность объединения в сложный для него период внутреннего конфликта. Одним из таких возможных механизмов является обращение к суду с просьбой назначить компании единоличного исполнительного органа.

На Европейском континенте первой страной, в которой законодатель прямо закрепил этот механизм, стала Германия, в которой еще в конце XIX столетия было установлено, что при отсутствии необходимого числа членов правления, являющегося согласно параграфу 26 (ч. 1) ГГУ законным представителем всякого объединения, заинтересованное лицо вправе инициировать специальную процедуру посредством обращения к ведущему реестр объединений суду с требованием о доназначении требуемого числа членов правления. При этом установлено два ограничения для такого доназначения: 1) оно возможно только в неотложных случаях и 2) назначенные в соответствии с этой процедурой члены правления действуют только до пополнения состава правления в обычном порядке (параграф 29 ГГУ).

В Мотивах к принятию Германского гражданского уложения по поводу этой нормы указывалось, что общие интересы оборота (*allgemeine Verkehrsinteresse*) не требуют, чтобы корпорация (*Körperschaft*) в период отсутствия кого-либо из членов правления могла совершать какие-либо сделки или подавать иски в суды (*Rechtsgeschäfte vorzunehmen oder Klagen*). Возникший недостаток в представительстве корпорация должна исправить сама, назначив других членов правления как можно скорее. В то же время признавалось, что необходима некая «мера предосторожности» (*Vorkehrung*) на случай, когда должно быть сделано какое-либо заявление (*eine Erklärung*), которое корпорация обязана принять (*zu deren Entgegennahme sie verpflichtet ist*) [225, с. 100]. Развивая ранее введенные установления Саксонии

(параграф 76 закона Саксонии от 15 июня 1868 года (sächs. Gesetz vom 15. Juni 1868), в качестве искомой меры для всей Германии были предложены приведенные выше правила.

В настоящее время действие этой нормы распространяется на все виды юридических лиц, «особенно на общества с ограниченной ответственностью (GmbH)» [221, с. 45], за исключением акционерных обществ, для которых существует специальная (хоть и почти аналогичная) норма (параграф 85 закона Германии об акционерных обществах от 06.09.1965 (Aktiengesetz vom 6. September 1965)). Кроме того, это предписание не распространяется на товарищества [221, с. 45; 136, с. 375], за исключением коммандитных товариществ на акциях (KGaA) и товариществ на вере, в которых в качестве полного товарищества выступает GmbH (GmbH & Co KG) [226]. Как отмечают немецкие правоведы, действие этого института распространяется как на случаи, когда необходимого числа членов правления нет в связи с истечением срока их полномочий, смерти, так и на случаи наступления простой невозможности исполнения членами правления своих обязанностей (например, длительной болезни, отказа от исполнения своих обязательств) [136, с. 374]. Кроме того, простое наличие среди членов правления конфликта, мешающего им принять решение, дает право на обращение с требованием о доназначении членов правления [221, с. 45].

При этом отмечается, что применение этого института носит характер «последнего средства», которое может рассматриваться только тогда, когда необходимо предотвратить вред объединению, его участникам или третьим лицам. Он применим, когда невозможно созвать общее собрание участников или когда требуется совершить некую важную, срочную сделку до того, как общее собрание может быть созвано. Соответственно под заинтересованными лицами, которые могут требовать доназначения членов правления, понимаются как участники объединения, так и другие члены правления, а также кредиторы или должники объединения [221, с. 45-46; 136, с. 375]. Суд при этом может назначить в правление любое лицо, способное

исполнить необходимые действия. По общему правилу, такое лицо будет действовать в качестве члена правления до тех пор, пока не будет в установленном порядке отозвано общим собранием участников объединения [221, с. 46].

Предложенная германским законодателем идея была воспринята также и в иных юрисдикциях с теми или иными изменениями. Так, согласно параграфу 165 (ч. 1) Гражданского кодекса Чехии 2012 года [27] суд, в дополнение к правилу о назначении недостающих членов уставного органа по требованию заинтересованного лица, наделен правом назначить для юридического лица попечителя (*osobě opatrovníka*) и без поступления соответствующего требования (*i bez návrhu*), поскольку суду стало известно об отсутствии необходимого для принятия решений числа членов уставного органа. Более того, суд согласно параграфу 165 (ч. 2) наделен правом назначить попечителя для юридического лица по своей инициативе также и в том случае, когда им будет установлено, что интересы члена уставного органа противоречат интересам юридического лица (*v rozporu se zájmy právnické osoby*) и у юридического лица нет другого члена уставного органа, который бы мог его представлять.

В сочетании с параграфом 443 Закона «О предпринимательских корпорациях» 2012 года [29], наделяющего суд не только правом назначить члена правления, но и распорядиться о ликвидации корпорации в случае невозможности осуществления последней деятельности в связи с отсутствием необходимого числа членов правления более 2 месяцев, получается, что чешский законодатель наделяет суд сразу тремя полномочиями (назначить члена уставного органа (правления), назначить попечителя, ликвидировать корпорацию), выбор между которыми для суда во многом дискретен. В таких условиях иерархию между всеми этими полномочиями вынуждена выстраивать судебная практика [87].

Некоторое отражение идеи германского законодателя нашли и в странах общего права. Так, согласно параграфу 226 «Общего закона о

корпорациях» штата Делавэр (США) [25] (DGCL) суд по требованию любого акционера имеет право назначить одного или нескольких попечителей (custodian) для корпорации в случае если: а) на любом собрании участников их голоса разделились настолько, что они не смогли избрать преемников для директоров, чей срок полномочий истек или истек бы в случае назначения преемников (would have expired upon qualification of their successors); б) предприятие страдает (suffering) или находится под угрозой непоправимого ущерба, поскольку директора компании настолько разошлись во мнении об управлении компанией, что необходимое решение не может быть принято и участники не могут преодолеть это разделение; в) корпорация прекратила свою деятельность, но не предприняла каких-либо шагов по роспуску, ликвидации или распределении имущественных остатков.

Применительно к закрытым корпорациям делавэрский законодатель добавляет, что попечитель может также быть назначен в случае, если г) все участники корпорации выступают одновременно в качестве директоров корпорации и наступили обстоятельства, указанные нами выше под литерой «б», если иные меры разрешения конфликта, предусмотренные уставом, не сработали; и д) соответствующее требование предъявил акционер, которому в соответствии с уставом принадлежит право обратиться в суд с требованием о ликвидации корпорации (параграф 352 (a) DGCL).

Поскольку законом предусмотрено, что попечитель имеет те же полномочия, что и внешний управляющий (receiver) несостоятельной корпорации, то есть может управлять ее имуществом, делами, обращаться в суды с исками и «совершать все иные действия, которые могли бы быть осуществлены корпорацией» (do all other acts which might be done by the corporation) (параграф 291 DGCL), за тем исключением, что его полномочия направлены на продолжение предприятия, а не его ликвидацию (параграф 226 (b) DGCL), постольку с момента назначения попечителя полномочия всех иных исполнительных органов корпорации прекращаются.

Как отмечают исследователи, назначение в корпорацию попечителя дает участникам шанс восстановить отношения, причем подталкивает восстановить их как можно скорее, если они не хотят оставить предприятие под управлением «чужака» [223, с. 126].

Для закрытых корпораций законодатель штата Делавэр также предусмотрел, что вместо назначения попечителя суд может избрать для корпорации временного директора (a provisional director), который бы вошел в состав Совета директоров (параграф 352 (b) DGCL) и голос которого в заблокированной корпорации таким образом оказался бы, по понятным причинам, решающим. Поскольку при назначении временного директора полномочия иных исполнительных органов корпорации не прекращаются, то этот вариант рассматривается исследователями как более мягкий, в результате чего временный директор выполняет больше функции не внешнего управляющего, а действует как «арбитр, прекращающий разделение» или лицо, «выполняющее медиативные функции по поддержанию взаимодействия между управляющими лицами в корпорации» [223, с. 134].

Более узко к решению этого вопроса подошел законодатель в штате Калифорния (США), закрепив в корпоративном кодексе штата [24] (CORP) для всех публичных и частных корпораций право участника обратиться с требованием о назначении временного директора только случаями, поименованными нами под литерами «а» и «б», и введя дополнительное ограничение в виде необходимости обладания заявителем корпоративным контролем в размере 1/2 или 1/3 всех голосов в компании соответственно (ст. 308 (a, b) CORP). Как и в случае с законами штата Делавэр (параграф 353 (c) DGCL), временный директор определяется калифорнийским законодателем как независимое (impartial) лицо, не являющееся ни участником, ни кредитором корпорации, не состоящее в родстве или свойстве до третьего колена с кем-либо из директоров корпорации, а равно и с судьей (ст. 308 (c) CORP). В то же время если в соответствии с

законодательством штата Делавэр различаются фигуры «попечителя» и «временного директора», то в законодательстве штата Калифорния подобного различия не проводится, то есть временный директор может по своему статусу ничем почти не отличаться от попечителя корпорации.

Если обратиться к отечественному законодательству, то в нем не существует каких-либо нормативных оснований для обращения к суду с подобным иском, да и сама возможность введения таких правил применительно к коллегиальным органам управления вызывает дискуссии в литературе о целесообразности установления таких правил [202, с. 75-83]. Тем не менее другие исследователи как, например, И.С. Чупрунов [214, с. 20] считают возможным уже сейчас обращаться в суды с подобными требованиями, основывая такой вывод на содержащихся в постановлении Президиума ВАС РФ от 27.03.2012 № 12653/11 [58] словах о том, что участники вправе «обратиться в арбитражный суд с заявлением о назначении внешнего управляющего общества применительно к положениям статьи 57 [ГК РФ]». Хотя этот подход и мог бы полностью решить рассматриваемую в настоящем параграфе проблему, при ближайшем рассмотрении нельзя не увидеть, что данная позиция не лишена существенных недостатков.

Во-первых, вопрос о том, могут ли участники обратиться с таким заявлением на рассмотрение Президиума ВАС РФ, не передавался, вследствие чего приведенные слова не могут рассматриваться в качестве содержательного решения, а носят только характер попутно сказанного (*obiter dictum*). Во-вторых, содержание ст. 57 ГК РФ как в редакции, действовавшей на дату принятия этого постановления, так и в текущей редакции не дает оснований считать кого-либо, помимо прямо обозначенных в ней субъектов, наделенным соответствующим правом. Из содержания абз. 2 п. 2 этой статьи следует, что предъявление такого иска возможно лишь а) государственным органом и только б) при наличии ранее принятого решения суда о реорганизации. Даже если допустить, что правила этого абзаца могут применяться к более широкому перечню случаев, останется

неопределенным перечень условий, в которых такое расширительное толкование может быть применено. Кроме того, в отличие от, скажем, немецкого правопорядка, в котором решение о назначении судом члена правления принимается по упрощенной процедуре судебным чиновником (Rechtspfleger) без передачи дела судье [221, с. 46], содержащиеся в абз. 2 п. 2 ст. 57 ГК РФ предписания не содержат указаний на какой-либо упрощенный порядок производства по такого рода делам. Соответственно никаких преимуществ такого рода иски в случае обращения с ними в суды перед известными и урегулированными законом требованиями о ликвидации корпорации или исключении кого-либо из участников не имеют, так как рассмотрение их может продолжаться столь же неопределенно долго. К этому можно также прибавить, что на текущий момент правило абз. 2 п. 2 ст. 57 ГК РФ фактически является мертвым: из всех 10 судебных актов, которые прямо процитировали данную норму и которые удалось обнаружить через систему [cas.arbitr.ru](http://cas.arbitr.ru) посредством осуществления поиска по тексту, ни в одном из дел не ставился вопрос о назначении арбитражного управляющего, но разрешались совершенно никак не связанные с этой нормой вопросы (о процессуальном правопреемстве, оспаривании реорганизации, установлении фактов). В свете этого представляется неудивительным, что каких-либо позитивных примеров применения позиции из постановления № 12653/11 в судебной практике обнаружить не удалось [186, с. 211-212].

Интерес в свете такого положения дел представляет решение, выработанное французским правопорядком, чей законодатель, подобно российскому, проблему назначения единоличного исполнительного органа в условиях внутреннего конфликта во многом обошел стороной. Предписания Французского гражданского кодекса ограничиваются лишь указанием на то, что в случае отсутствия у товарищества управляющего в течение более одного года любое заинтересованное лицо может обратиться в суд с требованием о ликвидации такого товарищества (ст. 1846-1 ФГК), а суд по требованию также может назначить для проведения такой процедуры

ликвидатора, если сами участники товарищества не произведут указанного назначения (абз. 2 ст. 1844-8 ФГК).

Чтобы не допустить такого развития событий, в ч. 5 ст. 1846 ФГК всякому участнику товарищества предоставлено право обратиться в суд с требованием о назначении представителя (*mandataire*), обязанного созвать общее собрание участников для назначения управляющего. Кроме того, с 2019 года участник товарищества вправе, не прибегая к помощи суда, самостоятельно собрать иных участников, чтобы выбрать управляющего. Применительно к обществам с ограниченной ответственностью (SARL) в ч. 8 ст. L.223-27 Торгового кодекса Франции 2000 года установлено почти идентичное правило, позволяющее всякому участнику, а также аудитору в случае отсутствия управляющего инициировать созыв общего собрания, чтобы избрать нового управляющего.

В то же время для проведения разового действия французский законодатель в ст. L.611-3 Торгового кодекса допускает назначение судом специального представителя (*mandataire ad hoc*), кандидатура которого может быть предложена заявителем, причем наличие действующего управляющего в организации не является препятствием к назначению такого представителя [90]. При этом полномочия специального представителя законом не ограничены и фактически определяются судом исходя из тех действий, которые такой представитель должен совершить (например, подготовить отчетные документы за прошлые годы).

Судебной практике, впрочем, такого решения показалось недостаточно, и она предложила допускать в исключительных случаях (*mesure exceptionnelle*) назначать для ведения текущих дел организации по решению суда временного управляющего (*administrateur provisoire*). В качестве правового основания для подобной практики французские суды пользуются положениями ст. ст. 834 и 835 (до поправок 2019 года им соответствовали ст. ст. 808 и 809) Французского гражданского процессуального кодекса [22], позволяющими в «чрезвычайных ситуациях»

суду в порядке упрощенного производства принимать все меры, которые оправданы существом спора (*justifie l'existence d'un différend*). Условием введения этих мер является либо 1) предотвращение неминуемого ущерба, либо 2) завершение явного беззакония (*pour faire cesser un trouble manifestement illicite*).

При этом Кассационный суд Франции следит за тем, чтобы нижестоящие суды не толковали понятие «исключительный случай» слишком широко. Например, в 2017 году 3-я гражданская коллегия указанного суда разъяснила, что отсутствие действующего управляющего не может рассматриваться в качестве серьезной непосредственной опасности для компании в смысле вышеприведенных норм только потому, что оно создает невозможность нормального функционирования (*constitue déjà un dysfonctionnement*). Этого обстоятельства было бы достаточно, если бы рассматривался вопрос о назначении представителя для созыва общего собрания в порядке ч. 5 ст. 1846 ФГК, в то время как для удовлетворения требования о назначении временного управляющего требуется отдельно доказать возникновение для компании «непосредственной угрозы» ( *péril imminent*) от такого состояния [88].

В отношении к российскому правопорядку можно отметить, что применяемый французской судебной практикой подход наиболее близок к конструкции известных отечественному процессуальному праву обеспечительных мер, в качестве одной из возможных целей введения которых в законе указано «предотвращение причинения заявителю значительного ущерба» (ч. 2 ст. 90 АПК РФ). Поскольку решение о наложении обеспечительных мер принимается в максимально короткие сроки (ч. 1.1 ст. 93 АПК РФ), определение о введении обеспечительных мер подлежит немедленному исполнению (ч. 1 ст. 96 АПК РФ), а перечень таковых мер законом не ограничен (абз. 8 ч. 1 ст. 91 АПК РФ), может показаться, что этот институт способен наилучшим образом разрешить

рассматриваемую проблему. Однако есть как минимум три обстоятельства, которые позволяют усомниться в корректности такого вывода.

Первое обстоятельство заключается в том, что закон связывает применение института обеспечительных мер с участием лица, требующего принять соответствующие меры, в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 90 АПК РФ) или с намерением лица инициировать судебное разбирательство (ч. 1 ст. 99 АПК РФ). Поскольку единственным институтом отечественного права, способным в конечном счете исключить существование корпоративного конфликта в корпорации и не ликвидировать при этом юридическое лицо вообще, является предъявление требования об исключении недобросовестного участника из корпорации (абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ), очевидно, что участники будут вынуждены обращаться именно с такими требованиями, если они пожелают решить проблему с отсутствием у компании действующего руководителя. Соответственно и заявителями по таким искам будут сами участники, а не корпорация в целом, что исключает наличие доказательств причинения заявителю значительного ущерба.

Разумеется, в литературе уже обращали внимание на нелогичность подхода, когда вред от действий недобросовестного участника несет общество, но при этом само оно лишено возможности защищать свои права посредством предъявления требования об исключении такого участника из общества [104, с. 69]. Вместе с тем, возможно, это замечание не настолько серьезно, поскольку, как уже отмечалось в параграфе 1.2 первой главы, права юридического лица и права участников (учредителей) представляют собой фактически одно целое, почему претерпевание юридическим лицом негативных последствий от действий одного из участников может быть отождествлено (пусть и с некоторой натяжкой) с претерпеванием таких последствий обращающимся с иском участником. Однако это не последнее замечание, которое может быть выдвинуто.

Второе обстоятельство основывается на том, что вторжение суда в дела частной корпорации посредством назначения (временного) директора в

условиях полного отсутствия каких-либо предписаний закона может быть легко расценено как нарушение принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ). В конце концов, если участники сами не способны между собой договориться, то почему суд должен, по выражению некоторых критиков, «вырывать контроль над корпорацией у тех, кто управомочен ей управлять» [223, с. 115, 126, 136]? Как пишет Д.И. Степанов: «Голосование участников — это их привилегия и их же ответственность... только участники корпорации и никто иной... должны реализовывать свое право голоса, иначе они не смогут претендовать на тот уровень дохода, а далее и риска, соответствующего доходу, ради которого они участвуют в корпорации» [202, с. 79].

Против этого можно возразить, что назначение судом руководителя для организации, поскольку этому предшествуют безуспешные попытки совершить такое назначение со стороны участников, не есть произвольное вмешательство в частные дела, ведь не суд отнимает голоса у участников: «участники сами по себе отнимают у себя свои же голоса», когда впадают в корпоративный конфликт. С этой точки зрения речь идет не о вмешательстве суда, но о помощи с его стороны участникам [223, с. 138], а также работникам, кредиторам, поставщикам, покупателям и иным окружающим лицам (*surrounding community*), чьи интересы так или иначе соединяет в себе корпорация [223, с. 141]. Кроме того, если участники обращаются в суд с требованием назначить им директора, не означает ли это уже само по себе, что они решили отойти от чисто внутрикорпоративных механизмов, поскольку нуждаются в помощи судебного определения [223, с. 143]? Почему с точки зрения политики права единственным выходом в случае возникновения неразрешимых в близкой перспективе противоречий должны быть принудительная ликвидация корпорации или исключение кого-либо из состава ее участников? Однако здесь мы переходим к последнему замечанию.

Третье обстоятельство заключается в том, что институт обеспечительных мер существует для обеспечения исполнения решения суда (ст. 90 АПК РФ). Соответственно обращение к суду с требованием о назначении директора будет исполнимо только постольку, поскольку будет продолжаться основное дело об исключении участника из корпорации. Между тем едва ли многие участники готовы инициировать и продолжать ведение этих далеко не самых простых дел, чтобы удовлетворить потребность в директоре у организации. Интерес участников может быть значительно уже, чем полное исключение кого-либо из них из состава участников корпорации (тем более, что в целом ряде случаев такое исключение будет в принципе невозможным), поэтому предложенная французской судебной практикой модель едва ли всё же может быть применима отечественными судами.

Как видно, ни германская, ни французская модели, несмотря на все их достоинства, не могут быть в полной мере применены в отечественном праве: первая – поскольку отсутствует соответствующее нормативное регулирование, а вторая – поскольку предполагает несение участником, решившимся инициировать процесс, несоразмерных расходов при совершенно непредсказуемых результатах. В то же время видится, что защита интересов участников возможна не только посредством обращения к механизму судебного назначения директора компании, но и к предлагаемому некоторыми исследователями [153, с. 76-77] механизму временного ограничения (прекращения) прав участника, создающего своими действиями угрозу ликвидации компании. Обоснование применения такого механизма по российскому праву нами видится в следующем.

Поскольку в силу прямо установленного запрета никто не вправе осуществлять свои права заведомо недобросовестным образом (п. 1 ст. 10 ГК РФ), участник юридического лица как субъект, интересы которого в наибольшей степени страдают от наличия неразрешенного конфликта в корпорации, должен иметь право обратиться в суд с требованием о

временном приостановлении корпоративных прав недобросовестного участника на участие в управлении делами корпорации в порядке применения такого способа защиты гражданских прав, как пресечение действий, создающих угрозу нарушения субъективного права (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). Поскольку подобный иск в корпоративных отношениях будет ничем иным, как обращением участника корпорации к суду с просьбой разрешить выход за пределы принадлежащих ему прав (предл. 1 п. 4 ст. 1044 ГК РФ), постольку должны выполняться содержащиеся в этой норме предписания, то есть заявитель должен подтвердить при рассмотрении дела не только сам факт отсутствия у организации руководителя, но и безуспешность ранее предпринятых мер по восстановлению нормального порядка функционирования корпорации, а равно и продемонстрировать реальную необходимость в таком назначении [183, с. 19]. При этом во избежание возможных злоупотреблений упомянутая необходимость не должна отождествляться с целесообразностью, а должна пониматься как угроза объединению «неминуемым, положительным имущественным ущербом» либо «законной ответственностью» [102, с. 42].

Преимущество такого способа защиты заключается в том, что решение о назначении руководителя остается в компетенции самих участников и суд таковое решение в принципе еще не оценивает, то есть для другого участника сохраняется возможность его оспорить, если он посчитает, что совершенное без его голосов решение о назначении директора было принято в ущерб интересам общества или кого-либо из участников, при условии, что повлиявшие на принятие этого решения участники общества действовали недобросовестно или неразумно (п. 13 Обзора практики по хозяйственным обществам) ([183, с. 19]).

Нерешенной остается, однако, ситуация, когда в поведении ни одного из участников не наблюдается признаков недобросовестности, но решение о назначении все равно не может быть принято ввиду наличия неразрешимых противоречий между ними относительно наилучшей кандидатуры. Для

простоты рассмотрения этой ситуации примем за данность, что есть только два участника, причем каждый из участников выдвигает свою кандидатуру, отказываясь при этом голосовать за кандидатуру другого.

Если каждый из участников (в таких же условиях) на трех идущих подряд общих собраниях выдвигает по кандидатуре на должность руководителя организации, однако вместе они не могут выбрать одну из них для утверждения, то по итогам третьего голосования автоматически должна считаться утвержденной кандидатура, обладающая к моменту избрания лучшей деловой репутацией.

Последний принцип требует пояснений следующего рода: во-первых, кто будет определять, какая из кандидатур имеет лучшую деловую репутацию; во-вторых, какими критериями при этом должно будет руководствоваться; в-третьих, почему речь идет о деловой репутации, а не об определении решения посредством жеребьевки.

Ответ на первый вопрос наиболее прост: такое решение должен принимать судья, исходя из предоставленной в его распоряжение информации. Дать такую информацию должны сами участники и/или выдвинутые ими кандидаты как наиболее заинтересованные стороны.

Ответ на второй вопрос сложнее, поскольку очевидно, с одной стороны, что этот список должен быть в том или ином виде закреплён в законе, однако, с другой стороны, этот список не может быть ни императивным, ни закрытым, а должен носить, по общему правилу, рекомендательный характер, допуская как дополнение, так и исключение отдельных пунктов. При формировании пунктов такого списка по аналогии можно использовать требования к деловой репутации, предъявляемые законом к отдельным категориям руководителей (например, к руководителям кредитных, страховых, микрофинансовых или иных финансовых организаций). Во всяком случае, при оценке деловой репутации во внимание должно приниматься наличие или отсутствие у кандидата высшего образования, опыта руководящей работы, неснятой или непогашенной

судимости за совершение умышленных преступлений (особенно в сфере экономики и финансов), а также фактов привлечения к административной ответственности (в сфере экономики или в сфере деятельности юридического лица) [94].

Ответ на третий вопрос кроется в самих преимуществах жеребьевки, которые одновременно являются и ее недостатками. Быстрота выбора в совокупности с низкой ответственностью за принятое решение (ввиду его случайного характера) исключают в дальнейшем какой-либо контроль за правильностью сделанного выбора, излишне формализуя процедуру, которая требует повышенной ответственности как со стороны выдвигающих кандидатуры лиц, так и со стороны принимающего окончательное решение. Недопустимо, чтобы страх перед ответственностью за принятое решение, а также риск его обжалования толкали к немотивированному отвержению лучшей кандидатуры. И то возможное замечание, что даже при наличии критериев выбор судьи не будет лишен элемента субъективизма (не будет совершен полностью объективный выбор), не может поколебать преимущество предлагаемого механизма, так как он все равно будет позволять сделать наиболее приемлемый выбор из возможных.

Таким образом, в современном российском праве единственным доступным средством в случае обнаружившейся невозможности сформировать исполнительные органы юридического лица ввиду наличия конфликта между лицами, уполномоченными принимать соответствующее решение, является обращение к одной из возможных ликвидационных процедур. Такое решение не является в настоящее время общепринятым, напротив, многие правовые акты, осознавая его чрезмерную суровость, предусмотрели в своем регулировании правила, призванные восполнить обнаружившийся порок через обращение к процедуре судебного назначения. Вопреки встречающимся противоположным взглядам, российское право не содержит каких-либо аналогов этого механизма, поэтому до внесения

изменений в законодательство соответствующие иски будут подлежать отклонению судами как не основанные на нормах права.

В таких условиях наше предложение заключается в том, чтобы частично устранить возникшую проблему посредством временного приостановления корпоративных прав лица, чьи действия послужили причиной наступления невозможности сформировать исполнительные органы. Предлагаемый механизм заключается в том, что в случае троекратного непринятия решения по кандидатуре на должность единоличного исполнительного органа суд должен назначить единственного претендента, выдвинутого на последнем собрании. При наличии же нескольких альтернативных кандидатур суду предлагается делать выбор в пользу той из них, которая имеет наилучшую деловую репутацию. Предложенные решения позволят не только соблюсти интересы всех участвующих в объединении лиц, но и не предвосхитить последующее решение суда в случае появления оснований к оспариванию принятого решения. Впрочем, участие в процедуре принятия решения нотариуса должно исключить (по крайней мере, в формальной части) наличие каких-либо процедурных нарушений, так что правом на подобное оспаривание заинтересованные лица будут пользоваться только при наличии к тому серьёзных оснований.

В целом, по итогам проведенного во второй главе анализа установлено, что единоличный исполнительный орган начинает осуществлять свои полномочия только после заключения между ним и корпоративным юридическим лицом соответствующего договора. При этом последствия действий (бездействия) единоличного исполнительного органа во многом носят подконтрольный по отношению к вышестоящим органам, а также участникам (членам, учредителям) характер. Однако если участники не могут сформировать исполнительные органы, решение этого вопроса должно передаваться на разрешение суда.

## **Глава 3**

### **Ответственность единоличного исполнительного органа за неразумное и недобросовестное осуществление своих полномочий**

#### **3.1 Имущественная ответственность единоличного исполнительного органа перед корпоративным юридическим лицом и третьими лицами**

Особое место в вопросе о статусе единоличного исполнительного органа занимает вопрос о гражданско-правовой ответственности руководителя перед самим юридическим лицом и перед третьими лицами. Мы уже показали в параграфе 1.1 первой главы, какие дискуссии этот вопрос произвел применительно к пониманию статуса единоличного исполнительного органа (как представителя-субъекта права или как составной части юридического лица), а также осветили основные аспекты прямой ответственности директора перед кредиторами юридического лица. В рамках настоящей главы мы бы хотели осветить до сих не затронутые нами вопросы ответственности единоличного исполнительного органа.

Наиболее проработанным с теоретической и с практической точки зрения является вопрос об ответственности единоличного исполнительного органа перед юридическим лицом за причиненный ущерб: в настоящее время правовому регулированию этой ответственности посвящены как специальные нормы гражданского и трудового законодательства (п. п. 1, 4, 5 ст. 53.1 ГК РФ, ст. 277 ТК РФ), так и нормы законодательства об отдельных видах юридических лиц. В результате в ситуации, когда юридическое лицо терпит убытки вследствие прямого уменьшения своей имущественной массы (реальный ущерб), то существенных проблем с привлечением руководителя организации к ответственности не возникает. В судебной практике и

правовой доктрине уже были найдены ответы на такие первоначально сложные вопросы, как «требуется ли в дополнение к недобросовестности и неразумности действий директора доказывать также отдельно противоправность его действий» и «необходимо ли доказывать вину отдельно от недобросовестности или неразумности действий. На первый вопрос в практике [63] и доктрине ответ дан следующий: «Нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица неизбежно является характеристикой противоправности, поскольку при соблюдении данной обязанности совершение сделки или принятие иного решения... будет признано правомерным действием – надлежащим поведением руководителя по отношению к обществу согласно требованиям закона» [161, с. 221]. Аналогичный ответ найден и на второй вопрос: «Доказанная неразумность или недобросовестность в действиях директора... фактически является констатацией его вины» [154, с. 51; 195, с. 86, 88, 90].

Гораздо больше дискуссий сохранилось применительно к ситуациям, в которых убытки не носят характер реального уменьшения размера имущества юридического лица, особенно если для самой организации они являются скорее «отражением» потерь от неразумных и (или) недобросовестных действий управляющих органов дочерних юридических лиц. В этой ситуации некоторые исследователи предлагают обратиться к конструкции двойного (множественного) производного иска, то есть прямого иска участника (учредителя) материнской компании к органам дочерней организации о взыскании с них причиненных дочернему (а косвенно и материнскому) юридическому лицу убытков. Возможное преимущество предъявления именно такого требования очевидно: решение сложностей, которые неизбежно возникнут при доказывании причинно-следственной связи между действиями единоличного исполнительного органа и возникшими отраженными убытками.

Вместе с тем подобное требование вновь сталкивается со все теми же проблемами, которые нами выше были рассмотрены применительно к

возможности преодолевать бездействие единоличного исполнительного органа путем прямого обжалования решений собраний сообществ, в которые входит юридическое лицо (параграф 2.2 главы 2): нигде из текста закона не следует, что право на подачу такого иска принадлежит участникам материнской организации.

Ввиду изложенного, единственной доступной в рассматриваемом случае возможностью защиты учредителями (участниками) прав материнской компании является предъявление требования о взыскании убытков к единоличному исполнительному органу основного юридического лица. Несмотря на отмеченные выше сложности с доказыванием причинно-следственной связи, в ситуации, когда такой руководитель не предпринимает действий по взысканию с лиц, определяющих решения дочернего общества, убытков, причиненных дочернему обществу, таковой руководитель становится фактическим причинителем вреда уже родительскому юридическому лицу, почему взыскание с него (и только него) убытков является единственно возможным [57].

Куда менее проработанными являются вопросы ответственности единоличного исполнительного органа перед третьими лицами. Как было уже показано в параграфе 1.1 главы 1, ответственность руководителя перед третьими лицами в отечественном праве урегулирована специально только двумя разрозненными нормами: подп. 1 п. 12 ст. 61.11 ЗоБ (применительно ко всем юридическим лицам) и п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО (применительно к обществам с ограниченной ответственностью). Иных нормативных оснований, допускающих привлечение руководителя юридического лица к прямой ответственности перед третьими лицами, не существует.

Между тем получила широкое распространение практика рассматривать в качестве таковых оснований оговорку, содержащуюся в ст. 1068 ГК РФ, о том, что юридическое лицо отвечает за вред, «причиненный... при исполнении трудовых (служебных) обязанностей». Как уже было отмечено, смысл этой оговорки заключается в необходимости

существования «связи вреда с рабочим местом или временем» [150, с. 73], то есть сама эта оговорка вроде как никакого отношения к основаниям ответственности именно единоличного исполнительного органа (а не частного лица, занимающего такую должность) иметь не должна. Сложности, однако, возникли на стыке гражданского и уголовного права.

Дело в том, что, когда вред причинен преступлением, подтвержденным вступившим в законную силу приговором, в качестве причинителя вреда в тексте судебного акта всегда значится и будет значиться именно физическое лицо, занимающее должность единоличного исполнительного органа, а не сама организация, хотя бы даже вред был причинен в рамках договорных правоотношений, квалифицированных приговором суда как мошенничество или растрата (ст. ст. 159-160 УК РФ).

Стремясь разрешить эти коллизии, в судебной практике на уровне ВАС РФ в определении от 17.03.2014 № ВАС-2286/14 предложен подход, в соответствии с которым «преступные действия работника по своей правовой сути не могут входить в круг его трудовых или служебных обязанностей и быть связаны с производственной необходимостью» [57].

Эта редукция к римским воззрениям о невозможности для юридического лица совершить деликт (преступление) через своего представителя являлась, несомненно, ничем иным, как очередным возрождением аргумента, который можно обнаружить еще у Т. Гоббса (1588 – 1679) в его фундаментальном труде о власти. Этот философ, рассуждая о юридических лицах или, как он их сам называл [105, с. 292], «политических телах», утверждал, что «если представитель политического тела... совершит что-либо в качестве представителя, что не дозволено ни грамотой [суверена об учреждении юридического лица], ни законом, то это является его собственным актом», объясняя это тем, «что за пределами, очерченными грамотой или законами» представитель юридического лица «не представляет никого, кроме своей собственной личности» [105, с. 294].

Хотя этот аргумент и высказывался в поддержку именно римских воззрений, с критикой его выступили даже те, кто эти воззрения разделял в новейшее время. В частности, Ф.К. фон Савиньи нашел необходимым отметить, что строгое следование этому аргументу должно привести к «выводу, что юридическому лицу вообще невозможно предъявить иск, так как любой иск предполагает нарушение права в лице ответчика, на что (согласно этим [поддерживающим аргумент] авторам) не нацелена привилегия существования юридического лица» [129, с. 173], вследствие чего и отверг данный аргумент.

В свете этого естественно, что ошибочность прямолинейной логики Президиума ВАС РФ достаточно быстро была осознана и в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [34] дано иное разъяснение, а именно: за вред, причиненный преступными действиями работника, квалифицированными по ч. 2 ст. 109, ст. 143 или ст. 238 УК РФ, гражданская ответственность может быть возложена только на само юридическое лицо. Как подтвердил ВС РФ в одном из дел, касавшемся привлечения к ответственности по ст. 238 УК РФ, иное может быть только в ситуации, когда возможности получить возмещение с самого юридического лица исчерпаны [67].

Между тем открытым остался вопрос о судьбе требований, вытекающих из договорных отношений, поскольку среди приведенных Пленумом ВС РФ примеров таковые не обозначены. В отечественной литературе по этому вопросу были высказаны взаимоисключающие позиции. Например, К.И. Скловский полагает, что так называемое «хищение посредством сделки» относится «не к сфере сделок незаконных» (ст. 168 ГК РФ), так как их недействительность наступает независимо от наличия вины в силу одного предписания закона (п. 1 ст. 166 ГК РФ), а к сфере сделок, которые «предусматривают умышленное нарушение стороной сделки права на имущество другой стороны сделки» [201]. Под определение последних

подпадают сделки, совершенные при наличии обмана или злоупотребления доверием (ст. ст. 174, 179 ГК РФ), считающиеся в силу закона только оспоримыми, но не недействительными. В результате указанный автор приходит к выводу, что поскольку в рамках уголовного дела невозможно аннулирование сделки по какому-либо мотиву, в том числе в связи с наличием порока воли, то и «по материалам уголовного дела соответствующая сделка... может называться лишь сделкой с установленным пороком (поскольку обман установлен приговором), но не недействительной», а значит, можно «избавиться от неточного тезиса об автоматически вытекающей из обвинительного приговора недействительности сделки» [201].

С квалификацией договора, заключенного в результате мошеннических действий одной из сторон, в качестве действительной, но оспоримой сделки согласна и М.А. Филатова [208]. «В юридической... действительности, – пишет указанный автор, – действия обоих участников: потерпевшего и виновного – и объективно, и субъективно направлены как раз на юридическое закрепление права второго из названных лиц на похищаемое имущество». Потерпевший, если он заинтересован в надлежащем исполнении договора, в первую очередь «будет требовать именно передачи того предмета, по поводу которого был заключен договор, а не возврата денежных средств». Соответственно «признать этот договор несуществующим можно, только установив, что он не был заключен» [208].

В то же время другие специалисты настаивают на ином толковании положений закона. Так, П.С. Яни считает, что поскольку при совершении «хищения посредством сделки» заключаемый договор составляет «лишь способ (средство) обмана или злоупотребления доверием для завладения имуществом или приобретения права на него», постольку «юридическая сущность» подобного договора не может быть определена как «правомерная, действительная сделка» [217]. Предвидя возможное возражение о том, что как «способ обмана» заключаемый договор рассматривает изначально только

лишь одна из сторон сделки, а потому этот договор не может считаться незаключенным (недействительным) для другой в силу правила о безразличии мотивов (тайных оговорок) для судьбы сделки [144; 109, с. 144], П.С. Яни заявляет, что намерения заключить соглашение не было и у другой стороны договора, «поскольку ее действительная, свободная воля... отсутствует». При этом обычное для цивилистов замечание о том, что мошенничество или недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует само по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли [30; 49], отвергается со ссылкой на то, что «криминалисты и судебная практика по уголовным делам о хищениях решают этот вопрос иначе» [208; 217]. В конечном итоге указанный автор приходит к выводу, что заключенный в ходе действий, признанных мошенничеством, договор, «не является не только действительной, но и недействительной сделкой», а потому возникающие правоотношения следует квалифицировать как правоотношения из причинения вреда (деликт) [217]. Естественным продолжением этого вывода является констатация, что «договор, под прикрытием которого совершено мошенничество... не может рассматриваться в качестве сделки, порождающей соответствующие ей гражданско-правовые последствия и позволяющей... взыскать сумму похищенных... денежных средств в виде неисполненного обязательства по названному договору, а равно плату... (проценты) и пени» [217].

Впрочем, П.С. Яни, давая подобную квалификацию природы ответственности, не говорит, что таким образом взыскание ущерба с иных лиц, помимо тех, действиями которых непосредственно был причинен вред, невозможно. В другой работе последний вывод хотя и приводится со ссылкой на приводимую ранее позицию ВАС РФ о невозможности считать вред, причиненный преступными действиями, частью служебных обязанностей [218], но только как один из возможных, наряду с тем, что на этот вопрос может быть дан и отрицательный ответ в случае, если содеянное

в рамках уголовного процесса квалифицировано «как мошенничество, совершенное с использованием служебного положения», поскольку при такой квалификации с очевидностью следует, что только благодаря своему положению для представителя юридического лица оказалось возможным совершить мошенничество. Сам же автор при этом полагает, что возложение ответственности на юридическое лицо возможно, если «между причинившим вред преступлением и выполняемыми функциями работника... установлена связь». Наличие этой связи может быть обусловлено «обязанностью работодателя контролировать действия работника» или совершением преступного деяния «в интересах работодателя... когда похищенное имущество передается... представляемой виновным организации, выступающей стороной в договоре, прикрывающем хищение» [218]. Как нетрудно заметить, подобные рассуждения возвращают нас в вопросе об ответственности юридического лица за причиненный его уполномоченным вред не просто к давно отвергнутой теории самостоятельной вины, но к римской теории обогащения, отвергнутой полностью еще в XIX столетии и ни в коей мере не соответствующей закреплённой в настоящее время в отечественном правопорядке теории идентификации (ст. 1068 ГК РФ).

О.В. Гутников также правильно указывает, что допущение возможности обращения с прямым иском к директорам действующих юридических лиц в случае их злонамеренного, мошеннического поведения «ставит под сомнение конструкцию юридического лица» и лежащий в основе этой конструкции «принцип отделения» [156, с. 57]. Впрочем, такой вывод есть все же результат политико-правовой оценки, почему, скажем, Е.Н. Кантор может считать, что «отечественная концепция субсидиарной ответственности... нивелирует только принцип ограниченной ответственности участников юридического лица, но не его правосубъектность в целом» [172, с. 144]; хотя с политической точки зрения этот вывод и нельзя признать корректным, с точки зрения чистой теории права он представляется не менее возможным, чем любой другой.

Рассогласованность между исследователями приводит и к рассогласованности в судебной практике. Так, в рамках одного дела, касавшегося взыскания ущерба с признанного ранее виновным в присвоении имущества руководителя юридического лица (кооператива), суды трех инстанций заняли взаимоисключающие позиции. Вначале суд первой инстанции отказал в удовлетворении большей части требований, поскольку они ранее были просужены истцом путем предъявления требований к самому кооперативу, вследствие чего привлечение (отдельное) руководителя кооператива к ответственности по тем же основаниям может повлечь неосновательное обогащение на стороне истца. Потом суд апелляционной инстанции в удовлетворении требований полностью отказал, поскольку «привлечение лица к гражданско-правовой ответственности за вред, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения механизмов удовлетворения требований за счет самой организации», что было поддержано судом кассационной инстанции.

Однако Верховный Суд РФ все акты нижестоящих судов отменил и отправил дело на новое рассмотрение, поскольку посчитал, что само по себе состоявшееся присуждение денежных сумм с кооператива «не препятствует истцу привлечь ответчиков к самостоятельной гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков, исходя из ненадлежащего исполнения ими обязанностей председателя правления и директора кооператива, создавшего условия для совершения преступления», прибавив также далее, что «вывод [суда апелляционной инстанции] о том, что возмещение причинённого истцу вреда ответчиками допускается только в случае, когда такая обязанность не может быть исполнена возглавляемым ими юридическим лицом, не мотивирован и не обоснован нормами действующего законодательства» [69]. Аналогичное решение ВС РФ принял и в другом деле, не найдя противоречий в самом по себе возложении имущественной ответственности на директора юридического лица, в

отношении которого уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям, при наличии неисполненных обязательств на стороне возглавляемых им действующих юридических лиц [62]. В других же делах, напротив, Верховный Суд указывает, что в соответствии со ст. 1068 ГК РФ отвечать за причиненный вред в такой ситуации должно само юридическое лицо [68] или в принципе констатирует, что директор организации «не может быть признан должником по обязательству покупателя – юридического лица, самостоятельно выступающего в гражданском обороте, несущего собственную ответственность и способного самостоятельно выступать в суде истцом и ответчиком» [64].

На наш взгляд, различие в подходах к одному и тому же вопросу должно всегда иметь основание или в прямом предписании закона, или в конкретных обстоятельствах, которые делают одинаковое применение закона невозможным (нецелесообразным). Заданная в постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П (более известного как «Дело Ахмадеевой») [30] общая логика о допустимости привлечения руководителей и иных должностных лиц компаний к гражданско-правовой ответственности за совершенные ими при исполнении должностных обязанностей правонарушения только при исчерпании возможностей получения удовлетворения за счет самого юридического лица должна неукоснительно выполняться.

Напомним, что согласно закрепленным в абз. 3-4 п. 3.5 указанного постановления КС РФ мотивам, привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого физического лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к

ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке. Исключения могут составлять только случаи, когда установлено, что юридическое лицо служит лишь прикрытием для действий контролирующего его физического лица, т.е. *de facto* не является самостоятельным участником экономической деятельности.

Выход влияния этого постановления в практике самого Верховного Суда РФ далеко за рамки отношений, касающихся только привлечения к деликтной ответственности руководителей (работников) организаций в случае неуплаты возглавляемыми ими юридическими лицами установленных налоговым законодательством платежей [46; 74], достаточно очевиден [64; 67], что было ранее подмечено и иными исследователями [150, с. 78]. Встречающийся же отход от такой логики может быть объяснен только стремлением «наказать», заставить отвечать недобросовестных директоров по большему числу исков, подобно тому, как в римском праве «из ненависти к ворам» против последних допускалось предъявление как личных, так и вещных исков [115, с. 225], несмотря на возникающие при этом неразрешимые логические противоречия [115, с. 330].

Со своей же стороны отметим, что хотя, как верно писал Р. фон Иеринг, «во всей области права нет понятия, хотя бы отдаленно сопоставимого по своему культурно-историческому значению с понятием наказания», поскольку ни одно другое понятие не испытывает на себе «все фазы нравственного развития народа... словно росток, на котором остается любой след» [168, с. 218], в гражданском праве «начало наказания... является мыслью более низкого культурного уровня, которой самым развитием правового сознания и права в целом неизбежно уготовано уступить началу возмещения вреда» [168, с. 254, 255]. В силу изложенного при определении надлежащего субъекта ответственности за мошеннические действия представителей юридических лиц мы должны руководствоваться не стремлением «наказать» кого-либо, но наиболее последовательно обеспечить восстановление нарушенного положения.

Наблюдаемое в практике высшей судебной инстанции раздвоение не только не способствует укреплению начал частного права, но и запутывает нижестоящие суды, которые под влиянием успешного привлечения к одновременной ответственности и руководителей юридических лиц (при наличии вступившего в силу приговора по уголовному делу) и самих организаций начинают естественно трактовать эту позицию расширительно, допуская одновременное привлечение к имущественной ответственности и в условиях отсутствия уголовного дела как факта [83], и в принципе видя в самом по себе участии в юридическом лице (извлечении выгод из такого участия) основания для привлечения к солидарной ответственности по долгам юридического лица, противодействовать чему оказывается вынужден в итоге сам Верховный Суд [75]. Очевидная неприемлемость такого положения дел должна подтолкнуть, на наш взгляд, Верховный Суд к тому, чтобы отказаться от порочной практики по допущению предъявления в обход правил о строгой субсидиарности прямых деликтных исков к директорам юридических лиц, в том числе в случае признания их в порядке уголовного производства виновными в мошенничестве или растрате.

Таким образом, совершенные единоличным исполнительным органом деяния в качестве представителя юридического лица считаются действительными действиями/бездействием самого юридического лица, в том числе тогда, когда его деяния для целей уголовного права квалифицируются как преступление, в том числе как мошенничество или растрата, поскольку негативная правовая мотивация единоличного исполнительного органа не может рассматриваться сама по себе в качестве фактора, изменяющего правовую природу возникающих правоотношений, а равно в качестве оснований для исключения ответственности юридических лиц за действия/бездействие их руководителей. Взгляд на преступные действия как не могущие быть связанными с рабочим процессом не имеет никаких рациональных оправданий в действующем праве, базируется на давно устаревшем понимании природы юридического лица и его органов, а

потому должен быть оставлен. Соответственно предъявление прямых деликтных исков к действующим директорам, а также прочим представительным органам и работникам юридического лица со стороны третьих лиц должно быть возможно не иначе как в соответствии с правилами о строгой субсидиарности, то есть практика предъявления прямых исков к членам органов действующих юридических лиц на основании вступивших в силу приговоров подлежит прекращению [184; 188, с. 189].

### **3.2 Правовая природа ответственности единоличного исполнительного органа**

Последний, но едва ли не главный вопрос, который продолжает вызывать разночтения, это вопрос о правовой природе ответственности единоличного исполнительного органа. Законодатель о природе таковой ответственности молчит: только применительно к «полной материальной ответственности за прямой действительный ущерб, причиненный организации», можно сказать, что законодатель определил природу этой ответственности как договорную (ч. 1 ст. 277 ТК РФ). Природа же ответственности перед организацией за иные убытки, а также природа ответственности перед третьими лицами оставлена законодателем совершенно без всякого ответа.

Надо заметить, что сами нормы о рассматриваемой ответственности никогда не помещались законодателем в какой-то определенный раздел договорной или деликтной ответственности: нормы об ответственности перед юридическим лицом всегда помещались законодателем либо в общие положения о юридических лицах (п. 3 ст. 53 ГК РФ (до 2014 года); п. 1 ст. 53.1 ГК РФ (после 2014 года)), либо в правила об отдельных видах юридических лиц.

Такое положение привело к тому, что в доктрине сложились самые противоречивые взгляды на эту ответственность. Например, в п. 2.6

Концепции развития законодательства о юридических лицах природа ответственности единоличного исполнительного органа перед юридическим лицом (наряду с ответственностью иных органов) определялась однозначно как деликтная, и данная квалификация была сохранена также в Концепции развития гражданского законодательства [175, с. 28]. Указания на деликтный характер данной ответственности можно встретить и в трудах исследователей [198, с. 37, 40].

В то же время другие ученые настаивают именно на договорной ответственности. Как пишет И.С. Чупрунов, основное достоинство этой концепции в том, что «она позволяет разглядеть существо отношений между директором и юридическим лицом и добиться их сообразного регулирования» [134, с. 33].

Третьи же исследователи высказывают мысль, что в этом случае мы должны говорить не о деликтной или договорной ответственности, а о квазидоговорной ответственности [173, с. 109-110].

Еще большие трудности вызывает вопрос о природе ответственности единоличного исполнительного органа перед третьими лицами. В параграфе 1.1 первой главы мы установили, что она является самостоятельной ответственностью перед третьими лицами, не носит характера «уступленной ответственности» перед юридическим лицом и не является разновидностью договора поручения. В то же время она охватывает как потери кредиторов в результате совершения правонарушений (деликтов), так и потери, возникшие из договорных правоотношений. В свете последнего можно предположить, что и сама ответственность носит договорный характер.

В пользу этой точки зрения можно привести тот очевидный аргумент, что рассматриваемая ответственность носит тесносвязанный и во многом переплетающийся характер с личной ответственностью лиц (работников), осуществляющих функции единоличного исполнительного органа, перед самим юридическим лицом за причинение последнему убытков вследствие их неразумных и недобросовестных действий (ст. 53.1 ГК РФ) [161,

с. 210-211], ведь, вопреки существующему множеству версий, только договорная ответственность позволяет наиболее непротиворечивым образом описать ответственность единоличного исполнительного органа, без всяких натяжек [134, с. 33-34].

Применительно же к ответственности перед третьими лицами апеллирование к договорной природе ответственности исходит из того взгляда, что если правоотношения между организацией и лицом, исполняющим функции единоличного исполнительного органа, строятся на началах договора, то и ответственность должна иметь договорную природу. В пользу именно такого толкования говорит и п. 5 ст. 53.1 ГК РФ, прямо позволяющий регулировать договором размер ответственности контролирующих лиц перед последним. Кажется, что было бы нелепо, если бы за одно и то же деяние лицо могло отвечать то как за договорное правонарушение, то как за деликт.

Вместе с тем в этих рассуждениях присутствует явное смешение понятий: ответственность одного лица перед юридическим лицом (своим работодателем в широком смысле) и ответственность этого же лица перед третьими лицами не может даже в теории быть ответственностью из одного основания, поскольку в основе одной из них лежит договор, а в основе другой таковой договор положен быть не может, так как третьи лица с очевидностью не могут быть признаны сторонами этого соглашения [184, с. 257]. По изложенным причинам мы присоединяемся к мнению Ф.В. Галушкина о том, что предложения об ограничении размера ответственности работников за внедоговорное причинение вреда только той мерой, в которой бы они отвечали перед юридическим лицом в случае взыскания убытков с последнего, лишены всяких нормативных оснований [150, с. 94]: ответственность работников перед третьими лицами не может быть выстроена исходя из особенностей их договорных взаимоотношений с работодателями, независимо от того, проистекают такие особенности из

специальных положений закона или специфических положений договора между конкретными лицами.

Если мы не можем считать, что ответственность единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица вытекает из его договора между ним и юридическим лицом, то естественно рассмотреть, не можем ли мы видеть в основе этой ответственности действие особого (подразумеваемого) договора между единоличным исполнительным органом и непосредственно кредитором компании; договора, в силу которого руководитель организации обязался перед каждым кредитором действовать в интересах юридического лица определенным образом (добросовестно и разумно).

Такая точка зрения имеет много общего с разработанной Р. фон Иерингом теорией преддоговорной ответственности ("*culpa in contrahendo*"), в основу которой названный исследователь положил концепцию подразумеваемого договора, заключаемому параллельно или даже ранее основного. Поскольку этот договор носит самостоятельный характер, то даже ничтожность основного договора должна означать «отсутствие лишь указанного, но не всякого юридического действия вообще» [167, с. 213]. При этом первой обязанностью при вступлении во всякие договорные отношения указанный автор называет «проявление необходимой *diligentiam*» (осмотрительности) [167, с. 220], что вкупе с постулатом о том, что тот, «кто что-либо обещает, должен не заблуждаться», поскольку «он [всегда] заблуждается за свой счет, не за счет контрагента» [167, с. 218], позволяет прийти к выводу, что «требование договорной *diligentiae* [осмотрительности] действует как для состоявшихся, так и для становящихся договорных отношений, нарушение которых — как первых, так и вторых — является основанием для договорного иска о возмещении убытков» [167, с. 227].

Применительно к нашему случаю теория подразумеваемого договора имеет то достоинство, что она позволяет объяснить природу ответственности (бывшего) директора перед контрагентом, с которым им от имени

юридического лица был заключен договор, причем в этом объяснении уже заключается ответ о вине, которую такой директор допустил (не проявил должной осмотрительности, то есть действовал лично неразумно). К недостаткам же этой теории следует отнести то, что она не позволяет объяснить природу ответственности (бывшего) директора перед кредитором юридического лица по обязательствам, вытекающим из деликта (и нам потребовалось бы выдвинуть еще одну теорию, чтобы объяснить эту ответственность), а также не позволяет объяснить, почему руководитель юридического лица должен отвечать не только перед кредиторами, которые непосредственно с ним как представителем юридического лица вступали в правоотношения, но и с теми, которые, например, вступали в правоотношения с его предшественниками на этой должности.

Таким образом, каждая из рассмотренных теорий, видящих основу ответственности единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица в существовании какого-либо договора, оказывается в конечном счете не способна объяснить в полной мере возникающие общественные отношения. После этого вывода мы в рамках дихотомии договорная/деликтная ответственность в соответствии с законом исключенного третьего должны бы заключить, что рассматриваемая ответственность носит деликтный характер, закрыв этот вопрос, тем более что в пользу такой трактовки склоняются многие исследователи, пришедшие к этому выводу иными путями [156, с. 61-62; 199, с. 184-188]; на деликтном характере данной ответственности настаивает в настоящее время и Верховный Суд РФ [42]. Вместе с тем в последнее время среди исследователей обоснованность подобного вывода оспаривается. Хотя многие продолжают не разделять понятия «внедоговорной» и «деликтной» ответственности, необходимость установления действительных оснований ответственности членов органов юридического лица заставляет нас остановиться на актуальных альтернативах, предложенных в литературе.

В первую очередь мы бы хотели проанализировать предложение Ю.Э. Монастырского рассматривать ответственность перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ лиц в качестве ответственности за нарушение субъективных прав, а не регулируемой по правилам гл. 59 ГК РФ о деликтной ответственности [195, с. 89-93]. Указанному автору конструкция последней кажется неподходящей к настоящему случаю ввиду того, что «классическое причинение вреда» всегда есть действие, «которым причинен именно физический ущерб» вещам, тогда как в рассматриваемой ситуации «страдает отнюдь не имущество... а субъективное гражданское право... ожидание кредиторов... [что будет] погашено требование» [195, с. 91-92].

В подобном обосновании особого внедоговорного характера ответственности отчетливо просматривается один недостаток: предписания гражданского закона оказываются не моделями, в соответствии с которыми возможно организовать взаимоотношения сторон, в том числе через применение их по аналогии (ст. 6 ГК РФ), а неизменяемыми стандартами (императивами), ориентированными на изначально заданный (ограниченный) круг отношений. Между тем, как верно отмечает Ю.Л. Мареев, в гражданском обороте уже сейчас достаточно объектов (как то «газы и жидкости, воздушное пространство, бездокументарные ценные бумаги, электронный документ, цифровая подпись, радиочастоты, уставный капитал, прибыль и др.»), которые «не относятся к разряду вещей, чьи потребительские свойства требуют особого отношения и особенных правил поведения, [но] не образуют вместе с тем никакого самостоятельного юридического механизма, а благополучно действуют в качестве субсидиарного элемента существующих юридических конструкций, в том числе и таких, которые традиционно используются при обороте вещей» [192, с. 527].

Наряду с этим Ю.Э. Монастырский указывает, что «трудно представить, как это... лицо причиняет вред имуществу кредитора посредством банкротства» [195, с. 92]. С его точки зрения ответственность

лиц, перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ, оказывается схожа с «механизмом страхования (в широком смысле этого слова) кредиторов», так как «при банкротстве... в массе эпизодов отвечать должен не тот, кто нанес ущерб» [195, с. 92]. Впрочем, далее сам Ю.Э. Монастырский говорит, что ответственность наступает все же за виновные действия [195, с. 92], что противоречит идее страхования в каком бы то ни было смысле, если только не считать, конечно, что все институты гражданской ответственности есть разновидности «страхования».

Другой возможной альтернативой является признание особого «корпоративного» характера ответственности лиц, выполняющих функции органов юридического лица. Согласно разрабатываемой О.В. Гутниковым теории, корпоративная ответственность не является «договорной или внедоговорной» [152, с. 45], но представляет собой «ответственность участников корпоративных отношений за корпоративные гражданско-правовые нарушения, выражающиеся в нарушении корпоративных прав и обязанностей, в том числе ответственность по обязательствам юридического лица иных лиц, представляющая собой отступления от принципа отделения, связанные с правонарушениями и злоупотреблениями лиц, несущих ответственность» [152, с. 46]. Присущий этой ответственности, по мысли О.В. Гутникова, принцип специалитета [152, с. 49-51] позволяет в полной мере объяснить экстраординарный характер рассматриваемой меры защиты, равно как и сама теория в целом позволяет объяснить преодоление теории идентификации, которое в таком случае следует назвать «кажущимся преодолением».

Вместе с тем, как признает сам О.В. Гутников, в настоящее время «корпоративное законодательство не предусматривает общих оснований и условий корпоративной ответственности», из-за чего к ней должны применяться «общие нормы гражданского права о возмещении убытков» с известными оговорками [152, с. 49]. Кроме того, при выделении специфической корпоративной ответственности возникают

«трудноразрешимые вопросы о конкуренции исков о привлечении к корпоративной или к деликтной ответственности» [154, с. 57], в том числе о допустимости применения деликтных исков в случаях исчерпания возможностей субсидиарной корпоративной ответственности; в рамках деликтной квалификации этот вопрос, по понятным причинам, был бы просто невозможен, но в случае выделения отдельной корпоративной ответственности единственным возможным ответом на него оказывается констатация «спорности» [154, с. 56].

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о преждевременности выделения новой категории в ряду «договорная, внедоговорная ответственность» и говорит о возможности рассмотрения «корпоративной ответственности» только в качестве особого подвида иных видов ответственности, в том числе в качестве своеобразного «комплексного образования», в силу чего идентификацию ответственности перед третьими лицами субъектов, выполняющих функции единоличного исполнительного органа, в качестве корпоративной можно отвергнуть.

Вместе с тем указанные два исследователя верно, на наш взгляд, обратили внимание на следующие факты: 1) ответственность директора перед кредиторами носит характер специальной ответственности и 2) в данном случае ответственность происходит не вследствие непосредственного причинения вреда. Оба этих факта проистекают из того обстоятельства, что в рамках рассматриваемой ответственности (бывший) руководитель организации оказывается обязан возместить косвенно причиненные убытки, то есть убытки, возникшие в результате снижения общей платежеспособности юридического лица. Такое причинение ущерба не охватывается ни понятием реального ущерба, ни понятием упущенной выгоды (п. 1 ст. 15 ГК РФ), поскольку убытки у кредиторов возникают не в силу непосредственных действий (бывшего) единоличного исполнительного органа: даже если мы будем апеллировать не к теории непосредственной причины (если бы лицо не совершало деяния, то вред не возник был), а к

допускающей большую простоту в доказывании теории адекватной причинности (наступивший вред является обычным следствием допущенного нарушения) неизменным останется тот факт, что непосредственно действия единоличного исполнительного органа были не причиной, а тем, без чего причина (снижение платежеспособности юридического лица) не была бы возможна.

Разумеется, для юридической науки не является новым то обстоятельство, что действие одних фактов может одновременно затрагивать большее число лиц, чем непосредственно тех, кого эти факты прямо касаются. Как писал еще Р. фон Иеринг, «ограничение сферы действия юридических фактов кругом непосредственно участвующих лиц является... делом невозможным» [166, с. 193]. Ключевой особенностью такого воздействия юридических фактов является их произвольный или, пользуясь понятием обозначенного автора, рефлекторный характер по отношению к намерениям действовавшего лица [166, с. 194], оно является «следствием» правообразующих фактов, а не целью таковых» [166, с. 222]. Если бы юридическое лицо желало освободиться от ответственности перед своими кредиторами путем уступки принадлежащего ему требования к своему директору, то это было бы прямое воздействие юридического факта (уступки) на правовое положение кредитора, объясняющее общность его интереса (получить удовлетворение своих требований) и интереса юридического лица (освободиться от обязанности). В нашем же случае, как и часто в других случаях при воздействии юридических фактов на третьих лиц, «не существует ни малейшей общности интересов [вовлеченных лиц]. Если... мы спросим о причине рефлекторного воздействия, то нам не останется ничего другого, как только ответить следующее: законодатель когда-то соединил с действиями А последствие для Б» [166, с. 211]. Речь, впрочем, идет только о юридических причинах, поскольку, если мы спросим о политико-правовых основаниях такого решения законодателя, то легко найдем их в стремлении к созданию условий для устойчивого

экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, к обеспечению экономической солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ). Стремясь защитить гражданский оборот, законодатель установил связь между действиями единоличного исполнительного органа и косвенно страдающих от его действий кредиторов. Вопрос только в том, в чем же заключается юридическая сущность ответственности директора перед кредитором.

Разумеется, законодатель не устранил, да и не мог полностью устранить кредиторов от опасности не получить никакого удовлетворения: «единственное, что... [законодателю] вменяется в обязанность, заключается в том, чтобы удержать таковую [опасность] в надлежащих границах» [166, с. 189]. Возможно, именно вследствие этого обстоятельства Р. фон Иеринг, рассуждая о предоставляемой в некоторых случаях законом защите от «разрушения юридических ожиданий», считал, что таковая предоставляется от полностью «легальных» действий, в отличие от правонарушений, которые представляют «выход за пределы своей и вторжение в чужую правовую сферу» [166, с. 191], допуская последнее только в случае, когда нарушается какая-либо прямо установленная обязанность [166, с. 192] и считая сам по себе установленный запрет на какое-то поведение недостаточным.

Мы с таковым ответом согласиться не можем. Хотя и очевидно, что между создавшимся неблагоприятным положением для кредитора и действиями единоличного исполнительного органа отсутствует прямая причинно-следственная связь, мы не можем забывать, что таковая в любом случае существует там в качестве косвенной, проистекающей из нарушения директором как своих обязанностей перед юридическим лицом (п. 3 ст. 53 ГК РФ), так и перед кредиторами последнего, которые вправе всегда ожидать погашения своих требований в порядке обычной ликвидации (ст. 64 ГК РФ) или в порядке процедуры банкротства (п. 4 ст. 62 ГК РФ). В этом смысле можно согласиться с О.В. Гутниковым, когда он обращает внимание на то, что «в данном случае... основанием ответственности должно являться не

причинение вреда как таковое, а причинение вреда, вызванное нарушением относительных корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом и установленных нормами корпоративного права» [153, с. 81]. Следовательно, мы не можем сказать, что в данном случае отсутствует какое-либо правонарушение со стороны привлекаемого к ответственности лица.

Однако все это еще не говорит однозначно о деликтном характере рассматриваемой ответственности. Автору этих строк приходилось слышать такое возражение: если бы речь шла действительно о деликтной ответственности, то и в случае умышленного лишения кого-либо жизни следовало бы признавать потерпевшими (наряду с родственниками и т.д.) всех кредиторов убитого, так что последние должны были бы идти с деликтными исками к преступнику, вследствие чего о деликте в рассматриваемом случае можно говорить только условно, как это и делает, скажем, О.В. Гутников, когда называет данную ответственность «корпоративным деликтом» [153, с. 81].

Против этого можно вновь вспомнить аналогию, которую мы уже проводили в конце параграфа 1.1 первой главы: субсидиарная ответственность родителей (усыновителей, попечителей) за вред, причиненный их несовершеннолетним ребенком (п. 2 ст. 1074 ГК РФ), также возникает не за вред, причиненный действиями родителей; хотя вина последних в действиях их детей и может быть, но носит она также лишь косвенный характер. Косвенная вина характерна в принципе для всех случаев, когда речь идет о возложении субсидиарной ответственности на субсидиарного должника за его собственное противоправное поведение, что объясняется тем, что «это поведение, как правило, является причиной неисполнения [а точнее нарушения – В.Л.] основным должником основного обязательства» [155, с. 57].

Можно, разумеется, не принимать приведенную аналогию или даже заявить, что она говорит лишь о том, что квалификация субсидиарной

ответственности родителей за своих несовершеннолетних детей в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в качестве деликтной также является «натянутой», руководствуясь чисто формальными соображениями. Вместе с тем не стоит забывать, что задачей юриспруденции как науки является изучать «живое» право. Как писал Р. фон Иеринг, одной из заслуг римской юриспруденции было то, что «не позволяла чисто формальным аргументам заглушать голос правового чувства и предпочитала лучше подвергнуться обвинению в искажении иска до неузнаваемости, чем отказать в признании потребностям жизни и требованиям правового чувства» [166, с. 206]. Как уже было указано, отказ в признании рассматриваемой природы в качестве деликтной по «принципиальным» соображениям приведет в итоге к тому, что придется отказаться от деликтной характеристики и некоторых других видов ответственности, превратив рассматриваемую ответственность в институт *sui generis*, то есть лишив его конкретного нормативного основания, при помощи которого можно было бы разрешать возникающие в науке и практике проблемы.

Попробуем как раз остановиться на некоторых из таких проблем, чтобы проверить нашу теорию. Если «главным доказательством практической ценности некоторой теории является то, что она, строго следуя собственной логике, согласуется в своем результате с законодательством, а также ей удастся подвести под отвлеченный принцип и теоретически обосновать случайные положения, которые тем самым не просто становятся в независимое положение от господствующего учения, но и вступают с ним в кажущееся противоречие, подчиняясь одной практической потребности» [167, с. 227], то практическая проверка деликтной теории является в любом случае необходимой.

Первой такой проблемой следует назвать вопрос о возможности уменьшения размера ответственности перед кредиторами юридического лица за совершенные им неразумные действия. При квалификации рассматриваемой ответственности в качестве договорной мы должны были

бы сослаться на абз. 1 п. 5 ст. 53.1 ГК РФ либо ответить на сложный вопрос, почему этот пункт (и включенное в соответствии с ним условие в договор с директором) в данном случае может быть применен или не применен. При квалификации в качестве *sui generis* мы должны будем искать ответ (в отсутствие нормативных предписаний) в общих положениях гражданского права. И только при квалификации рассматриваемой ответственности в качестве деликтной мы можем сразу сослаться на п. 3 ст. 1083 ГК РФ как дающий право суду уменьшить размер возмещения вреда, причиненного неумышленно гражданином, с учетом его имущественного положения, устанавливая таким образом основание для справедливого удовлетворения требований кредиторов, с учетом реальной вины единоличного исполнительного органа в возникновении у них потерь.

В качестве другой проблемы можно рассмотреть вопрос о распределении бремени доказывания в спорах о привлечении руководителей к ответственности по искам третьих лиц. Данный вопрос вызывает уже длительное время споры в доктрине и только лишь совсем недавно получил более-менее стабильный ответ в судебной практике. Источником его возникновения стали неясные формулировки п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО, которые не давали однозначного ответа на вопрос о том, как должно распределяться бремя доказывания. С одной стороны (внешне), они были практически идентичны формулировкам, использованным законодателем в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, в котором содержится ясное указание на наступление ответственности только «если будет доказано, что... [соответствующее лицо] действовало недобросовестно или неразумно». С другой стороны (системно), более общая норма п. 10 ст. 61.11 ЗоБ прямо закрепляла иное распределение бремени доказывания: свою невиновность должно доказывать контролирующее должника лицо. Впрочем, с учетом структурного положения последнего правила нельзя было однозначно сказать, следует ли его распространять на ответственность, предусмотренную подп. 1 п. 12 той же статьи. Кроме того, не в пользу этого правила говорило и то обстоятельство, что в случае его

принятия на ответчиков оказывается возложенной, по сути, обязанность доказывать отрицательный факт. Ведь «нельзя требовать от того же директора доказывать правомерность его управленческих действий», так как это «создаст дисбаланс интересов участников спора» [161, с. 220] и у бывших директоров будет шанс отстоять свои права зачастую только в случае, когда объективные препятствия (непреодолимая сила) помешали им надлежаще исполнить свои обязательства [161, с. 223].

Несмотря на это, изначально суды склонялись именно ко второму варианту, исходя из того, что исключение юридического лица из ЕГРЮЛ при наличии непогашенных обязательств свидетельствует об очевидной неразумности деятельности директоров, в силу чего возлагали на них бремя доказывания разумности и добросовестности своих действий [154, с. 60].

Потом Верховный Суд РФ решил [61], что поскольку само по себе исключение из ЕГРЮЛ является в силу закона недостаточным фактом для привлечения к субсидиарной ответственности, а требуется, чтобы неразумные и недобросовестные действия лиц, осуществляющих функции органов юридического лица, сделали невозможным удовлетворение требований кредиторов, постольку речь фактически идет об ответственности «за доведение до банкротства», а значит, суды должны устанавливать соответствующие факты положительно, в силу чего бремя их доказывания было возложено на истцов.

Позже по этому поводу высказался уже Конституционный Суд РФ и предложил по форме компромиссное, а по факту прокредиторское разрешение этого спора. Сначала было установлено, что в случаях, когда в качестве кредитора выступает физическое лицо-потребитель, обязательства перед которым подтверждены вынесенным до исключения общества из ЕГРЮЛ решением суда, необходимо исходить из предположения, что именно действия лиц, перечисленных в ст. 53.1 ГК РФ, привели к невозможности полного удовлетворения требований кредиторов [31]. В дальнейшем к этому было прибавлено, что аналогичным же образом должно

распределяться бремя доказывания в случае, если кредитором является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, при условии установления недобросовестности поведения контролирующего лица и отсутствия свидетельств недобросовестного процессуального поведения самого кредитора [32].

Такие выводы Конституционного Суда могут быть объяснены только с позиции деликтной природы рассматриваемой ответственности, ведь для нее характерна не только общая для гражданского права презумпция вины (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ), но и возможность уменьшения размера подлежащего возмещению вреда или даже полное освобождение от обязанности возмещения в случае наличия умысла или грубой неосторожности со стороны потерпевшего (п. п. 1 и 2 ст. 1083 ГК РФ). В пользу именно такого вывода говорит и тот факт, что сам Конституционный Суд ссылается в обоснование сделанных им выводов, в том числе на приведенные нормы права.

Против этого, однако, нам могут возразить, что в том же постановлении содержится вывод о необходимости установления недобросовестности поведения самого контролирующего лица для привлечения его к ответственности, которому однозначного соответствия в правилах о деликтной ответственности не имеется. Сам Конституционный Суд отметил, что такая недобросовестность должна считаться установленной, если бывший директор или иные контролирующие ликвидированное юридическое лицо лица отказались нести расходы на процедуры «нормальной» ликвидации или банкротства юридического лица, а равно в случае их отказа от дачи доказательств и пояснений, характеризующих хозяйственную деятельность ликвидированной компании. При некоторой осторожности, путем сравнительного толкования можно из этой оговорки вывести, что обязанность доказывания наличия вины (недобросовестности и разумности) лежит все же на кредиторах юридического лица, поскольку в близком случае ответственности

единоличного исполнительного органа перед юридическим лицом аналогичная оговорка используется как раз для того, чтобы уже в процессе переложить бремя доказывания (абз. 5 п. 1 Постановления № 62).

В пользу именно последнего варианта говорит то, что некоторые исследователи увидели в этих словах попытку сместить понятие «недобросовестность» из области «негативных» признаков в область позитивной «повышенной заботливости» о юридическом лице [161, с. 224-225] и появление ввиду этого проблемы формулирования «негативных критериев, характеризующих неисполнение обязанности приложить дополнительные усилия и/или понести дополнительные затраты» [161, с. 226].

На наш взгляд, оснований для таких выводов не имеется. В соответствии со сложившимся в судебной практике определением добросовестности под ней понимается либо (вообще) «поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота» (абз. 3 п. 1 Постановления № 25), либо (применительно к обязанностям членов органов юридических лиц) «принятие... необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо» (п. 4 Постановления № 62). Содержательно утверждения Конституционного Суда продолжают эту же логику: поведение членов органов юридического лица при представлении его интересов должно учитывать права и интересы контрагентов организации, в результате чего является недопустимым просто «бросить» компанию со всеми ее долгами. При таком прочтении весь смысл рассматриваемых суждений КС РФ заключается в том, что обязанность доказать факт исключения компании из ЕГРЮЛ или неподачи ее уполномоченным лицом заявления о ликвидации юридического лица в обычном порядке не может лежать на причинителе вреда, поскольку возложение на последнего бремени доказывания своей невиновности как раз и поставлено законом в зависимость от того, была ли исполнена им обязанность по «нормальной» ликвидации созданного юридического лица.

Верным соответственно должен быть признан и обратный вывод: если кредитор в рамках процедуры банкротства не заявлял требований о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, то по завершении процедуры он не должен иметь права обратиться с таким требованием уже вне рамок процедуры банкротства, поскольку сделанное в подп. 1 п. 12 ст. 61.11 ЗоБ исключение из теории идентификации рассчитано только на случай, когда соответствующее требование в рамках дела о банкротстве было невозможно предъявить. Только при подобном понимании выводов Конституционного суда возможно избежать выхода категории «добросовестность» за рамки гражданского права, которое, чтобы быть эффективным и справедливым, должно, как известно, рассчитывать «не на героев и самоотверженных людей, а на среднего человека со средними понятиями об этике и морали» [99, с. 48].

Что же касается указанных ранее возражений про дисбаланс, то отметим, что подобное распределение бремени доказывания вытекает из основополагающего конституционного принципа о недопустимости осуществлять свои права и свободы в нарушение прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), а равно из основополагающего для гражданского права принципа недопустимости извлечения преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Правило «защиты делового решения» (абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), ограждающее интересы уставных представителей в рамках внутренних отношений, не может уже по самой своей сути быть противопоставлено третьим лицам, которые, в отличие от участников юридического лица, не принимали на себя риск наступления неблагоприятных последствий от деятельности компании [189, с. 94-95].

Таким образом, и в данном случае деликтная квалификация рассматриваемой ответственности позволяет полностью объяснить тот способ разрешения проблемы, которая возникла перед правоприменительной практикой.

Из всего изложенного следует, что в настоящее время нет никаких причин не признавать ответственность (бывшего) единоличного исполнительного органа перед третьими лицами именно в качестве деликтной ответственности. С учетом этого вывода считаем целесообразным дополнить сделанное нами в конце параграфа 1.1 первой главы предложение по совершенствованию действующего законодательства в части нового пункта ст. 53.1 ГК РФ оговоркой о том, что единоличный исполнительный орган и иные субъекты, которые должны отвечать в соответствии с этой нормой, несут такую ответственность «кроме случаев, если докажут, что действовали при исполнении своих обязанностей добросовестно и разумно (п. 2 ст. 1064 ГК РФ)», чем подчеркнем именно деликтный характер этой ответственности, устранив споры в этой части на будущее.

Таким образом, по итогам проведенного в третьей главе анализа установлено, что ответственность единоличного исполнительного органа за неразумное и недобросовестное осуществление своих полномочий носит субсидиарный характер по отношению к ответственности самого юридического лица перед третьими лицами и не меняет своего характера также в случае, если действия единоличного исполнительного органа квалифицируются как преступление. При этом по своей правовой природе эта ответственность носит деликтный характер [184].

## Заключение

Проведенное диссертационное исследование института единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице позволило решить заявленную научную задачу по разработке и обоснованию теоретических положений, направленных на развитие представлений о единоличном исполнительном органе в корпоративном юридическом лице, и сформулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики.

В работе обосновано, что действительное содержание понятия «единоличный исполнительный орган» раскрывается через его двойственный статус: являясь частью юридического лица, он выступает в отношениях с третьими лицами функционально как представитель особого рода, занимающий промежуточное положение между законными и добровольными представителями. Эта концепция позволяет объяснить как сохранение организационного единства корпорации, так и возможность прямой ответственности руководителей перед третьими лицами, что создает основу для дальнейшего осмысления статуса руководителя без методологической путаницы, вызванной доктринальными разногласиями.

Установлены критерии вменения действий юридическому лицу: размещенные в публичном реестре сведения о единоличном исполнительном органе обладают абсолютным авторитетом (принцип публичной достоверности сведений реестра), который не может быть ограничен произвольными исключениями, кроме прямо названных в законе недобросовестности контрагента (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ) и правил о полномочиях из обстановки (абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Доказано, что отношения между юридическим лицом и единоличным исполнительным органом возникают с момента заключения договора

(включая фактический допуск к работе), а не после принятия решения об избрании на должность или внесения сведений в ЕГРЮЛ. При этом предложен механизм автоматической пролонгации договора для предотвращения ситуаций, когда юридическое лицо останется без руководителя.

Разработана классификация действий (бездействия) единоличного исполнительного органа в зависимости от возможности влияния вышестоящих органов (учредителей) на возникновение юридических последствий таких действий (бездействия), которая включает в себя три группы: полностью подконтрольные действия (издаваемые правовые акты и принимаемые решения), действия, подконтрольные при условии осведомленности другой стороны о нарушении (совершаемые сделки), и неподконтрольные действия (бездействие) (различные юридические поступки, как то деликты или собственно акты голосования). При этом в последней группе выделена особая подгруппа опосредованно подконтрольных актов, к которым отнесены результаты голосования гражданско-правовых собраний, в которых участвовал единоличный исполнительный орган.

Особое внимание уделено последствиям отсутствия сформированного единоличного исполнительного органа корпоративного юридического лица: для преодоления текущей ситуации, когда основным последствием является возникновение оснований для прекращения деятельности организации, обосновано, что единственным средством сохранения управляемости организации являются предложенные в работе инструменты временного приостановления корпоративных прав лица, препятствующего принятию коллегиальным органом управления юридического лица решения об избрании и, при непреодолимой конкуренции кандидатов, судебного назначения лица с наилучшей деловой репутацией.

В части ответственности единоличного исполнительного органа доказано, что преступные действия директора при исполнении полномочий

не выходят за границы его служебных обязанностей, а потому не являются основанием для его прямой имущественной ответственности перед контрагентами юридического лица. Сама же такая ответственность является по своей правовой природе деликтной (ответственностью из причинений вреда), что позволяет применять к ней презумпцию вины и правила о грубой неосторожности потерпевшего.

Сделанные выводы рассчитаны на правоотношения с участием единоличного исполнительного органа в корпоративных юридических лицах, созданных и действующих по праву Российской Федерации. Некоторые из сделанных выводов (о природе ответственности, моменте возникновения полномочий, публичной достоверности реестра) могут быть распространены также на унитарные организации. С учетом этих ограничений в тексте настоящего исследования были сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в ст. ст. 51, 53, 53.1, 183, 181.4, 1068 ГК РФ.

## **Список сокращений и условных обозначений**

В настоящей диссертации применяют следующие сокращения и обозначения:

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации;

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации;

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

ГГУ – Германское гражданское уложение 1896 года;

ГТУ – Германское торговое уложение 1897 года;

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года;

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации;

ЕГРЮЛ – Единый государственный реестр юридических лиц;

Закон о регистрации юридических лиц – Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»;

ЗоБ – Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»;

Обзор практики по хозяйственным обществам – Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019);

Постановление № 19 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»;

Постановление № 25 – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;

Постановление № 62 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»;

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации;

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации 2001 года;

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года;

ФГК – Французский гражданский кодекс 1804 года;

ФЗ об АО – Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»;

ФЗ об ООО – Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»;

ФЗ о ПрК – Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»;

ФЗ о С.Х.К. – Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»;

DGCL – «Общий закон о корпорациях» штата Делавэр (США);

CORP – «Корпоративный кодекс» штата Калифорния (США).

## Список литературы

### Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL : [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (дата обращения: 28.07.2026).
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая : федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
5. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
6. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

7. Российская Федерация. Законы. О сельскохозяйственной кооперации : федеральный закон от 08 декабря 1995 г. № 193-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.

8. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах : федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

9. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

10. Российская Федерация. Законы. О производственных кооперативах : федеральный закон от 08 мая 1996 г. № 41-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 20. – Ст. 2321.

11. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

12. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федеральный закон от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 31 (часть I). – Ст. 3431.

13. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

14. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 287-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4983.

15. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7

Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 07 июля 2025 г. № 201-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 28. – Ст. 3841.

16. Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы) [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3684-р] / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 3. – Ст. 609.

### **Зарубежные нормативные правовые акты**

17. Закон об акционерных обществах Германии. Параллельные русский и немецкий тексты = Aktiengesetz. Paralleler russischer und deutscher Text: paralleler russischer und deutscher Text. – Москва: Волтерс Кулвер, 2009. – 440 с. – ISBN 978-5-466-00391-8.

18. Коммерческий кодекс Франции. – Москва: Волтерс Кулвер, 2008. – 1272 с. – ISBN 978-5-466-00335-2.

19. Bürgerliches Gesetzbuch / Министерство Юстиции Германии : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 21.07.2024).

20. Code civil / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte\\_lc/LEGITEXT000006070721/](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/) (дата обращения: 24.04.2024).

21. Code de Commerce / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL :

[https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte\\_lc/LEGITEXT000005634379/](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/) (дата обращения: 21.07.2024).

22. Code de procédure civile / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte\\_lc/LEGITEXT000006070716/](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/) (дата обращения: 25.11.2024).

23. Corporations Act 2001 / Федеральный реестр законодательства Австралии : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/2019-07-01/text> (дата обращения: 24.04.2024).

24. Corporations Code / Законодательная информация штата Калифорния : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=CORP&tocTitle=+Corporations+Code+-+CORP> (дата обращения: 25.11.2024).

25. General Corporation Law / JUSTIA U.S. Law : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://law.justia.com/codes/delaware/title-8/chapter-1/> (дата обращения: 25.11.2024).

26. Handelsgesetzbuch / Министерство Юстиции Германии : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/index.html> (дата обращения: 21.07.2024).

27. Občanský zákoník / Zakony pro lidi : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-89> (дата обращения: 25.11.2024).

28. The Companies Act, 2013 / India Code : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2114> (дата обращения: 25.11.2024).

29. Zákon o obchodních korporacích / Zakony pro lidi : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2012-90> (дата обращения: 25.11.2024)

### Акты Конституционного Суда

30. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П] / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 51. – Ст. 7914.

31. По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук [Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П] / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3913.

32. По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля [Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П] / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 8. – Ст. 1414.

33. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 23 Федерального закона «О некоммерческих организациях», пункта 5 статьи 27 Федерального закона «О политических партиях», подпункта «л» пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», подпункта «б» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и подпункта «б» пункта 9 статьи 36 Избирательного кодекса

Псковской области в связи с жалобой Псковского регионального отделения политической партии «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» [Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2025 № 12-П] / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 12. – Ст. 1364.

### **Акты толкования Верховного суда, арбитражных судов**

34. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19] / Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 1. – ISSN 0869-7426.

35. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10] / Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 8. – ISSN 0869-7426.

36. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 22 от 29.04.2010] / Бюллетень ВС РФ. – 2010. – № 7. – ISSN 0321-0170.

37. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62] / Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10. – ISSN 0869-7426.

38. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25] / Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 8. – ISSN 0321-0170.

39. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23] / Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 12. – ISSN 0321-0170.

40. О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации [Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.10.2000 № 57] / Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. – 2000. – № 12. – ISSN 0869-7426.

41. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018] / Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 5, 6. – ISSN 0321-0170.

42. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020] / Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 10. – ISSN 0321-0170.

43. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020] / Бюллетень ВС РФ. – 2021. – № 3. – ISSN 0321-0170.

44. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020] / Бюллетень ВС РФ. – 2021. – № 5. – ISSN 0321-0170.

45. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019] / Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 5. – ISSN 0321-0170.

46. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 4 (2021) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022] / Бюллетень ВС РФ. – 2022. – № 4, 5. – ISSN 0321-0170.

47. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023] / Бюллетень ВС РФ. – 2023. – № 10. – ISSN 0321-0170.

48. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023] / Бюллетень ВС РФ. – 2023. – № 11. – ISSN 0321-0170.

49. Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 2 (2025) [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025] / Бюллетень ВС РФ. – 2025. – № 10, 11. – ISSN 0321-0170.

50. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025] / Бюллетень ВС РФ. – 2026. – № 1. – ISSN 0321-0170.

51. Рекомендации научно-консультационного совета о практике применения КоАП РФ [одобрены Президиумом ФАС Волго-Вятского округа от 25 января 2007 г. № 1] – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

### **Судебные постановления и решения**

52. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.12.2007 № 10665/07 по делу № А40-57495/06-6-335 / Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 4. – ISSN 0869-7426.

53. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 12.05.2009 № ВАС-5274/09 по делу № А60-11224/2008-С11 – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=93189&cacheid=6F646D9F0AD3488E1992F43057DAC5FF&mode=splus&rnd=y02zRQ#oAFPD2U256hDcTdE1> (дата обращения: 23.01.2023).

54. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2009 № 2417/09 по делу № А40-77124/06-105-576 / Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9. – С. 240-243. – ISSN 0869-7426.

55. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 03.07.2009 № ВАС-8105/09 по делу № А32-12181/08-55/191 – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g3&req=doc&cacheid=5A96DD0BD3099438B562E1FE7925BF0D&mode=backrefs&rnd=y02zRQ&base=ARB&n=99319#BKOPD2UgR3nJk99B1> (дата обращения: 23.01.2023).

56. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 18.04.2011 № ВАС-4670/11 по делу № А50-37028/2009 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58f059d6-06e8-40dc-a7aa-3f1f6ae2965e/0d002a85-efec-4734-8e8d-b74e4b46b92c/A50-37028-2009\\_20110418\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58f059d6-06e8-40dc-a7aa-3f1f6ae2965e/0d002a85-efec-4734-8e8d-b74e4b46b92c/A50-37028-2009_20110418_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 24.04.2024).

57. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 / Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 6. – ISSN 0869-7426.

58. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 27.03.2012 № 12653/11 / Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 7. – ISSN 0869-7426.

59. Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 17.03.2014 № ВАС-2286/14 по делу № А40-50619/2013 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b7256e1f-f343-47bc-8764-932b492ce47d/fa5d4aed-9648-4bc6-9312-8764a6778b80/A40-50619-2013\\_20140317\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b7256e1f-f343-47bc-8764-932b492ce47d/fa5d4aed-9648-4bc6-9312-8764a6778b80/A40-50619-2013_20140317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 19.01.2025).

60. Определение Верховного Суда РФ от 05.03.2019 № 305-ЭС18-15540 по делу № А40-180646/2017 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/1744934](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/1744934) (дата обращения: 18.01.2025).

61. Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 / Верховный Суд Российской Федерации :

официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/1858212](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/1858212) (дата обращения: 18.01.2025).

62. Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2020 № 34-КГ19-12 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/1871812](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1871812) (дата обращения: 16.01.2025).

63. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2020 № 56-КГ20-2 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/1880476](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1880476) (дата обращения: 19.06.2025).

64. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-21283 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/1984590](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/1984590) (дата обращения: 16.01.2025).

65. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/1984588](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/1984588) (дата обращения: 21.04.2025).

66. Определение Верховного Суда РФ от 25.06.2021 № 308-ЭС21-1740 по делу № А32-2305/2020 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b50a5077-c4fc-4204-b973-44ec25775685/0e9951e9-f671-4598-8ed3-76f0adac6ea8/A32-2305-2020\\_20210625\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b50a5077-c4fc-4204-b973-44ec25775685/0e9951e9-f671-4598-8ed3-76f0adac6ea8/A32-2305-2020_20210625_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 25.10.2023).

67. Определение Верховного Суда РФ от 29.09.2022 № 5-УД22-91-К2 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/2163920](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2163920) (дата обращения: 16.01.2025).

68. Определение Верховного Суда РФ от 18.10.2022 № 46-КГ22-31-К6 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст :

электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/2172330](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2172330) (дата обращения: 19.01.2025).

69. Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2023 № 31-КГ22-5-К6 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor\\_pdf/2206650](https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf/2206650) (дата обращения: 15.01.2025).

70. Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/2281174](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2281174) (дата обращения: 30.03.2025).

71. Определение Верховного суда РФ от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/71c54453-b60d-4b5b-b1f5-c006cede1c80/34746305-98a0-40c4-9162-832f04583e63/A40-219032-2022\\_20231116\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/71c54453-b60d-4b5b-b1f5-c006cede1c80/34746305-98a0-40c4-9162-832f04583e63/A40-219032-2022_20231116_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 12.01.2024).

72. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 по делу № А57-4383/2022 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/2333146](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2333146) (дата обращения: 17.06.2025).

73. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2024 № 306-ЭС23-26474 по делу № А12-26592/2022 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf\\_ec/2380110](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2380110) (дата обращения: 30.03.2025).

74. Определение Верховного Суда РФ от 05.11.2024 № 5-КГ24-110-К2 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/2424514](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2424514) (дата обращения: 16.01.2025).

75. Определение Верховного Суда РФ от 19.11.2024 № 5-КГ24-104-К2 / Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – Текст :

электронный. – URL : [https://vsrf.ru/lk/practice/stor\\_pdf/2430438](https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2430438) (дата обращения: 16.01.2025).

76. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 28.02.2013 по делу № А48-1462/2012 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd9882ae-6632-460e-9804-49a7032e4525/c886713d-2a58-4ee4-9fd2-ee6d974f97a7/A48-1462-2012\\_20130228\\_Reshenija\\_i\\_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dd9882ae-6632-460e-9804-49a7032e4525/c886713d-2a58-4ee4-9fd2-ee6d974f97a7/A48-1462-2012_20130228_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 20.02.2023).

77. Постановление АС Северо-Западного округа от 22.11.2018 по делу № А56-62239/2017 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc9a0844-fade-40ffb-ae3-43c1383ebc57/f19ef31b-9a58-4805-9925-a626fb319445/A56-62239-2017\\_20181122\\_Postanovlenie\\_kassacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cc9a0844-fade-40ffb-ae3-43c1383ebc57/f19ef31b-9a58-4805-9925-a626fb319445/A56-62239-2017_20181122_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 09.03.2023).

78. Постановление АС Поволжского округа от 14.04.2021 по делу № А12-11174/2020 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c5ff6c1-791b-4c34-999d-5782a832465b/8e14648e-0c93-4851-9cfb-6db04df712e5/A12-11174-2020\\_20210414\\_Postanovlenie\\_kassacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c5ff6c1-791b-4c34-999d-5782a832465b/8e14648e-0c93-4851-9cfb-6db04df712e5/A12-11174-2020_20210414_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 23.03.2026).

79. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 08.12.2021 № Ф08-11803/2021 по делу № А32-2470/2021 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/55310ad8-3b1d-4412-94ad-e8561194e785/646258d8-46d8-4d2c-acc1-2efd8e10eab8/A32-2470-2021\\_20211208\\_Postanovlenie\\_kassacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/55310ad8-3b1d-4412-94ad-e8561194e785/646258d8-46d8-4d2c-acc1-2efd8e10eab8/A32-2470-2021_20211208_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 23.03.2026).

80. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.08.2022 по делу № А03-7498/2021 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c5a3c89-25a0-4ff2-ab14->

e15e5299e891/1f4f66dc-6960-4258-8564-6c5109a33807/A03-7498-2021\_20220803\_Postanovlenie\_kassacionnoj\_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.03.2026).

81. Постановление АС Центрального округа от 03.08.2022 № Ф10-2883/2022 по делу № А68-10909/2021 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f975b3e4-9238-4ea3-afb2-73efa2724da6/8e936b1b-2182-49ea-811e-6085805a70a4/A68-10909-2021\\_20220803\\_Reshenija\\_i\\_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f975b3e4-9238-4ea3-afb2-73efa2724da6/8e936b1b-2182-49ea-811e-6085805a70a4/A68-10909-2021_20220803_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 23.03.2026).

82. Решение Арбитражного суда Амурской области от 18.05.2021 по делу № А04-590/2021 – Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL : [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a4c2ac3c-e5b6-49af-831f-814893901635/3b0b106e-d2ad-42eb-b403-fe703ed83aeb/A04-590-2021\\_20210518\\_Reshenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a4c2ac3c-e5b6-49af-831f-814893901635/3b0b106e-d2ad-42eb-b403-fe703ed83aeb/A04-590-2021_20210518_Reshenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 23.03.2026).

83. Решение Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 18.01.2023 по делу № 2-803/2023 / Автозаводский районный суд Нижнего Новгорода : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://avtozavodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=2&name\\_op=doc&number=79769430&delo\\_id=1540005&new=0&text\\_number=1](https://avtozavodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=79769430&delo_id=1540005&new=0&text_number=1) (дата обращения: 21.04.2025).

### **Судебные постановления и решения иностранных судов**

84. Cass. com. 12-12-1973 № 72-12.979 / Bull. civ. IV № 361 // Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006991286> (дата обращения: 24.04.2026).

85. Cass. com. 15-3-1984 № 82-15.081 / Bull. civ. IV № 106 // Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007013576> (дата обращения: 24.04.2024).

86. Cass. com. 9-3-1999 № 96-13.782 / RJDA 4/99 № 464 // Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007038929> (дата обращения: 24.04.2026).

87. Usnesení Nejvyššího soudu ČR sp. zn. 29 Cdo 396/2016, ze dne 13. 7. 2016 / Zakony pro lidi : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.zakonyprolidi.cz/judikat/nscl/29-cdo-396-2016> (дата обращения: 25.11.2024).

88. Cass. 3e civ. 16-11-2017 № 16-23.685 / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000036056048/> (дата обращения: 25.11.2024).

89. Cass. com. 9 mars 2022 № 19-25.704 / Кассационный суд Франции : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.courdecassation.fr/decision/6228523d590661fa1d597d22> (дата обращения: 24.04.2024).

90. Cass. com. 21-9-2022 № 20-21.416 / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000046330450> (дата обращения: 25.11.2024).

91. Cass. 3e civ., 26 oct. 2023, № 21-17937 / Государственная служба Франции по опубликованию нормативных актов (SPDD) : официальный сайт.

– Текст : электронный. – URL :  
<https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000048283886> (дата  
 обращения: 21.07.2024).

### **Акты толкования иных органов и организаций**

92. Письмо Банка России от 25.11.2015 № 06-52/10054 – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL :  
[https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_189457/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189457/) (дата обращения: 28.06.2026).

93. Письмо Банка России от 21.06.2023 № 44-13/2333 – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст : электронный. – URL :  
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407268438/> (дата обращения: 28.06.2026).

94. О квалификационных требованиях к лицам, осуществляющим отдельные функции в финансовых организациях, о порядке направления уведомлений в Банк России о назначении на должность (временном исполнении обязанностей по должности), об освобождении от должности (прекращении временного исполнения обязанностей по должности) указанных лиц, формах указанных уведомлений и перечне прилагаемых к ним документов, а также о порядке оценки Банком России соответствия указанных лиц квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации [Указание Банка России от 17.09.2025 № 7169-У] // Вестник Банка России. – 2025. – № 49.

95. Письмо ФНС России от 23.08.2006 № ГВ-6-14/846@ – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL :  
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=62818>  
 (дата обращения: 05.02.2024).

96. Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ [Информационное письмо ФССП России] – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL : [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_217658/8376e92eaf725b692ce9bfac52a83e1640d346c4/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217658/8376e92eaf725b692ce9bfac52a83e1640d346c4/) (дата обращения: 28.06.2026).

### **Статистические данные**

97. Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 23.11.2025).

98. Статистика по государственной регистрации / Федеральная налоговая служба : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://www.nalog.gov.ru/rn77/related\\_activities/statistics\\_and\\_analytics/regstats/](https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/) (дата обращения: 18.03.2025).

### **Книги**

99. Беляцкий, С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда / С.А. Беляцкий. – Санкт-Петербург: Издание юридического книжного склада «ПРАВО», 1913. – 59 с. – ISBN отсутствует.

100. Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский ; Книга первая: Общие положения. 3-е издание, стереотипное. – Москва: Статут, 2011. – 847 с. – ISBN 978-5-8354-0749-1.

101. Брагинский, М.И. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский ; Книга пятая. В 2 томах. Том 1: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. 2-е издание, стереотипное. – Москва: Статут, 2011. – 736 с. – ISBN 978-5-8354-0753-8.

102. Ванин, Н.Г. Товарищества простое, полное и на вере. Научно-практический комментарий к ст. ст. 276–317 гражданских кодексов РСФСР и УССР / Н.Г. Ванин, А.Е. Вормс ; 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Право и жизнь, 1928. – 194 с. – ISBN отсутствует.

103. Виндшейд, Б. Учебник пандектного права / Б. Виндшейн ; Том 1. Общая часть. – Санкт-Петербург: Издание А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. – XIV, 358 с. – ISBN отсутствует.

104. Габов, А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве / А.В. Габов. – Москва: Статут, 2010. – 253 с. – ISBN 978-5-8354-0654-8.

105. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 672 с. – ISBN 978-5-386-10611-9.

106. Гойхбарг, А.Г. Хозяйственное право Р.С.Ф.С.Р / А.Г. Гойхбарг ; Том I. Гражданский кодекс. – Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. – 212, IV с. – ISBN отсутствует.

107. Гордон, А.О. Представительство в гражданском праве / А.О. Гордон. – Санкт-Петербург: Типография Шредера, 1879. – XII, 434 с. – ISBN отсутствует.

108. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. Комментарий / под редакцией А.Г. Гойхбарга и И.Г. Кобленца ; 2-е издание. – Москва, Ленинград : Государственное издательство, 1925. – 559 с. – ISBN отсутствует.

109. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. – Москва: Издательство «Зерцало», 2003. – 496 с. – ISBN 5-8078-0088-5.

110. Дернбург, Г. Пандексты / Г. Дернбург ; Том 1. Общая часть. – Москва: Университетская типография, 1906. – XVI, 465 с. – ISBN отсутствует.

111. Евецкий, А. О юридических лицах / А. Евецкий ; Киев: Типография арендованная Д. Повальским, 1876. – 63 с. – ISBN отсутствует.

112. Егоров, А.В. Представительство: исследование судебной практики / А.В. Егоров, Е.А. Панченкова, А.М. Ширвиндт. – Москва: Статут, 2016. – 383 с. – ISBN 978-5-8354-1216-7.

113. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов. В 2 томах. Том 1 / Составитель И.М. Тютрюмов. 6-е издание. – Рига: Издание книгоиздательства и книжного магазина Давида Гликсмана, 1923. – XXIV, 1413 с. – ISBN отсутствует.

114. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов. В 2 томах. Том 2 / Составитель И.М. Тютрюмов. 6-е издание. – Рига: Издание книгоиздательства и книжного магазина Давида Гликсмана, 1923. – VIII, 879 с. – ISBN отсутствует.

115. Институты Гая. – Москва: Статут, 2020. – 384 с. – ISBN 978-5-8354-1619-6.

116. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – Москва: Юридическая литература, 1975. – 880 с. – ISBN отсутствует.

117. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – Москва: Юридическая литература, 1967. – 494 с. – ISBN отсутствует.

118. Канарис, К.В. Торговое право: учебник / К.В. Канарис. – Мюнхен: Книгоиздательство К. Х. Бек, 1995. – XVIII, 610 с. – ISBN 3-406-39358-6.

119. Комментарий к ГК РСФСР. 2-е издание. – Москва: Юридическая литература, 1970. – 870 с. – ISBN отсутствует.

120. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В. Ломакин. – Москва: Статут, 2008. – 511 с. – ISBN 978-5-8354-0503-9.

121. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер ; 8-е издание. – Санкт-Петербург: Типография Д.В. Чичинадзе, 1902. – IV, V, XVIII, 676, 50, XLVII с. – ISBN отсутствует.

122. Морандьер, Л.Ж. Гражданское право Франции / Л.Ж. Морандьер. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 742 с. – ISBN отсутствует.

123. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. Том 2 / под редакцией И.С. Шиткиной. – Москва: Статут, 2021. – 494 с. – ISBN 978-5-8354-1759-9.

124. Писемский, П. Акционерные компании с точки зрения гражданского права / П. Писемский. – Москва: Типография Грачева И.К., 1876. – 230 с. – ISBN отсутствует.

125. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. – Москва: «Статут», 2003. – 622 с. – ISBN 5-8354-0150-7.

126. Проект книги первой Гражданского уложения. С объяснительной запискою. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1895. – II, 520 с. – ISBN отсутствует.

127. Проект книги пятой Гражданского уложения. С объяснительной запискою. Том 4. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1899. – II, 570 с. – ISBN отсутствует.

128. Савиньи, Ф.К. Обязательственное право / Ф.К. Савиньи. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 576 с. – ISBN 5-94201-246-6.

129. Савиньи, Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 томах. Том II / Ф.К. фон Савиньи. – Москва: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. – 573 с. – ISBN 987-5-8354-0877-1.

130. Синайский, В.И. Русское гражданское право. Выпуск I: Общая часть. Вещное право. Авторское право / В.И. Синайский. – Киев: «Прогрессъ», 1917. – 258 с. – ISBN отсутствует.

131. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права / П.И. Стучка ; Том II. Общая часть гражданского права. – Москва: Издательство коммунистической академии, 1929. – 376 с. – ISBN отсутствует.

132. Тычинская, Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Е.В. Тычинская. – Москва: Статут, 2012. – 175 с. – ISBN 978-5-8354-0804-7.

133. Флейшиц, Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения / Е.А. Флейшиц. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1951. – 239 с. – ISBN отсутствует.

134. Чупрунов, И.С. Ответственность директора перед юридическим лицом: научно-практический комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» / И.С. Чупрунов. – Москва: М-Логос, 2025. – 362 с. – ISBN 978-5-6049872-8-5.

135. Шерешевский, И.В. Представительство: Поручение и доверенность / И.В. Шерешевский. – Москва: Издательство «Право и жизнь», 1925. – 107 с. – ISBN отсутствует.

136. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннексерус, Т. Кипп, М. Вольф. – Том I. Полутом 1. Введение и общая часть. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1949. – 432 с. – ISBN отсутствует.

## Статьи

137. Авилов, Г.Е. Хозяйственные товарищества и общества в гражданском кодексе России / Г.Е. Авилов // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Ответственный редакцией А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. – Москва: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. – С. 176-202. – ISBN 5-7709-0095-4.

138. Андреев, В.К. Гражданский кодекс Российской Федерации и развитие теории юридического лица / В.К. Андреев // Журнал российского права. – 2023. – Том 27, № 4. – С. 48-58. – ISSN 1605-6590.

139. Андреев, В.К. Правовое устройство корпоративного юридического лица / В.К. Андреев // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 73-80. – ISSN 1026-9452.

140. Андреев, В.К. Применение норм ГК РФ об органе корпорации в судебной практике / В.К. Андреев // Российское правосудие. – 2018. – № 10. – С. 29-36. – ISSN 2072-909X.

141. Андреев, В.К. Природа устава хозяйственного общества / В.К. Андреев // Российское правосудие. – 2014. – № 7(99). – С. 17-24. – ISSN 2072-909X.

142. Андреев, В.К. Современное понимание юридического лица / В.К. Андреев // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2015. – № 2(3). – С. 52-60. – ISSN 2412-4141.

143. Алексеев, С.С. Гражданское право: учебник / С.С. Алексеев // Собрание сочинений. В 10 томах. Том 8: Учебники и учебные пособия. / С.С. Алексеев. – Москва: Статут, 2010. – С. 385-471. – ISBN 978-5-8354-0710-1.

144. Байгушева, Ю.В. Тайная оговорка представителя / Ю.В. Байгушева // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – № 7. – С. 4-11. – ISSN 2500-2643.

145. Болдырев, В.А. Понятие и частноправовое значение регистрационных действий / В.А. Болдырев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – ISSN 1992-8041.

146. Булдакова, А.А. Сущность и правовая природа органов юридических лиц как субъектов гражданского и арбитражного процессуального права / А.А. Булдакова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 11. – С. 16-20; № 12. – С. 5-8. – ISSN 1812-383X.

147. Бушев, А.Ю. О балансе интересов большинства и меньшинства акционеров при консолидации акций / А.Ю. Бушев, В.Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 49-66. – ISSN 0131-8039.

148. Бычкова, Е.Н. Договоры акционерного общества с его исполнительным органом и ответственность за их нарушение / Е.Н. Бычкова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 2(229). – С. 164-171. – ISSN 0131-8039.

149. Виленский, Н.М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия / Н.М. Виленский // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 10. – С. 94-113. – ISSN 2500-2643.

150. Галушкин, Ф.В. Прямой деликтный иск к работнику: в поисках генерального подхода / Ф.В. Галушкин // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 12. – С. 65-96. – ISSN 2500-2643.

151. Гербутов, В. К вопросу о юридической силе действий неправомерно назначенного генерального директора / В. Гербутов, Е. Масленников // Корпоративный юрист. – 2010. – № 1. – ISSN 1816-109X/

152. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России / О.В. Гутников // Журнал российского гражданского права. – 2018. – № 3. – С. 39-52. – ISSN 1605-6590.

153. Гутников, О.В. Особые меры гражданско-правовой ответственности в корпоративном праве как базисная характеристика корпоративной ответственности / О.В. Гутников // Журнал российского гражданского права. – 2019. – № 8. – С. 72-84. – ISSN 1605-6590.

154. Гутников, О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2021. – Том 25, № 6. – С. 48-65. – ISSN 1605-6590

155. Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и

правовая природа / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 45-77. – ISSN 2072-8166.

156. Гутников, О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2022. – Том 26, № 7. – С. 48-67. – ISSN 1605-6590.

157. Дедов, Д.И. Дело «Торговая фирма «Флора 21 век» против общества "Альком-Строй". Комментарий / Д.И. Дедов // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / под редакцией А.А. Иванова. – Москва: Статут, 2012. – 524 с. – ISBN 978-5-8354-0824-5.

158. Демкина, А.В. Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц / А.В. Демкина // Гражданское право. – 2017. – № 4. – С. 9-12. – ISSN 2070-2140.

159. Дерюгина, Т.В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда / Т.В. Дерюгина // Власть закона. – 2018. – № 1 (33). – С. 31-39. – ISSN 2079-0295.

160. Ерчак, С.В. К Вопросу о соотношении сделки и решения собрания / С.В. Ерчак // Сфера права. – 2020. – № 4. – С. 10-20. – ISSN отсутствует.

161. Жукова, Ю.Д. Основания привлечения руководителя к ответственности в корпоративных отношениях: новые тенденции судебной практики / Ю.Д. Жукова, А.С. Подмаркова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 4. – С. 206-232. – ISSN 2072-8166.

162. Забоев, К.И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица / К.И. Забоев // Закон. – 2015. – № 3. – С. 94-120. – ISSN 0869-4400.

163. Завадский, С.В. Общая часть, вещное и обязательственное право / С.В. Завадский // Право советской России: сборник статей. Выпуск 2. – Прага: Легиография, 1925. – С. 5-97. – ISSN отсутствует.

164. Зайцев, О.Р. Дела о защите от действий лица, выступавшего в качестве директора организации при отсутствии у него таких полномочий (комментарий к Постановлениям Президиума ВАС РФ от 02.06.2009 № 2417/09, от 03.11.2009 № 9035/09, от 22.12.2009 № 9503/09) / О.Р. Зайцев // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под редакцией А.А. Иванова. – Москва: Статут, 2012. – С. 13-22. – 510 с. – ISBN 978-5-8354-0826-9.

165. Заказнов, Ю.Ю. Право супруга участника корпорации на приобретение статуса участника и значение судебного решения / Ю.Ю. Заказнов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – №. 9. – С. 4-18. – ISSN 2500-2643.

166. Иеринг, Р. Рефлекторное или обратное действие юридических фактов на третьих лиц / Р. Иеринг // Власть закона. – 2010. – № 3. – С. 190-225; № 4. – С. 172–215. – ISSN 2079-0295.

167. Иеринг, Р. *Culpa in contrahendo*, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров / Р. Иеринг // Вестник гражданского права. – 2013. – Том 13. № 3. – С. 190-266. – ISSN 1992-2043.

168. Иеринг, Р. Составляющая вины в римском частном праве / Р. Иеринг // Правоведение. – 2023. – Том 67. № 2. – С. 216-257. – ISSN 0131-8039.

169. Илюшина, М.Н. Актуальные вопросы формы сделок и института представительства юридических лиц / М.Н. Илюшина // Юрист. – 2006. – № 1. – С. 2-6. – ISSN 1812-3929.

170. Илюшина, М.Н. Проблема передачи полномочий единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью / М.Н. Илюшина // Нотариальный вестник. – 2022. – № 7. – С. 16-23. – ISSN 1819-6624.

171. Илюшина, М.Н. Решение единственного участника хозяйственного общества: новые позиции законодательства и судебной

практики / М.Н. Илюшина // Нотариальный вестник. – 2021. – № 12. – С. 19-26. – ISSN 1819-6624.

172. Кантор, Н.Е. О двойных (множественных) косвенных исках бенефициарных владельцев в интересах подконтрольных корпораций / Н.Е. Кантор // Закон. – 2024. – № 8. – С. 133-145. – ISSN 0869-4400.

173. Керселян, А.С. Деликтная квалификация серой зоны обязательственного права: практический анализ / А.С. Керселян // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – № 11. – С. 84-113. – ISSN 2500-2643.

174. Козлова, Н.В. О праве участия в обществе с ограниченной ответственностью лица, состоящего в браке / Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 7. – С. 4-21. – ISSN 2500-2643.

175. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 8-99. – ISSN 0869-7426.

176. Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. – 2009. – Том 9. № 2. – ISSN 1992-2043.

177. Косякин, И.А. Дисциплинарная ответственность генерального директора хозяйственного общества: рудимент или необходимая опция? (Исследование в свете судебной практики) / И.А. Косякин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4 (39). – С. 135-143. – ISSN 1995-5502.

178. Косякин, И.А. Договор с генеральным директором в современных экономических условиях / И.А. Косякин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2020. – Том 10. № 2. – С. 30-41. – ISSN 2223-1501.

179. Левашов, В.К. Защита корпоративных прав от действий мнимых органов / В.К. Левашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. – № 1. – С. 96-106. – ISSN 1993-1778.

180. Левашов, В.К. Защита корпоративных прав от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов корпорации / В.К. Левашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 3. – С. 112-123. – ISSN 1993-1778.

181. Левашов, В.К. К вопросу о значении государственной регистрации сведений о руководителе юридического лица для третьих лиц / В.К. Левашов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – № 1. Том 13. – С. 64-69. – ISSN 2313-6138.

182. Левашов, В.К. К вопросу о моменте возникновения полномочий членов исполнительных органов юридического лица / В.К. Левашов // Законность и правопорядок. – 2025. – № 1 (45). – С. 35-38. – ISSN 2658-4271.

183. Левашов, В.К. К вопросу о назначении единоличного исполнительного органа в условиях корпоративного конфликта / В.К. Левашов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2025. – № 1 (37). – С. 16-20. – ISSN 2500-2899.

184. Левашов, В.К. К вопросу о правовой природе органов юридического лица / В.К. Левашов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 254-259. – ISSN 2078-5356.

185. Левашов, В.К. Правовое экспериментирование в области защиты корпоративных прав от действий мнимых органов / В.К. Левашов // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 759-762. – ISSN 2712-8520.

186. Левашов, В.К. Правовые рекомендации по преодолению дисфункциональности органов юридического лица: опыт Германии и перспективы его внедрения в России / В.К. Левашов // Юридическая орбита. – 2025. – № 5. – С. 210-212. – ISSN отсутствует.

187. Левашов, В.К. Пределы контроля участников юридического лица за действиями его органов / В.К. Левашов // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам IV Международной научно-практической конференции : в двух томах. Том 1

; под редакцией С.А. Трофимова, Т.Ю. Новиковой, сост. И.В. Хмиль. – Симферополь : Издательство «Научный мир», 2025. – С. 841-846. – 1308 с. – ISBN 978-5-6042514-7-8. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82959935> (дата обращения: 17.07.2026).

188. Левашов, В.К. Пределы ответственности юридического лица за действия его уставных представителей / В.К. Левашов // XVII итоговая студенческая научная конференция : сборник статей конференции : в 4 томах. Том 2 ; под редакцией Д.В. Рыбина, Е.В. Трофимова [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. – С. 185-190. – 268 с. – ISBN 978-5-00220-333-8.

189. Левашов, В.К. Распределение бремени доказывания в спорах о привлечении контролирующих лиц к внебанкротной субсидиарной ответственности / В.К. Левашов // Актуальные проблемы права : сборник научных трудов : под редакцией А.В. Гарбара и И.М. Филяниной. – Хабаровск : Издательство ДВГУПС, 2025. – Выпуск 12. – С. 89-95. – 158 с. – ISSN: 978-5-262-01019-6.

190. Мамагеишвили, В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве / В.З. Мамагеишвили // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021. – № 3. – С. 36-73. – ISSN 2500-2643.

191. Мареев, Ю.Л. О простом товариществе и основных его метаморфозах в обязательственном праве России / Ю.Л. Мареев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 2. – С. 80-93. – ISSN 1993-1778.

192. Мареев, Ю.Л. Российское энергетическое законодательство: риски доктрины в поиске определения / Ю.Л. Мареев // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 526-528. – ISSN 2712-8520.

193. Микрюков, В.А. Пределы аналогии в правовой квалификации последствий истечения срока полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / В.А. Микрюков // Вестник арбитражной практики. – 2022. – №4. – ISSN 2223-1498.

194. Молотников, А. Корпоративное право: К вопросу об истинности субъективных суждений и ложности научных концепций / А. Молотников, И. Шиткина // Хозяйство и право. – 2009. – № 12 (395). – С. 36-47. – ISSN 0134-2398.

195. Монастырский, Ю.Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц / Ю.Э. Монастырский // Журнал российского гражданского права. – 2019. – № 2. – С. 82-95. – ISSN 1605-6590.

196. Назыков, А.Л. О виндикации имущества, отчужденного директором компании помимо ее воли, или в каких случаях действия директора не являются выражением воли компании (британский опыт для российской практики) / А.Л. Назыков // Закон. – 2013. – № 1. – С. 157-167. – ISSN 0869-4400.

197. Невзгодина, Е.Л. Гражданско-правовое представительство и правовой статус органов и работников юридического лица, руководителей представительств и филиалов / Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 1 (10). – С. 45-56. – ISSN 1990-5173.

198. Павлов, А.А. Договорное правоотношение по управлению в корпоративном праве: анализ правоприменительной практики / А.А. Павлов // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Том 9. № 6. – С. 27-44. – ISSN 2226-0781.

199. Петухов, С.В. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц / С.В. Петухов // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 184-188. – ISSN 2076-1503.

200. Самылов, И.В. Правовое положение органа юридического лица: два подхода в теории и практике / И.В. Самылов // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – Москва: Статут, 2016. – С. 134-141. – 448 с. – ISBN: 978-5-8354-1254-9.

201. Скловский, К.И. Недействительность сделки и хищение / К.И. Скловский // Законодательство. – 2019. – № 7. – С. 63-70. – ISSN 1681-8695.

202. Степанов, Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики / Д.И. Степанов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2015. – С. 62-115. – ISSN 2500-2643.

203. Суханов, Е.А. Комментарий к ст. 65<sup>1</sup>–65<sup>3</sup> ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2014. – Том 14. № 3. – С. 107-130. – ISSN 1992-2043.

204. Суханов, Е.А. Ю.К. Толстой на путях поиска "людского субстрата" юридического лица / Е.А. Суханов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 3 (272). – С. 183-196. – ISSN 0131-8039.

205. Телешинин, А.А. Соотношение решения собрания и гражданско-правовой сделки: доктринальные и практические аспекты / А.А. Телешин // Хозяйство и право. – 2020. – № 4 (519). – С. 107-116. – ISSN 0134-2398.

206. Тихонов, В.В. Правовой статус органов управления и их членов в корпоративных отношениях / В.В. Тихонов // Гражданское право. – 2016. – № 4. – С. 40-43. – ISSN 2070-2140.

207. Толстой, Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю.К. Толстой // Ю.К. Толстой. Избранные труды о собственности и правоотношениях. Издание 2-е, дополненное. – Москва: Издательская группа «Закон», 2022. – С. 195-436. – ISBN 978-5-904208-24-0.

208. Филатова, М.А. Мошенничество и сделка / М.А. Филатова, П.С. Яни // Российская юстиция. – 2018. – № 3. – С. 11-15. – ISSN 0131-6761.

209. Филипенко, В. Итоги корпоративного права в 2023 году / О сокращении интереса к корпоративному праву / В. Филипенко // Закон.ру : сайт. – Текст : электронный. – URL

:[https://zakon.ru/blog/2023/12/22/itogi\\_korporativnogo\\_prava\\_v\\_2023\\_godu\\_\\_o\\_s\\_okraschenii\\_interesa\\_k\\_korporativnomu\\_pravu](https://zakon.ru/blog/2023/12/22/itogi_korporativnogo_prava_v_2023_godu__o_s_okraschenii_interesa_k_korporativnomu_pravu) (дата обращения: 25.03.2024).

210. Филипенко, Н.В. Органы, работники и представители юридического лица / Н.В. Филипенко // Вестник экономического правосудия РФ. – 2015. – № 3. – С. 92-108. – ISSN 2500-2643.

211. Цепов, Г.В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству / Г.В. Цепов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 89-93. – ISSN 0131-8039.

212. Черепяхин, Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица / Б.Б. Черепяхин // Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепяхин. – Москва: Статут, 2020. – С. 295-306. – 479 с. – ISBN 978-5-8354-1637-0.

213. Черепяхин, Б.Б. Органы и представители юридического лица / Б.Б. Черепяхин // Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепяхин. – Москва: Статут, 2020. – С. 467-477. – 479 с. – ISBN 978-5-8354-1637-0.

214. Чупрунов, И.С. Представительный иск косвенного участника корпорации / И.С. Чупрунов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – № 4. – С. 4-25. – ISSN 2500-2643.

215. Шиткина, И.С. Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа / И.С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2011. – № 4. – С. 3-17. – ISSN 0134-2398.

216. Шустер, П.Э. Правовая природа единоличного исполнительного органа: теория и практика / П.Э. Шустер // Закон. – 2007. – № 3. – С. 134-141. – ISSN 0869-4400.

217. Яни, П.С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство / П.С. Яни // Законность. – 2022. – № 9 (1055). – С. 29-34. – ISSN 0869-4486.

218. Яни, П.С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство / П.С. Яни // Законность. – 2022. – № 8 (1054). – С. 22-27. – ISSN 0869-4486.

### **Зарубежная литература**

219. Barbièri, J.-B. Mandat apparent: oblige qui ne peut pas / Cci-Paris-Idf : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.cci-paris-idf.fr/fr/prospective/creda/mandat-apparent-oblige-qui-ne-peut-pas> (дата обращения: 24.04.2024).

220. Chapple, L. Corporate authority and dealings with officers and agents / L. Chapple, Ph. Lipton. – Melbourne: CCH Australia Limited and Centre for Corporate Law and Securities Regulation, 2002. – XVI, 192 p. – ISBN 0-7340-2197-6.

221. Dannemann, G. German Civil Code. Buergerliches Gesetzbuch (BGB). Volume I. Books 1–3: paragraphs 1–1296. Article-by-Article Commentary / G. Dannemann, R. Schulze (ed.). – Muenchen, Verlag C. H.: Bech oHG, Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2020. – XXVIII, 2321 p. – ISBN 978-3-406-70035-4.

222. Kapoor, G.K. Company: Law and Practice. A Comprehensive Text Book on Companies Act 2013 / G.K. Kapoor, S. Dhamija. – Taxmann. 2019. – 1108 p. – ISBN 978-9350719770.

223. Kim, S.M. The Provisional Director Remedy for Corporate Deadlock: A Proposed Model Statute / S.M. Kim // Wash. & Lee L. Rev. – 2003. – Volume 60. Issue 1. – P. 111–181. – ISSN 0043-0463.

224. Mairot, A. La délicate détermination de l'origine du pouvoir de représentation des dirigeants sociaux / Actu-Juridique : сайт. – Текст : электронный. – URL : <https://www.actu-juridique.fr/affaires/societes/la-delicate-determination-de-lorigine-du-pouvoir-de-representation-des-dirigeants-sociaux/> (дата обращения: 23.04.2024).

225. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Band I. – Allgemeiner Theil, Berlin, Leipzig. – 1888. – 395 s.

226. Prütting, H. Bürgerliches Gesetzbuch Kommentar, paragraph 29 BGB ... / B. Geltungsbereich / H. Prütting, G. Wegen, G. Weinreich // Haufe : сайт. – Текст : электронный. – URL : [https://www.haufe.de/recht/deutsches-anwalt-office-premium/pruettingwegenweinreich-bgb-kommentar-bgb-29-bgb-b-geltungsbereich\\_idesk\\_PI17574\\_HI16553464.html](https://www.haufe.de/recht/deutsches-anwalt-office-premium/pruettingwegenweinreich-bgb-kommentar-bgb-29-bgb-b-geltungsbereich_idesk_PI17574_HI16553464.html) (дата обращения: 25.11.2024)

227. Saady, N. To Assume or Not to Assume: An Analysis of the Statutory Indoor Management Assumptions in SS 127–30 of the Corporations Act 2001 (Cth) and Recent Cases Dealing With Them / N. Saady, T. McClintock // Australian Journal of Corporate Law. – 2018. – № 33. – P. 250-274. – ISSN 1037-4124.